ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

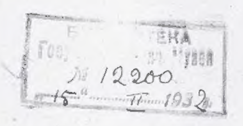
ТОМЪ VI.

Составилъ В. ПОТТО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, д. № 17.
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 26 Октября 1894 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложеніе къ VI тому.

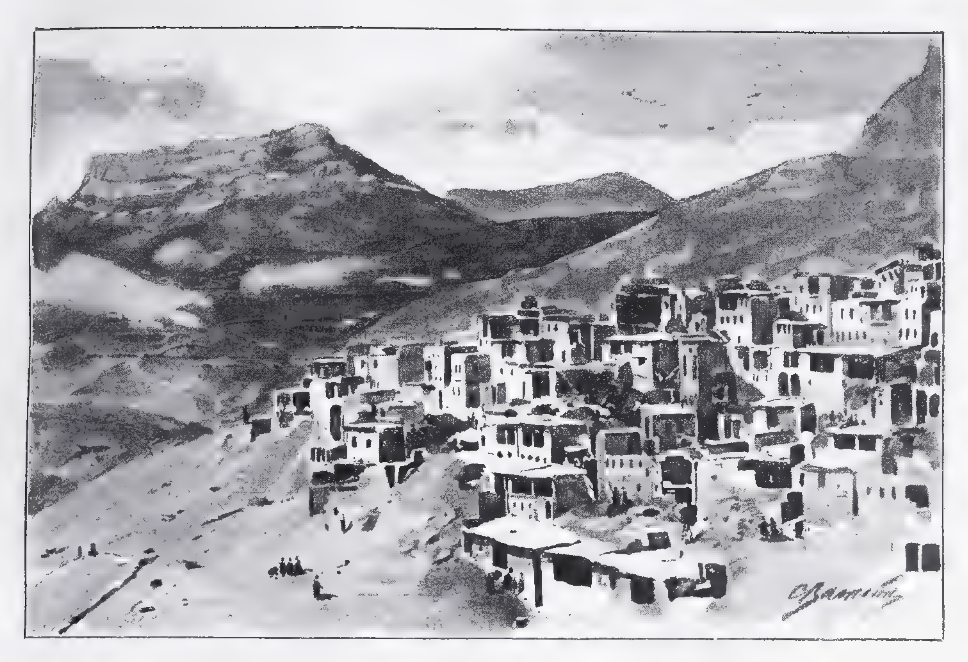
ИСТОРІЯ
44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка.

ЖГ.

Лит. Р. Іолинъ, С.П.Б.

Типы Нижегородцевъ съ 1846—1855. г.

(Изъ Альбома Кн. Гагарина).

Чохъ.

I.

Въ первые дни командованія князя Чавчавадзе.

(1849 г.).

Командиръ полка князь Ясонъ Чавчавадзе.—Выступленіе въ Шуру своднаго дивизіона.—Хаджи-Муратъ появляется въ самой Шурѣ.—Походъ на Турчидагъ.—Неудачная осада Чоха.—Тревожное положеніе дѣлъ на Сулакѣ, и новая инструкція начальнику Сулакской линіи.—Бѣдственная участь, постигшая полковые фуражные запасы.—Отмѣна чеченской экспедиціи.—Усиленныя лѣтнія работы въ Чиръ-Юртѣ.—Лѣсная команда Нижегородскаго полка и ея обстановка.—Характеръ внутренней жизни въ полку при князѣ Чавчавадзе.

Новый командиръ Нижегородскаго полка князь Ясонъ Ивановичъ Чавчавадзе принадлежалъ къ числу старѣйшихъ Нижегородцевъ, къ тѣмъ славнымъ представителямъ эпохи паскевичевскихъ войнъ, о которыхъ преданія никогда не умирали въ полку. Характерная фигура князя, врывавшагося въ толпы непріятеля съ плетью въ рукахъ, какъ живая стояла въ воображеніи и старыхъ, и новыхъ Нижегородцевъ.

Послѣдніе четыре года своей службы князь Чавчавадзе провелъ въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку, куда перешелъ изъ Нижегородскаго во время командованія полковника Постельса. Но эти четыре года, прошедшіе въ безпрерывныхъ походахъ, обогатили его только новымъ военнымъ опытомъ. Князь Воронцовъ, внимательно присматривавшійся къ своимъ подчиненнымъ, сразу выдѣлилъ его изъ ряда другихъ штабъ-офицеровъ, и когда въ 1849 году Круковскій оставилъ свой постъ—онъ назначилъ его командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка.

Князь Чавчавадзе прибылъ въ Чиръ-Юртъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ самое тревожное время, когда начиналась весна, и нападенія горцевъ грозили почти повсемѣстно. Сводный дивизіонъ Нижегородскаго полка (8-й и 10-й эскадроны), подъ командой маіора Урюпина, ушелъ уже въ Шуру, гдѣ также ожидали набѣговъ, которыми всегда знаменовался періодъ, предшествовавшій нашимъ экспедиціямъ въ горы (1). Эти набѣги были явленіемъ обыденнымъ для края; но того, что случилось 14-го апрѣля 1849 года, никто не могъ ожидать, и никто не предвидѣлъ. Это былъ отважный, въ высшей степени смѣлый и дерзкій набѣгъ Хаджи-Мурата на самую Шуру, гдѣ были валы, уставленные пушками, гдѣ жилъ гроза Дагестана князь Аргутинскій, и находилась штабъ-квартира Апшеронскаго полка, одного изъ доблестнѣйшихъ полковъ на Кавказѣ. Апшеронцы никогда не стояли врасплохѣ; часовые ихъ и теперь были на своихъ мѣстахъ, а охотники въ полѣ. И несмотря на все это, Хаджи-Муратъ ворвался въ Шуру, и если отважный налетъ его не имѣлъ крайне тяжелыхъ послѣдствій для Апшеронскаго полка, то послѣдній обязанъ былъ этимъ только счастливому случаю.

Въ темную апрѣльскую ночь пятьсотъ человѣкъ отборныхъ мюридовъ, подъ личнымъ предводительствомъ Хаджи-Мурата, тихо подошли къ Шурѣ со стороны Мусселимъ-аула. Триста человѣкъ изъ нихъ остались на коняхъ, а двѣсти спѣшились, и поползли такъ, какъ умѣютъ ползать только горцы—ни звука, ни шелеста. Охотники, скитавшіеся въ полѣ, чутьемъ, однако, заслышали звѣря, и дали сигнальный выстрѣлъ. На этотъ выстрѣлъ горцы отвѣтили залпомъ, свалили четырехъ охотниковъ и, гикнувъ, разомъ вскочили на брустверъ. Часть ихъ моментально была сбита штыками подоспѣвшаго караула, но остальные свалили плетневую ограду и кинулись внутрь укрѣпленія. Только тутъ они замѣтили, что проводникъ ихъ Кяфиръ—кумыкскій татаринъ, пользуясь минутной

суматохой, измѣнилъ имъ и скрылся. Горцы очутились въ Шурѣ, какъ въ лѣсу. Броситься прямо въ квартиры главныхъ начальниковъ, разбить армянскій базаръ и ускакать съ добычей теперь было нельзя. Время надо было считать секундами. Барабаны уже били тревогу, и глухой шумъ показывалъ, что Шура поднимается на ноги. Путаясь въ улицахъ, горцы увидѣли неподалеку отъ вала большое освѣщенное зданіе и кинулись на него, полагая, что это домъ полкового командира князя Орбеліани. Но это былъ госпиталь. Больные въ страшномъ переполохѣ повскакали съ коекъ и, сбившись въ сосѣднюю комнату, успѣли забаррикадировать двери. Ломать ихъ было некогда: барабанный бой, оглашавшій Шуру, созывалъ войска, и горцы, расхвативъ только наскоро оловянную посуду, которую впопыхахъ приняли за серебряную, исчезли изъ Шуры тѣмъ же путемъ, какимъ появились. Сбѣжавшіеся батальоны успѣли захватить только хвостъ уходившихъ мюридовъ. Суматошная ночь эта стоила Апшеронцамъ 14-ти человѣкъ убитыми и ранеными. Но нельзя не сознаться, что Шура на этотъ разъ отдѣлалась дешево. Хаджи-Муратъ не совсѣмъ ошибся въ направленіи: домъ полкового командира стоялъ какъ разъ напротивъ госпиталя,—и свѣтись въ немъ хотя какая-нибудь лампадка, дѣло могло бы принять совсѣмъ иной оборотъ. Ворваться въ домъ полкового командира, какъ они ворвались въ госпиталь, убить часового, двухъ-трехъ вѣстовыхъ, схватить самого Орбеліани, и, вмѣсто оловянной посуды, вынести полковыя знамена,—могло быть дѣломъ одной минуты. Если бы это удалось, то горцы успѣли бы скрыться съ своими драгоцѣнными трофеями прежде, чѣмъ подоспѣли бы сюда батальоны. Происшествіе это произвело вездѣ большое впечатлѣніе. Государь былъ недоволенъ, и даже сдѣлалъ замѣчаніе Аргутинскому. Въ самомъ дѣлѣ, если Шура, укрѣпленная и охраняемая сильнымъ гарнизономъ, могла пережить подобныя критическія минуты, то что же сказать о какомъ-нибудь Чиръ-Юртѣ, запиравшемся на ночь однѣми рогатками, черезъ которыя свободно перепрыгивали даже гіены. Воронцовъ хорошо понималъ, однако, условія, при которыхъ шла кавказская война, и писалъ государю, что при всей осторожности и бдительности войскъ, подобные случаи были и будутъ всегда неизбѣжны (2).

Если бы драгуны, въ моментъ нападенія Хаджи-Мурата, стояли въ самой Шурѣ, онъ, можетъ быть, и не успѣлъ бы отступить съ такою ничтожною потерей; но драгуны находились въ семи верстахъ отъ города,

въ Большихъ Казанищахъ, и прискакали поздно, когда Хаджи-Муратъ былъ уже далеко. Аргутинскій отмѣнилъ преслѣдованіе. Безплодныя погони и скачки за непріятелемъ, передъ которымъ лежало столько же дорогъ, сколько было въ партіи всадниковъ, Аргутинскій считалъ не только безцѣльными, но даже вредными, укрѣплявшими горцевъ только въ томъ убѣжденіи, что ихъ догнать невозможно. Подобный взглядъ онъ не замедлилъ провести, какъ увидимъ, и въ инструкціи, данной для руководства начальнику Сулакской линіи.

Между тѣмъ наступило лѣто, и сводный дивизіонъ Нижегородскаго полка 2-го іюня перешелъ изъ Большихъ Казанищъ на высоты Турчидага, гдѣ собирались войска для лѣтней экспедиціи. Въ два предшествовавшіе года мы отняли у непріятеля два опорные пункта, Салты и Гергебиль, и теперь на очереди стоялъ передъ нами третій—Чохъ, служившій средоточіемъ боевыхъ силъ и всѣхъ воинственныхъ начинаній со стороны Андаляла. Шамиль зналъ о нашихъ намѣреніяхъ, и въ короткое время превратилъ разоренный аулъ въ первоклассную крѣпость (3).

Съ обширнаго плато, занятаго войсками, Чохъ, лежавшій внизу на одной изъ подгорныхъ террасъ, подъ самыми ногами отряда, представлялся намъ какъ на блюдечкѣ. Мы видѣли какъ подходили къ нему подкрѣпленія, какъ пріѣзжалъ Шамиль, окруженный многочисленнымъ конвоемъ, и какъ послѣ его отъѣзда горцы бросились укрѣплять нѣкоторыя высоты, на которыя прежде не обращали вниманія. Въ нѣсколько дней на нашихъ глазахъ возникло нѣсколько новыхъ Чоховъ, изъ которыхъ каждый могъ выдержать упорную и продолжительную осаду. Войска все это время стояли въ бездѣйствіи, поджидая осадную артиллерію, которую съ большимъ трудомъ переправляли черезъ горы. Наконецъ всѣ приготовленія были окончены, и 5-го іюля пѣхота спустилась къ Чоху, а кавалерія осталась на Турчидагѣ, охраняя дороги въ Кумухъ и Цудахаръ,—въ эти два пункта, откуда подвозились къ намъ боевые и жизненные припасы.

Нѣтъ ничего скучнѣе и утомительнѣе, какъ служба кавалеріи при такой осадѣ, въ которой первенствующая роль принадлежитъ саперамъ—ихъ киркамъ и лопатамъ. Почти два мѣсяца, днемъ и ночью, въ будни и праздники, подъ страшнымъ тропическимъ зноемъ и проливными дождями производились эти работы, представившія собою въ концѣ концовъ цѣлую систему осадныхъ сооруженій. И если большая часть страницъ кавказской

исторіи можетъ выставить потомству имена замѣчательныхъ вождей, безтрепетно ходившихъ на штурмы лѣсныхъ и горныхъ заваловъ, то за осадою Чоха остается полное право передать послѣдующимъ поколѣніямъ

Хаджи-Муратъ.

имена нашихъ инженеровъ и саперъ, которымъ въ этихъ событіяхъ принадлежало первое и почетное мѣсто. Здѣсь начали свое славное поприще Тотлебенъ, два брата Кауфманы, Девель, Типольдтъ и другіе; здѣсь, подъ стѣнами осажденнаго Чоха, вся эта молодежь столько же практи-

ковалась сама для своей будущей славной дѣятельности, сколько усовершенствовала и самое инженерное искусство.

Правильная, систематическая осада крѣпости, какою и была осада Чоха, рѣдко отличается выдающимися эпизодами. Большею частью дни чередуются однообразно, отличаясь одинъ отъ другого только большимъ или меньшимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ. Вылазки со стороны гарнизона составляли явленія почти исключительныя; но если онѣ были, то носили на себѣ уже характеръ необыкновенно кровавый, и стоили громадныхъ жертвъ какъ той, такъ и другой сторонѣ. Одинъ только разъ за всѣ эти томительно скучные дни драгунамъ представилась было возможность имѣть кавалерійское дѣло, но и оно досталось на долю туземной милиціи. Это было 12-го іюля, когда Хаджи-Муратъ бросился съ Кегерскихъ высотъ на отрядный табунъ. Изъ верхняго лагеря поскакала на тревогу милиція, а драгуны получили приказаніе оставаться въ резервѣ. Это было повтореніемъ той же ошибки, что и подъ Мискинджами. Драгуны, конечно, имѣли бы прекрасное дѣло, а милиція привела съ собою только двухъ плѣнныхъ.

Къ исходу августа мѣсяца непріятельская крѣпость лежала уже въ развалинахъ; но эти развалины смотрѣли такъ грозно, что Аргутинскій не рѣшился штурмовать ихъ, понимая, что для насъ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, могли бы получиться только огромныя потери безъ всякой пользы для дѣла. «Мы могли взять мѣсто, гдѣ стоялъ Чохъ,— писалъ онъ Воронцову: — но удержать его за собою нечего было и думать». Къ тому же цѣль, которая поставлена была передъ отрядомъ— уничтожить укрѣпленный аулъ, была имъ достигнута, и бóльшаго онъ добиваться не хотѣлъ. Онъ приказалъ снять осаду, и 23-го августа войска отступили обратно въ свои предѣлы: пѣхота расположилась на Турчидагѣ, а драгуны отправлены были въ Шуру для прикрытія Шамхальской равнины ([1]). Всю осень войска простояли въ ожиданіи, что непріятель воспользуется нашей неудачей, чтобы перейти въ наступленіе. И, дѣйствительно, въ ноябрѣ мѣсяцѣ на границахъ Даргинскаго округа появились огромныя сборища Хаджи-Мурата. Во всемъ шамхальствѣ поднялась тревога, и драгуны, вызванные форсированнымъ маршемъ, 17-го ноября уже были въ Лавашинскомъ ущельи, возлѣ Кака-Махи, куда со всѣхъ сторонъ сходилась и наша пѣхота. Чудные осенніе дни, какіе рѣдко бываютъ въ горахъ Дагестана, такъ и манили всѣхъ изъ душныхъ ка-

менныхъ саклей на просторъ и воздухъ. Если бы Шамиль вторгся въ Даргинскій округъ, походъ встрѣченъ былъ бы войсками съ восторгомъ Но перемѣнчивость кавказской погоды вошла уже въ пословицу. Въ одно прекрасное утро драгуны, проснувшись, увидѣли, или, лучше сказать, совсѣмъ не увидѣли привычную имъ панораму горъ, занавѣсившихся туманомъ. Туманы эти, сгущаясь постепенно, къ полудню разразились наконецъ суровою осеннею непогодою. Но въ то время, какъ плоскость заливали дожди, въ горахъ выпалъ снѣгъ и разыгралась такая метель, что въ двухъ шагахъ предметы терялись изъ виду. Иллюзіи рушились. Теперь всѣ были довольны, когда узнали, что Шамиль уѣхалъ въ свои Ведены, а за нимъ разошлось по домамъ и скопище Хаджи-Мурата (5). Наши войска также были распущены, и сводный дивизіонъ вернулся въ Чиръ-Юртъ, не участвовавъ ни въ одной рукопашной схваткѣ.

Отъ суровыхъ горъ Дагестана перенесемся теперь въ Чиръ-Юртъ и посмотримъ, что происходило въ немъ въ первые мѣсяцы командованія полкомъ князя Чавчавадзе.

Въ то время, какъ наши войска осаждали Чохъ, Сулакская линія стояла на стражѣ, ожидая, что Шамиль сдѣлаетъ какую-либо диверсію, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ осажденной крѣпости. У Гайтемировскихъ воротъ, въ Аухѣ, дѣйствительно стояла чеченская конница, и князь Барятинскій просилъ, чтобы въ случаѣ усиленной канонады со стороны Внезапной или Хассавъ-Юрта, князь Чавчавадзе поспѣшилъ къ нему съ цѣлымъ полкомъ. Въ то же самое время кумыкскій приставъ, войсковой старшина Камковъ, прислалъ сказать, что сильная партія, ходившая въ набѣгъ на Терекъ, возвращается въ горы съ большою добычей и будетъ проходить мимо Чапчакской башни. Третій нарочный былъ изъ Султанъ-Юрта, гдѣ вспыхнулъ пожаръ, угрожавшій истребленіемъ цѣлому аулу, и растерявшіеся жители, для которыхъ явленіе это было почти небывалымъ, также требовали помощи. Чавчавадзе тотчасъ отправилъ къ нимъ дежурный эскадронъ, а другіе три эскадрона, подъ командою маіора Тихоцкаго, выслалъ къ Чапчакской башнѣ для наблюденія за ведущими къ ней дорогами; еще дивизіонъ вышелъ въ резервъ на случай, если бы Тихоцкій встрѣтилъ значительныя силы,—и въ Чиръ-Юртѣ осталось всего два эскадрона, съ которыми дать помощь Барятинскому не представлялось уже никакой возможности (6). Князь Чавчавадзе донесъ объ этомъ Аргутинскому, и просилъ указаній для по-

стояннаго руководства на будущее время, какъ и въ какихъ случаяхъ полкъ долженъ секурсировать Кумыкскимъ владѣніямъ. На это князь Аргутинскій далъ отвѣтъ весьма опредѣленный, притомъ рѣзко выражающій его методичный и осторожный образъ дѣйствій.

«Если—писалъ онъ князю Чавчавадзе:—получатся вѣрныя свѣдѣнія о намѣреніи непріятеля атаковать Внезапную или прорваться черезъ Кумыкскую плоскость въ значительныхъ силахъ, вы обязываетесь прежде всего извѣстить меня съ нарочнымъ, дабы я могъ выслать пѣхоту, по прибытіи которой вы только и должны выступить на помощь уже самостоятельнымъ отрядомъ. Секурсировать же нѣсколькими эскадронами драгунъ, когда непріятель располагаетъ большими силами, считаю безполезнымъ. Ежели бы помощь отъ васъ потребовалась экстренная, вы, извѣстивъ меня черезъ нарочнаго, можете выступить и безъ моего разрѣшенія, но не менѣе, какъ съ четырьмя эскадронами драгунъ и съ тою пѣхотой, которая случится у васъ подъ рукою. Въ этомъ случаѣ вы должны дѣйствовать съ большою осторожностію, дабы не подвергнуть полкъ напрасному разстройству и потерямъ. Что же касается до преслѣдованій мелкихъ партій по ту сторону Сулака, то употреблять противъ нихъ драгунъ нѣтъ ни малѣйшей надобности, ибо для того достаточны мѣстныя средства самой Кумыкской плоскости; но если нападеніе сдѣлано будетъ на ближайшія къ Чиръ-Юрту деревни, то можете выслать одинъ или два эскадрона, если найдете возможнымъ, не подвергая ихъ ни малѣйшему риску, отрѣзать непріятелю отступленіе» (7). Такова была новая программа, начертанная княземъ Аргутинскимъ начальнику Сулакской линіи,—программа, надо сознаться, ставившая дѣйствія полка въ довольно тѣсныя рамки.

Между тѣмъ наступило лѣто. Эскадроны, ходившіе съ Тихоцкимъ, давно вернулись домой, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля. Ауховская конница также покинула свой угрожающій постъ, и отъ Гайтемировскихъ воротъ потянулась къ Чоху, куда Шамиль стягивалъ всѣ свои силы. Аухъ и Салатавія послали къ нему лучшихъ своихъ представителей, и на берегахъ Сулака партіи формировались теперь изъ подонковъ общества, для которыхъ хищничество составляло лишь ремесло болѣе или менѣе прибыльное. Всѣ эти хищничества съ военной точки зрѣнія не заслуживали бы даже вниманія, если бы не случилось одно происшествіе, выдававшееся изъ ряда по своей необычайной дерзости. Однажды отъ

роты Дагестанскаго полка, расположенной на Хутумбашѣ, послана была въ Чиръ-Юртъ небольшая команда съ прапорщикомъ Тарновскимъ. Команда шла по дорогѣ, а офицеръ отдѣлился отъ нея на нѣсколько саженъ, чтобы посмотрѣть какъ строится Зубутовская башня. Въ эту минуту изъ балки выскочили шесть всадниковъ, схватили офицера на глазахъ оторопѣвшихъ солдатъ и умчались за Сулакъ прежде, чѣмъ кто-нибудь опомнился ([8]). Поздній залпъ, посланный въ догонку, поднялъ тревогу на линіи. Изъ Чиръ-Юрта прискакали драгуны; но дѣлать имъ было нечего: они только выслушали разсказъ унтеръ-офицера, посмотрѣли на мѣсто, гдѣ случилось происшествіе, подивились смѣлости горцевъ—и повернули назадъ.

Помимо этой мелкой, но неустанной борьбы съ своими сосѣдями, полку пришлось бороться цѣлое лѣто еще и съ природой, ополчившейся на самую чувствительную отрасль полкового хозяйства,—на его луга и покосы. Сулакъ, который долгое время только сердито шумѣлъ, вдругъ кинулся къ своимъ берегамъ и затопилъ обширную полосу Шамхальской равнины. Аулъ Шамхалъ-Янги-юртъ, Караагачскій лѣсъ, драгунскія пастбища—все очутилось подъ водою. Строевыхъ лошадей, ходившихъ въ то время на подножномъ корму, едва успѣли перегнать изъ затопленныхъ мѣстъ на голую обожженную степь, на которой давно уже не было ни одной былинки, и ихъ пришлось довольствовать запасами, хранившимися на экстренный случай въ самой штабъ-квартирѣ. Двѣ недѣли бушевалъ Сулакъ, разбрасывая свои темно-желтыя воды, а когда присмирѣлъ, то отъ громадныхъ скирдовъ и запасовъ драгунскаго сѣна ничего не осталось. Надо было дѣлать новые запасы, а между тѣмъ чохская экспедиція отняла у Чиръ-Юрта всѣ квартировавшія въ немъ пѣхотныя части, и тяжесть работъ по заготовкѣ сѣна и по постройкамъ въ штабъ-квартирѣ легла на однихъ драгунъ ([9]). Какъ разъ въ эту-то трудную минуту главнокомандующій потребовалъ дивизіонъ Нижегородскаго полка въ Куринское укрѣпленіе, предполагая образовать изъ него на время чеченской экспедиціи подвижной резервъ для Кумыкской плоскости. Это былъ одинъ изъ самыхъ бойкихъ военныхъ районовъ, представлявшій собой весьма заманчивую перспективу, и тѣмъ не менѣе князь Чавчавадзе категорически просилъ объ отмѣнѣ этого распоряженія, выставляя на видъ, что въ случаѣ командировки еще одного дивизіона, полкъ будетъ лишенъ всѣхъ средствъ къ заготовкѣ на зиму сѣна. Доводъ этотъ нельзя было не ува-

жить, и чеченскій походъ окончился на этотъ разъ безъ участія Нижегородцевъ ([10]). Драгуны были недовольны 1849 годомъ: онъ прошелъ для нихъ безслѣдно, и къ старымъ лаврамъ полка ничего не прибавилъ.

Воспользуемся и мы этимъ затишьемъ, которое не могло продолжаться долго, чтобы еще разъ бросить бѣглый взглядъ на Чиръ-Юртъ и на жизнь его обитателей.

Какъ только присмирѣлъ Сулакъ, и разбушевавшіяся волны его вошли въ свои берега, въ Чиръ-Юртѣ закипѣла необычайная дѣятельность. Съ первымъ лучомъ восходившаго солнца драгуны цѣлыми эскадронами выходили въ луга на покосы, или усиленно занимались возведеніемъ построекъ въ своей штабъ-квартирѣ, которая росла и хорошѣла не по днямъ, а по часамъ. Особенно уютно смотрѣла Новая Слободка. Еще и двухъ лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ она обнесена была валомъ, а уже передъ фасадами ея опрятныхъ домиковъ, въ широкихъ палисадникахъ, появились душистая акація, мальвы съ большими розовыми и фіолетовыми цвѣтами, золотистые ноготки, огненныя настурціи. Каждый домикъ имѣлъ у себя свой собственный дворъ, обнесенный заборомъ, съ широкими крытыми воротами по срединѣ. Никто и не подумалъ бы, взглянувши на эту слободку, что три года тому назадъ здѣсь былъ пустырь, по которому даже днемъ опасно было ходить безъ оружія. Въ самой штабъ-квартирѣ, все еще продолжавшей именоваться «укрѣпленнымъ лагеремъ», возводилось теперь феноменальное зданіе, предназначавшееся въ будущемъ для помѣщенія полковыхъ командировъ. Маленькій, скромный домикъ Круковскаго былъ снесенъ, и на его мѣстѣ воздвигались обширныя хоромы такихъ размѣровъ, которые не укладывались даже въ рамки, отводимыя для нихъ генеральнымъ планомъ. Послѣднее обстоятельство вызвало протестъ со стороны Аргутинскаго, который успокоился только тогда, когда князь Чавчавадзе отвѣтилъ, что всѣ распоряженія и денежные расходы по постройкамъ онъ принимаетъ на личную отвѣтственность. Отвѣтственности, разумѣется, никакой не послѣдовало, такъ какъ Воронцовъ сознавалъ вполнѣ необходимость приличнаго помѣщенія для полкового командира, который могъ быть и не такимъ одинокимъ, какъ Круковскій ([11]).

Впрочемъ, подобныя постройки и стоили въ то время не дорого: рабочіе были свои, кирпичъ выжигался тутъ же, а заготовкою лѣсныхъ матеріаловъ и углей занималась особая, спеціальная команда, такъ и но-

сившая названіе «лѣсной» или «угольной». Надо сказать, что за Султанъ-Юртомъ, верстахъ въ 18 отъ штабъ-квартиры, начинался лѣсъ, носившій дорогое для старыхъ драгунъ названіе «урочища Караагача». Это былъ чудный строевой лѣсъ,—все букъ, чинаръ, ясень, да столѣтній орѣшникъ. Онъ тянулся съ большими и малыми перерывами верстъ на сорокъ, и исчезалъ въ мелкихъ порosляхъ у заросшихъ камышами болотъ и озеръ, въ которыя разливаются рѣки Кумыкской плоскости. По срединѣ этого лѣса, напротивъ такъ называемой Мокрой поляны, стоялъ редутъ, въ которомъ помѣщалась команда Нижегородскаго полка, занимавшаяся заготовкой строительнаго матеріала и выжиганіемъ угля. Въ редутѣ для помѣщенія нижнихъ чиновъ имѣлись землянки, а для офицера высокій балаганъ, забранный камышомъ, съ камышевою же крышей, и отверстіями въ ней, замѣнявшими окна. Лѣтомъ въ эти отверстія, кромѣ свѣта, влетали и вылетали ласточки, которыя любили лѣпить свои гнѣзда на потолкѣ балагана. Въ балаганѣ всегда было душно, и офицеръ проводилъ большую часть времени на открытомъ воздухѣ, въ устроенномъ по серединѣ редута воздушномъ павильонѣ, напоминавшемъ собою каланчу или станичную вышку; тамъ было прохладнѣе, да и горизонтъ не былъ такъ стѣсненъ этими скучными сѣрыми валами редута. Оттуда, какъ на ладони, видна была и дорога, ведущая въ станъ изъ штабъ-квартиры, и Мокрая поляна, съ ея мочижинами, поросшими осокой, которыя на зарѣ любили посѣщать дикія утки, гагары, нырки и другіе представители пернатаго царства. Сперва офицеры назначались въ лѣсную команду по очереди, но потомъ ихъ стали посылать и безъ очереди, взамѣнъ наряда на лишнія дежурства или караулы. Находились такіе, которые любили это лѣсное уединеніе; но для большинства такая замкнутая и одинокая жизнь представлялась дѣйствительною ссылкой. Команда съ ранняго утра расходилась на работы по лѣсу, и на стану оставался одинъ офицеръ съ барабанщикомъ. Тоска его одолѣвала смертельная; книгъ не было—тогда о библіотекахъ не было еще и помину; охотиться также было нельзя, потому что выходить изъ района, занятаго рабочими, было опасно. И вотъ офицеръ, наскучавшись вдоволь въ своемъ балаганѣ, идетъ по работамъ: встрѣтятся ему передки, запряженные волами, онъ остановится и смотритъ какъ сваливаютъ бревна, смотритъ внимательно, и начинаетъ соображать какихъ размѣровъ и сколько изъ нихъ выйдетъ досокъ; потомъ сходитъ на пильню, и долго

слѣдитъ какъ ходитъ взадъ и впередъ маховая пила, прислушиваясь къ ея монотонному шарканью, какъ мечтатель прислушивается къ шуму какого-нибудь водопада. И стоитъ онъ до тѣхъ поръ, пока поднявшійся вѣтерокъ не начнетъ обдавать его опилками. Если брусъ ясневый, онъ опять понавѣдается сюда къ тому времени, когда станутъ отбивать доски, чтобы полюбоваться узорами, которыми такъ богата сердцевина этого дерева. Все это не входитъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей, такъ какъ для этого имѣются особые надсмотрщики, но это составляетъ для него развлеченіе, которымъ онъ дорожитъ, потому что часовая стрѣлка при этомъ какъ будто бы скорѣе начинаетъ двигаться по своему циферблату. Наскучатъ работы, онъ сядетъ на бережку и ловитъ сѣткою раковъ, которыми изобилуетъ небольшая рѣчка, носившая названіе Черной, какъ всѣ рѣчки на Кавказѣ, которыя вступаютъ въ лѣсъ хотя не надолго. Такъ проходитъ утро. Къ адмиральскому часу онъ непремѣнно возвратится въ свой камышевый балаганъ, пообѣдаетъ чѣмъ Богъ послалъ, заснетъ, потомъ взберется на вышку и не спускаетъ глазъ съ Мокрой поляны, на которой осока волнуется, колеблемая вѣтромъ, да вода въ мочижинкахъ между осокой сверкаетъ на солнцѣ, какъ зеркало. Но вотъ уже и сумерки; они надвигаются быстро, и вечерній туманъ окутываетъ зубчатыя вершины сосѣднихъ горъ. Въ травѣ зажигаются крошечные огоньки, точно головки фосфорныхъ спичекъ—это свѣтящіеся жучки. А тамъ, въ глубинѣ лѣса, раздается протяжный, заунывный крикъ проснувшейся совы, у которой, какъ у антиподовъ, день начинается тогда, когда у другихъ начинается ночь. Въ это время станъ оживляется. Къ нему со всѣхъ сторонъ, по направленію радіусовъ, сходятся люди по два, по три человѣка, съ топорами и пилами, усталые, раскраснѣвшіеся, покрытые загаромъ и потомъ. Съ наступленіемъ ночи барабанщикъ пробьетъ вечернюю зорю, и редутъ запирается тяжелыми бревенчатыми воротами. Въ полѣ остаются одни охотники: они прикрываютъ сонъ рабочихъ, дѣлаютъ обходы, осматриваютъ мѣстныя трущобы, камыши и овраги. Такъ проходятъ дни за днями, безконечно длинные и скучные для офицера, исполненные трудовъ и лишеній для его команды ([12]).

Но драгунамъ и въ голову не приходило жаловаться на свои лѣсныя командировки; они сознавали, что у другихъ еще хуже, что въ пѣхотѣ есть такія мѣста, гдѣ люди точно погребаются заживо, какъ напр. въ Міатлинской башнѣ или въ Хутумбашевскомъ фортѣ, гдѣ гарнизонъ,

Лѣсная команда Нижегородскаго полка.

запертый въ четырехъ стѣнахъ, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ лишенъ былъ не только простора, но даже свѣта и воздуха.

А въ самомъ Чиръ-Юртѣ жизнь между тѣмъ начала слагаться опять уже совершенно иначе, чѣмъ при Круковскомъ. Съ пріѣздомъ семейства князя Чавчавадзе образовался центръ радушный и гостепріимный, возлѣ котораго стала группироваться большая часть полкового общества. Зиссерманъ, человѣкъ посторонній Нижегородцамъ, пишетъ въ своихъ кавказскихъ воспоминаніяхъ о Чиръ-Юртѣ, что князь Ясонъ принадлежалъ къ числу гостепріимнѣйшихъ людей даже на Кавказѣ, и что домъ его, открытый настежъ, съ утра до ночи наполненъ былъ офицерами полка и случайными пріѣзжими ([13]). Чтобы разнообразить на сколько возможно обычныя удовольствія—музыку и пѣсенниковъ, офицеры вспомнили, что въ Чиръ-Юртѣ существовалъ когда-то храмъ Мельпомены, и, пользуясь наступившимъ затишьемъ въ военныхъ дѣлахъ, возобновили домашніе спектакли. Первое представленіе доставило всѣмъ истинное удовольствіе, но второе окончилось такимъ траги-комическимъ случаемъ, который долго возбуждалъ въ полку общій смѣхъ и веселыя товарищескія шутки ([14]). Шла какая-то пьеса съ двумя женскими ролями, изъ которыхъ Машеньку игралъ чрезвычайно миловидный юноша юнкеръ Ушаковъ, а Оленьку—молодой офицеръ Батіевскій, котораго всѣ звали въ полку «Витенькой». Сначала все шло благополучно; но едва Оленька расположилась на софѣ и запѣла:

Съ папироской ароматной
Забываю горе я...

какъ съ Міатлинской башни вдругъ грохнулъ пушечный выстрѣлъ, и на площади передъ домомъ полкового командира дежурный трубачъ затрубилъ тревогу. Эскадроны, гдѣ служили Батіевскій и Ушаковъ, были на очереди. Все, что сидѣло въ театрѣ, разомъ устремилось въ двери, и только они одни, покинутые всѣми, въ отчаяніи метались по сценѣ, не зная какъ освободиться отъ дамскихъ нарядовъ; платья они сорвали, но съ остальною частью женскаго туалета даже вѣстовые, прибѣжавшіе къ нимъ на помощь, справиться не могли, и дѣло кончилось тѣмъ, что Машенька и Оленька, подобравъ свои юбки въ широкіе лезгинскіе шаровары, какъ были въ корсетахъ, нарумянныя и набѣленныя,—такъ и пустились догонять свои эскадроны, при общемъ смѣхѣ и шуткахъ товарищей... «Доброе, хорошее то было время»—пишетъ одинъ изъ Нижегородцевъ,

вспоминая все, что было пережито имъ въ Чиръ-Юртѣ:—«Мы были тогда молоды, веселы, беззаботны и не помышляли о будущемъ. А будущее многимъ изъ насъ грозило уже кровавою развязкою. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ этого спектакля, какъ Ушаковъ былъ раненъ пулею въ грудь въ извѣстномъ золотухинскомъ дѣлѣ, а еще черезъ два года на штыкахъ турецкаго батальона погибъ и Батіевскій.

Тревога, такъ неожиданно перервавшая спектакль Нижегородцевъ, была фальшивая; но она была первою въ ряду осеннихъ тревогъ, принявшихъ въ этомъ году необычайно острый и кровавый характеръ.

Шура (кавальеръ-батарея).

Рѣка Мичикъ.

II.
Отъ осады Чоха до пріѣзда въ край цесаревича.
(1850 г.).

На берегахъ Сулака послѣ осады Чоха.—Мѣры, принятыя Аргутинскимъ къ возстановленію спокойствія въ краѣ.—Переписка его съ княземъ Чавчавадзе.—Охотничья команда при Нижегородскомъ полку.—Ея значеніе и дѣятельность.—Новый, 1850 г.—Большая тревога 21-го февраля у Темиргоя.—Геройская гибель казаковъ.—Мнѣніе объ этомъ князя Аргутинскаго.—Выступленіе 2-го дивизіона въ Шуру.—Новая система военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ.—Нижегородцы у Чоха, подъ Гергебилемъ и Салтами.—Походъ черезъ Дусраратскій магалъ.—Роспускъ Дагестанскаго отряда.—Общая картина положенія Чечни.—3-й дивизіонъ на рубкѣ лѣса въ Куринскомъ укрѣпленіи.—Стычки 11-го и 12-го августа.—Отзывъ о драгунахъ генерала Козловскаго.—Возвращеніе дивизіона въ Чиръ-Юртъ.

Неудачная осада Чоха, естественно поднявшая духъ непріятеля, вызвала съ его стороны цѣлый рядъ репрессалій, особенно тяжело отражавшихся на нашей Сулакской линіи. У Капчугая и Кумтеръ-кале, у Те-

миргоевскаго поста, по дорогѣ изъ Темиргоя къ Чиръ-Юрту и Петровску—вездѣ появлялись шайки, и не проходило дня безъ какого-нибудь происшествія. Случалось, что цѣлыя команды, высылаемыя съ летучими почтами, пропадали безслѣдно, и пропадали такъ, что только поднятое гдѣ-нибудь казачье ружье, оброненная пика, или примятая трава, взбрызнутая свѣжею кровью, — одни и свидѣтельствовали о совершившейся здѣсь какой-то таинственной драмѣ. Даже самыя окрестности штабъ-квартиры стали не безопасны отъ горцевъ ([1]).

Общественное мнѣніе указывало на это обстоятельство прямо, какъ на результатъ той, можетъ быть, излишней бережливости, съ которою сталъ относиться къ драгунамъ князь Аргутинскій, и обвиняло во всемъ инструкцію, данную имъ начальнику Сулакской линіи ([2]). Когда этихъ инструкцій не было, и Міатлинскій бродъ одинъ или два раза въ день навѣщался драгунскими разъѣздами, горцы не могли проникать въ такихъ значительныхъ силахъ и держаться такъ долго въ шамхальскихъ владѣніяхъ. Князь Чавчавадзе и самъ писалъ объ этомъ Аргутинскому. Но Аргутинскій отвѣчалъ ему категорически, что не видитъ въ появленіи шаекъ большой опасности для края, и ничего не измѣнитъ въ установленной имъ уже разъ системѣ обороны. Расходовать силы драгунъ въ погонѣ за мелкими партіями онъ считалъ безусловно ошибочнымъ. Драгуны составляли резервъ для болѣе важныхъ случаевъ; ими держалось спокойствіе Кумыкской плоскости и цѣлой Шамхальской равнины, а борьбу съ разбойничьими шайками могли вести и жители, которыхъ для того было слишкомъ достаточно ([3]). Правый берегъ Сулака, начиная отъ Султанъ-Юрта до самаго ущелья, за которымъ стояло Евгеніевское, не былъ уже тою пустынною, заброшенною мѣстностью, какою застали его драгуны въ 1846 году. На немъ за послѣдніе два года, подъ охраной нашихъ разъѣздовъ, возникли два небольшіе, но прочно осѣвшіе аула, Чиръ-Юртъ и Міатлы, принявшіе названіе отъ старыхъ развалинъ, гдѣ еще сохранялись роскошные, хотя уже одичавшіе сады и виноградники. Аулы эти образовались изъ салатавскихъ выходцевъ, изъ людей безусловно намъ преданныхъ, и князь Аргутинскій, полагаясь на нихъ больше, чѣмъ на шамхальскую милицію, требовалъ, чтобы князь Чавчавадзе организовалъ изъ нихъ надежную кордонную стражу. Чавчавадзе не отрицалъ той пользы, какую можно было извлечь изъ мѣстнаго населенія, но довѣрить ему исключительно охрану и спокойствіе края почиталъ дѣломъ черезчуръ

рискованнымъ, и даже преждевременнымъ (4). Убѣжденный однако опытомъ, что хищническія шайки являются рѣшительно неуловимыми не только для крупныхъ кавалерійскихъ частей, но даже для конныхъ разъѣздовъ, онъ рѣшилъ повести съ ними борьбу пѣшими людьми, и съ этою цѣлью образовалъ въ полку особую охотничью команду. Собственно говоря, эта команда существовала и прежде, при Круковскомъ, но теперь она получила правильную организацію и извѣстный кругъ дѣятельности. Штатъ ея опредѣленъ былъ въ 150 человѣкъ. Отъ людей, желавшихъ поступить въ команду, требовались, помимо личной храбрости, мѣткая стрѣльба, физическая сила, ловкость, и находчивость въ опасностяхъ. Выдержавшій этотъ искусъ становился охотникомъ. Онъ получалъ право на-чисто брить себѣ голову, носить бороду, одѣваться въ черкеску, и вообще вести жизнь, если не совсѣмъ уже безшабашную, то въ значительной степени пользовавшуюся льготами противъ строевыхъ товарищей. Многіе изъ нихъ выучивались даже говорить по-татарски. Для командованія ими нашелся въ полку и офицеръ, вполнѣ подходившій подъ типъ подобнаго охотника. Это былъ прапорщикъ графъ Оскаръ Менгденъ, незадолго передъ тѣмъ произведенный изъ юнкеровъ Тифлисскаго полка, въ которомъ заслужилъ солдатскій георгіевскій крестъ. Охотникъ онъ былъ замѣчательный, страстный, неутомимый, предпочитавшій лѣсъ, камыши и болота любому свѣтскому обществу. Каждую ночь выходилъ онъ съ своими охотниками изъ Чиръ-Юрта, и иногда не возвращался въ него по нѣскольку сутокъ сряду: кто охотился въ лѣсу, кто сидѣлъ въ засадѣ, а кто и бродилъ по берегу, выслѣживая переправлявшихся на нашу сторону горцевъ. Чаще и чаще стали гремѣть по Сулаку одиночные выстрѣлы, и охотники не рѣдко приносили съ собой одну или двѣ головы, Богъ знаетъ какъ и гдѣ перебитыхъ ими татаръ (5). Но случалось и имъ платиться своими головами. Такъ погибли два храбрые унтеръ-офицера Дзигара и Венцевичъ, которые засѣли вдвоемъ на какомъ-то островку, да тамъ и пропали безслѣдно; только спустя уже много дней охотники случайно наткнулись на ихъ изрубленные трупы (6).

А сколько совершено было охотниками подвиговъ, полныхъ высокаго героизма, интересныхъ и поучительныхъ. Эти подвиги могли бы составить блестящія страницы въ исторіи полка, если бы кто-нибудь позаботился сохранить ихъ для потомства. Но объ этомъ никто не подумалъ—потому ли, что охотники сами не любили о себѣ разсказывать, или

23

потому, что другимъ не было никакого дѣла до того, что ихъ не касалось; но только всѣ эти подвиги канули въ Лету, и исчезли для насъ безслѣдно. Былъ, напр., случай, что два унтеръ-офицера Иванъ и Трифонъ Шевченко вдвоемъ захватили четырехъ вооруженныхъ хищниковъ,—и всѣ четверо оказались русскими дезертирами. Кто хотя немного знакомъ съ кавказскою войною, тотъ знаетъ, какъ были дерзки и предпріимчивы наши бѣглецы, отвергшіеся родины, и точно торопившіеся загасить въ потокахъ крови послѣднія вспышки своей совѣсти. Схватить подобныхъ людей былъ настоящій подвигъ; но и объ этомъ случаѣ, быть можетъ полномъ интересныхъ подробностей, мы знаемъ только то, что оба Шевченко получили за него знаки отличія Военнаго ордена (7).

Учрежденіе охотничьей команды не замедлило принести огромныя выгоды краю. Какъ только жители призваны были къ оружію, а броды на Сулакѣ ежедневно стали осматриваться неутомимыми охотниками, число отважныхъ хищниковъ въ горахъ значительно и сразу уменьшилось: никто изъ нихъ не хотѣлъ напрасно рисковать своей головою, какъ ни соблазнительно смотрѣлъ обмелѣвшій Сулакъ, и какъ ни манила въ наѣзды чудная погода, напоминавшая скорѣе первые дни осени, нежели начало зимы (8). Зимы, собственно говоря, на Сулакской линіи въ 1849 г. не было вовсе; даже въ послѣднихъ числахъ декабря, когда Аргутинскій пріѣзжалъ въ Чиръ-Юртъ и дѣлалъ смотръ Нижегородскому полку, драгуны выѣзжали на ученье въ однѣхъ только курткахъ (9). Казалось, что время для набѣговъ стояло самое благопріятное. Но какъ ни однимъ облачкомъ не омрачилось ясное небо Каспійскаго побережья между Чиръ-Юртомъ и резиденціей шамхала Тарковскаго, такъ ни однимъ выстрѣломъ не были потревожены и войска Сулакской линіи до самаго конца 1849 года.

Новый, 1850 годъ драгуны встрѣтили въ Чиръ-Юртѣ цѣлымъ полкомъ. День выдался весенній, совершенно такой, какой былъ въ первый разъ, когда полкъ пришелъ на Сулакъ. Въ 9 часовъ утра драгуны въ парадной формѣ выстроились передъ своими казармами, гдѣ передъ фронтомъ каждаго эскадрона стоялъ, накрытый чистою скатертью, столъ, а на немъ ведро, съ старательно вычищенною жестяною чаркою. Полковой командиръ обходилъ эскадроны и поздравлялъ людей съ новымъ годомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Тифлисъ, а въ командованіе полкомъ вступилъ временно подполковникъ Дитмаръ (10).

Генералъ-Маіоръ

князь Чавчавадзе.

Генералъ Маіоръ Кн. Чавчавадзе

На Сулакѣ было тихо; но эта тишина вдругъ разразилась такимъ громовымъ ударомъ, какого не помнили здѣсь даже въ старые годы. Вотъ что случилось у Темиргоя 21-го февраля 1850 года.

Утромъ на Темиргоевскій постъ прискакалъ изъ Шамхалъ-Янги-Юрта князь Кусумъ-Бекъ съ двумя нукерами и сообщилъ, что сильная конная партія, разграбивши на Кумыкской плоскости ставку ногайскаго пристава, переправилась на нашу сторону близъ Кази-Юрта. Не успѣлъ онъ передать это извѣстіе, какъ на буграхъ, смежныхъ почти съ укрѣпленіемъ, показалась и самая партія. Она шла камышами на полныхъ рысяхъ, очевидно торопясь достигнуть переправы прежде, нежели ей успѣютъ перерадить дорогу. Какъ разъ въ это время на посту случайно находилась цѣлая казачья сотня, подъ командой есаула Рѣпина. 50 казаковъ тотчасъ вскочили на коней, и Рѣпинъ, не справившись даже о числѣ непріятеля, пустился въ погоню. Съ нимъ поскакалъ и Кусумъ-Бекъ съ своими нукерами. Воинскій начальникъ укрѣпленія сотникъ Ренсковъ, точно предчувствуя катастрофу, выслалъ для поддержанія казаковъ еще 20 человѣкъ линейнаго батальона съ подпоручикомъ Голохвастовымъ, а самъ между тѣмъ распорядился поднять тревогу по линіи. Съ постовой батареи грянули три пушечные выстрѣла. Горцы, не желая ввязываться въ дѣло, кинулись въ сторону и исчезли въ лѣсу. Опасаясь, что они уйдутъ къ Сулаку, Рѣпинъ отдѣлилъ отъ себя 24 казака и приказалъ сотнику Студеникину захватить съ ними выходъ изъ лѣсу, а самъ продолжалъ скакать по сакмѣ, которая и привела его въ чащу дремучаго бора. Здѣсь его ожидала засада. Залпъ грянулъ почти въ упоръ, и вслѣдъ затѣмъ горцы со всѣхъ сторонъ кинулись въ шашки. Увидѣвъ, что ихъ много, Рѣпинъ проворно спѣшилъ казаковъ и встрѣтилъ непріятеля бѣглымъ огнемъ. Онъ все еще разсчитывалъ, что вотъ-вотъ подойдетъ Голохвастовъ съ пѣхотою. Но пѣхота, давно потерявшая казаковъ изъ виду, не рѣшилась по своей малочисленности слѣдовать дальше и отступила на постъ. Перестрѣлку между тѣмъ услыхали въ Темиргоѣ, и только тогда Ренсковъ послалъ извѣстить объ этомъ въ Чиръ-Юртъ, а на помощь къ Рѣпину отправилъ еще команду изъ 20 казаковъ при офицерѣ. Но пока команда выѣзжала съ поста, выстрѣлы смолкли, и казаки встрѣтили на пути Студеникина, отъ котораго узнали о гибели Рѣпина вмѣстѣ со всею его командою ([11]).

Драгуны также опоздали на помощь. Замѣчательно, что въ Чиръ-

Юртѣ пушечныхъ выстрѣловъ совсѣмъ не было слышно, и тревогу ударили только тогда, когда изъ Темиргоя примчался нарочный съ извѣстіемъ, что казаки окружены и находятся въ опасности. Изъ Чиръ-Юрта тотчасъ выслали два дивизіона: одинъ къ Темиргою, другой—къ Міатламъ, чтобы отрѣзать горцамъ путь отступленія. Но ни тотъ, ни другой не поспѣли вó-время. Когда Золотухинъ съ своими эскадронами прискакалъ въ Темиргоевскій лѣсъ, дѣло уже окончилось, и драгуны увидѣли только ужасающую картину побоища—лужи крови, и среди нихъ наваленныя кучами тѣла побитыхъ казаковъ. Среди мертвецовъ драгуны разыскали четырехъ, сохранявшихъ еще признаки жизни, и отъ нихъ-то узнали впослѣдствіи нѣкоторыя подробности этого кроваваго происшествія.

По ихъ словамъ, казачьи лошади, испуганныя шумомъ внезапнаго нападенія, кинулись въ разныя стороны, разорвали кругъ, и дали непріятелю возможность сразу ворваться въ середину казаковъ. Рѣпинъ былъ убитъ изъ первыхъ, и смерть его отразилась въ рядахъ казаковъ смятеніемъ и безпорядкомъ. Не стало души обороны,—и оборона пала. Изъ 26 человѣкъ, впрочемъ, только двое пропали безъ вѣсти, остальные были изрублены, или, покрытые жестокими ранами, брошены на полѣ сраженія замертво. Погибъ и Кусумъ-бекъ вмѣстѣ съ своими нукерами. Въ добычу горцамъ досталось все казачье оружіе и 23 лошади съ полнымъ сѣдельнымъ уборомъ ([12]).

При первыхъ выстрѣлахъ, раздавшихся въ лѣсу, Студеникинъ бросился на выручку Рѣпина, но былъ остановленъ горцами, загородившими ему дорогу. Не успѣвъ пробиться, и самъ окруженный превосходнымъ числомъ непріятеля, онъ занялъ небольшой пригорокъ и отбивался до тѣхъ поръ, пока горцы сами не прекратили своихъ безумно-храбрыхъ атакъ. Студеникинъ былъ раненъ, а изъ 24-хъ, бывшихъ съ нимъ казаковъ—семь выбыли изъ строя убитыми ([13]).

Драма окончилась; но занавѣсъ еще не былъ опущенъ—нужно было вызвать автора, открыть виновниковъ катастрофы,—и слѣдствіе указало на сотника Ренскова, какъ неумѣвшаго распорядиться преслѣдованіемъ, и на подпоручика Голохвастова, такъ некстати отступившаго въ виду непріятеля. «Если бы Ренсковъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи цѣлую сотню на свѣжихъ лошадяхъ», писалъ по этому поводу князь Аргутинскій: «выслалъ бы погоню не такъ поздно и не въ такомъ маломъ числѣ, то казаки настигли бы непріятеля еще на равнинѣ и, ударивъ въ

пики, конечно, нанесли бы ему пораженіе». Онъ также винилъ его въ поздней передачѣ извѣстій драгунамъ, которые черезъ то не могли дать помощь своевременно,—и Ренсковъ былъ отрѣшенъ имъ отъ званія воинскаго начальника укрѣпленія. Голохвастовъ также подвергся недѣльному аресту, хотя Аргутинскій и отнесся къ его поступку весьма снисходительно, полагая, «что продолжая наступленіе, онъ все равно казаковъ бы не выручилъ, а самъ бы погибъ со всею своею командою». По мнѣнію

Горскій пикетъ.

его, главнымъ виновникомъ катастрофы былъ Рѣпинъ, «которому, доскакавъ до лѣса, слѣдовало остановиться и отступить, хотя безъ успѣха, но и безъ потери». На этотъ предметъ онъ обращалъ вниманіе всѣхъ частныхъ начальниковъ и писалъ, что «никакая отвага, удаль и молодечество не могутъ искупить потери, которую можно и должно избѣгнуть ([14])». Мысль эта, глубоко справедливая сама по себѣ, никогда не могла найти сочувствія въ кавказскихъ войскахъ, и не прошло года послѣ смерти Рѣпина, какъ та же отвага завлекла, быть можетъ за предѣлы даже возможнаго, и нашихъ Нижегородцевъ.

Кровавое событіе у Темиргоя, также какъ и набѣгъ Хаджи-Мурата въ минувшемъ году, служили какъ бы предвѣстникомъ близкаго открытія военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ. Войска уже начинали собираться въ Шуру, и туда же въ концѣ апрѣля мѣсяца выступилъ изъ Чиръ-Юрта и 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командой подполковника Дитмара (15). Всѣ были убѣждены, что предстоитъ вторичная осада Чоха, который непріятель, конечно, будетъ отстаивать съ такимъ же упорствомъ, какъ въ прошломъ году. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было сбыться. Войска въ концѣ іюня перешли на Турчидагъ, но вся ихъ боевая дѣятельность только и ограничилась ничтожными рекогносцировками. Въ системѣ нашихъ военныхъ дѣйствій опять наступаетъ крутой переломъ. Трехлѣтняя борьба за обладаніе шамилевскими твердынями убѣдила всѣхъ, что этимъ путемъ нельзя дойти ни до какихъ результатовъ, и сколько бы мы ни брали укрѣпленій, все это не можетъ имѣть никакого вліянія на общій ходъ и положеніе дѣлъ въ горахъ Дагестана. Чохъ, Салты, Гергебиль были совсѣмъ не то, что какая-нибудь европейская крѣпость, имѣвшая стратегическое значеніе. Горцамъ стоило отойти отъ какого-нибудь Гергебиля на три-четыре версты, и природа давала имъ новую крѣпость, ничѣмъ не уступавшую той, которая была потеряна. Продолжать осады такихъ укрѣпленій значило бы десятки лѣтъ вертѣться въ заколдованномъ кругѣ, и каждое лѣто жертвовать напрасно множествомъ людей и денегъ, рискуя къ тому же терпѣть и неудачи. Опытъ привелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что покорить Дагестанъ нельзя, не покоривъ предварительно Чечни, и съ 1850 года все наше вниманіе, всѣ наши силы и средства направляются исключительно на Чеченскую плоскость. Что же касается Дагестана, то здѣсь рѣшено было совсѣмъ отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій, и перейти къ оборонѣ, не допуская горцевъ лишь вторгаться въ наши предѣлы для пропагандированія мюридизма или возмущенія покорныхъ жителей (16).

Первыя же рекогносцировки, предпринятыя Аргутинскимъ съ Турчидага, чтобы увидѣть тѣ мѣста, въ которыхъ русскія войска дѣйствовали три года сряду, показали ему наглядно всю ничтожность добытыхъ нами результатовъ. Онъ началъ съ Чоха и засталъ его возродившимся изъ пепла, не хуже стариннаго феникса. Годъ тому назадъ онъ оставилъ на мѣстѣ его груду мусора, камней и бревенъ, а теперь передъ нимъ стояла новая крѣпостъ, такая же грозная и недоступная, какою онъ ви-

дѣлъ ее, когда предпринималъ осаду въ 1849 году. Гергебиль оказался также укрѣпленнымъ, и только одни Салты, значеніе которыхъ перешло тогда на Согратль, представляли собою картину полнѣйшаго запустѣнія. Окрестности его заглохли и одичали, пашни заросли высокимъ бурьяномъ, дороги, по которымъ никто не ходилъ съ тѣхъ поръ, какъ русскія бомбы разметали твердыню, покрылись сорными травами. Кругомъ было тихо, но то была не тишина пустыни, наполняющая душу благоговѣйнымъ страхомъ; то была могильная тишина покинутыхъ мѣстъ,—и присутствіе отряда съ его шумнымъ говоромъ въ виду этихъ мертвыхъ развалинъ имѣло что-то странное, не похожее на обыкновенную военную экскурсію ([17]).

Убѣдившись въ правильности принятой имъ новой системы, князь Аргутинскій поставилъ себѣ задачей изслѣдовать еще Дусраратскій магалъ, отторгнутый Шамилемъ отъ Казикумыка, и служившій съ давнихъ поръ политическимъ центромъ, откуда распространялись волненія на все Казикумыкское ханство. Онъ думалъ открыть черезъ него ближайшее сообщеніе съ Лезгинскою линіею, и, зная всѣ трудности горныхъ путей, взялъ съ собой небольшой отрядъ изъ четырехъ батальоновъ пѣхоты, дивизіона Нижегородскихъ драгунъ и нѣсколькихъ орудій. Войска выступили въ концѣ іюля мѣсяца. Князь Аргутинскій ѣхалъ вмѣстѣ съ драгунами, погруженный въ глубокія думы. Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, каждый шагъ напоминалъ ему то дни его славы и торжества, то страшныя минуты тревогъ и сомнѣній, когда его репутаціи и самой цѣлости отряда грозили величайшія опасности. Драгуны въ этихъ мѣстахъ были также не въ первый разъ. Въ рядахъ ихъ и теперь еще были люди, которые ходили сюда со Шварцемъ въ то время, когда полкъ стоялъ въ Кахетіи, и экспедиціи предпринимались съ Лезгинской линіи въ самую глубь нагорнаго Дагестана. По мѣрѣ того какъ отрядъ подвигался впередъ, жители бѣжали въ сосѣднія горы, покидая аулы, и два изъ нихъ, самые богатые, Шали и Арчи, съ ихъ великолѣпными мечетями и огромными запасами хлѣба, были преданы Аргутинскимъ пламени. Войска достигли уже послѣдняго перевала, за которымъ начинались земли Анкратльскаго союза, и здѣсь остановились: дальше итти было нельзя—Дусраратъ-чай, вслѣдствіе безпрерывныхъ дождей, вышелъ изъ береговъ, и переправы не было. Аргутинскій еще разъ осмотрѣлъ всѣ горные спуски—и приказалъ отступать.

Большое скопище, ожидавшее насъ по ту сторону рѣчки, проводило отрядъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами, и разошлось по домамъ. Войска вернулись на Кутишинскія высоты, и драгуны 14-го сентября отправлены была въ Большія Казанища, гдѣ должны были стоять до глубокой осени, охраняя шамхальскія владѣнія ([18]).

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ Дагестанѣ мы замыкали кругъ своей дѣятельности въ тѣсныя оборонительныя рамки, система наступательныхъ экспедицій въ Чечнѣ доведена была до крайнихъ предѣловъ, хотя за послѣдніе годы тамъ и безъ того уже сдѣлано было многое. Когда весною 1850 года главнокомандующій поднялся на Качкалыковскій хребетъ, и съ вершины его взглянулъ на разстилавшуюся передъ нимъ Большую Чечню,—онъ не узналъ этой, столь хорошо знакомой ему равнины. Еще недавно она была покрыта вѣковыми лѣсами, и казалась необитаемою; теперь взорамъ его представилась густо населенная страна съ обширными полянами, которыя пересѣкались лишь кое-гдѣ незначительной глубины лѣсными полосами. Онъ видѣлъ множество ауловъ, которыхъ прежде нельзя было видѣть за темною завѣсою лѣсовъ. Доступы къ Чечнѣ уже не представляли тѣхъ затрудненій, съ какими приходилось бороться въ былыя времена, когда только что начиналось чеченское возстаніе, и только въ двухъ мѣстахъ ворота въ нее были заперты: со стороны Куринскаго стоялъ еще, знаменитый въ исторіи кавказской войны, непролазный маіортупскій орѣшникъ, да со стороны Воздвиженской сторожилъ ее грозный Шалинскій околъ, заслонявшій собою самые центральные и многолюдные аулы Чечни. Раскрыть эти ворота было нужно; но у главнокомандующаго на этотъ разъ свободныхъ войскъ подъ рукою не было: ожидали, что осенью край посѣтитъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, и всѣ руки были заняты приготовленіями къ торжественному и безопасному слѣдованію царственнаго гостя. Откладывая поэтому всѣ операціи со стороны Воздвиженской до начала зимы, князь Воронцовъ приказалъ генералу Козловскому ограничить лѣтнюю экспедицію только проложеніемъ просѣки по Качкалыковскому хребту отъ Куринскаго укрѣпленія до Мичика ([19]). Но и на этотъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ пунктовъ Чечни, куда по первой тревогѣ могли собраться въ нѣсколько часовъ тысячныя партіи мюридовъ, онъ могъ отдѣлить только четыре батальона пѣхоты съ нѣсколькими орудіями, да полкъ донскихъ казаковъ Бакланова. Козловскій брался исполнить предпріятіе и съ этими ничтожными

силами, но просилъ усилить отрядъ хотя однимъ дивизіономъ драгунъ. Онъ зналъ Нижегородскій полкъ еще во времена Круковскаго, когда онъ только что пришелъ на Сулакъ, и говорилъ Воронцову съ полнымъ чистосердечіемъ, что два эскадрона драгунъ сдѣлаютъ для него болѣе, нежели два батальона пѣхоты. Князь Воронцовъ согласился, но съ тѣмъ, однако, чтобы дивизіонъ черезъ мѣсяцъ былъ возвращенъ въ штабъ-квартиру, гдѣ ему надо было готовиться къ смотру цесаревича.

Пока шла переписка, экспедиція уже началась, и 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командой подполковника Эттингера, прибылъ въ Куринское только 1-го августа ([20]). Но поле для дѣятельности кавалеріи и здѣсь было ограничено также, какъ въ Дагестанѣ; тамъ были горы, здѣсь кругомъ стояли вѣковые лѣса, куда кавалерія могла высылать своихъ фланкеровъ, пожалуй спѣшенныя части, но о конномъ строѣ не могло быть и рѣчи. Такъ прошло еще десять дней; рубка лѣса продолжалась уже по самой вершинѣ хребта, а драгунамъ, выѣзжавшимъ время отъ времени на просѣку, не приходилось участвовать даже въ перестрѣлкахъ, такъ какъ непріятель нигдѣ не показывался въ слишкомъ значительныхъ силахъ. 11-го числа они даже вернулись въ лагерь раньше обыкновеннаго и, разсѣдлавъ лошадей, поставили ихъ въ коновязь. Пѣхота также возвращалась домой, какъ вдругъ весь перевалъ покрылся тысячными толпами горцевъ, и непріятель открылъ орудійный огонь по нашей отступавшей колоннѣ. Можно было ожидать общей атаки. Въ лагерѣ ударили тревогу. Нижегородскій дивизіонъ, обгоняя пѣхоту, первый выскочилъ на просѣку и, развернувъ фронтъ, двинулся прямо на непріятельскую батарею. Чеченцамъ хорошо былъ знакомъ этотъ маневръ еще со временъ Золотухина,—и орудія ихъ мгновенно исчезли; непріятель также сталъ отступать и скрылся за гребнемъ перевала. Боя на этотъ разъ не было; но Козловскій въ своемъ донесеніи съ особенной похвалою отозвался о Нижегородцахъ. «Драгуны»,—пишетъ онъ,—«имѣя лошадей въ коновязяхъ, не только поспѣли на просѣку раньше другихъ, но стройнымъ движеніемъ впередъ подъ орудійнымъ огнемъ принудили чеченцевъ поспѣшно убрать свою артиллерію» ([21]).

На другой день, 12-го августа, часовъ въ 8 утра, когда работъ по случаю воскреснаго дня не производилось, большая партія конныхъ мичиковцевъ кинулась на скотъ, пасшійся невдалекѣ отъ Куринскаго. Нападеніе было внезапное; но еще внезапнѣе выросли два эскадрона дра-

гунъ съ конной артиллеріей, и ихъ стремительная атака заставила горцевъ бѣжать въ разныя стороны. Драгуны отстояли скотъ, потерявъ одного человѣка раненымъ. «Наши драгуны опять показали себя молодцами», писалъ по этому поводу генералъ Козловскій къ начальнику главнаго штаба, прося оставить дивизіонъ при отрядѣ на болѣе продолжительное время. Но исполнить желаніе Козловскаго оказалось невозможнымъ. Онъ получилъ ультиматумъ о возвращеніи дивизіона въ Чиръ-Юртъ—и рубка лѣса докончилась уже безъ участія Нижегородцевъ (22).

Темиръ-Ханъ-Шура.

Баклановъ на Мичикѣ.

III.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ на Кавказѣ.

(1850 г.)

Первыя извѣстія о путешествіи государя-цесаревича.—Приготовленія къ его встрѣчѣ.—Охрана Сулакской линіи и мелкія стычки. — Прибытіе въ край цесаревича, и путь его отъ Тамани до Темиръ-Ханъ-Шуры.—Цесаревичъ въ Чиръ-Юртѣ.—Обѣдня въ день Казанской Божіей Матери, и смотръ Нижегородскому полку.—Отъѣздъ въ Хасавъ-Юртъ. — Нижегородскіе пѣсенники.—4-й дивизіонъ въ экспедиціи за Мичикомъ.—Событіе, совершившееся въ Малой Чечнѣ: цесаревичъ получаетъ Георгіевскій крестъ и назначается шефомъ Эриванскаго карабинернаго полка.—Зима въ Чиръ-Юртѣ.—Эпилогъ февральской драмы—дочь подпоручика Голохвастова.

Когда минутная стрѣлка остановилась на полночи, отдѣлявшей 1849 отъ 1850 года, и въ маленькихъ офицерскихъ домикахъ Чиръ-Юрта, обступившихъ полковую площадь, шли шумные проводы стараго года,—

думалъ ли кто-нибудь изъ Нижегородцевъ, что этотъ наступающій годъ будетъ отмѣченъ въ ихъ лѣтописяхъ не кровавыми битвами, которыхъ не было, также какъ и въ предшествовавшемъ году, а свѣтлымъ посѣщеніемъ царскаго первенца,—событіемъ, какого не случалось съ тѣхъ поръ, какъ мѣстность, на которой стояла ихъ штабъ-квартира, получила названіе Царь-Юртъ.

Извѣстіе о путешествіи наслѣдника-цесаревича получено было въ іюнѣ мѣсяцѣ, и тогда же приняты были всѣ мѣры, чтобы обставить это путешествіе возможными удобствами и безопасностью. Чиръ-Юртъ лежалъ на пути его слѣдованія, и драгуны, отложивъ на время свои боевыя заботы, стали готовиться къ принятію у себя царственнаго гостя, на которомъ покоились надежды и упованія русскаго народа.

Въ половинѣ сентября мѣсяца весь Нижегородскій полкъ находился въ сборѣ; не было только 2-го дивизіона, который остался въ Большихъ Казанищахъ, въ качествѣ подвижного резерва шамхальскихъ владѣній. Онъ первый изъ всего полка и долженъ былъ встрѣтить высокаго путешественника на его пути изъ Шуры къ Чиръ-Юрту (1). Военныя дѣйствія въ Дагестанѣ окончились въ этомъ году раньше обыкновеннаго, и всѣ войска заняты были дома усиленными строевыми ученьями; всѣ работы, не относившіяся прямо къ пріему и встрѣчѣ цесаревича, были пріостановлены, всѣ мелкія лѣсныя команды отозваны въ свои штабъ-квартиры. Только въ Нижегородскомъ полку не прекращались покосы, безъ которыхъ обойтись было нельзя, чтобы не оставить полкъ безъ сѣна на зиму (2), но солдаты, сознавая какъ дороги минуты, сами работали на покосахъ съ удвоенною энергіею. Въ лѣсу, на его обширныхъ полянахъ, съ утра до вечера звенѣли косы, а въ штабъ-квартирѣ раздавались командныя слова, сигналы и барабанные бои (3). Самая штабъ-квартира тоже прихорашивалась; даже камышевыя крыши, потрепанныя послѣдними бурями, были приглажены насколько возможно, а объ офицерскихъ домикахъ нечего и говоритъ—каждый озаботился привести въ порядокъ скромное свое обиталище; и эти приземистые домики сверкали теперь своею бѣлизною, какъ снѣжныя горы, которыя вставали на горизонтѣ.

Въ это время вся Сулакская линія охранялась только охотничьей командой, которую никакія событія не избавляли отъ хлопотливыхъ и опасныхъ обязанностей аванпостной службы. Усилить бдительность было и нужно, потому что дороги, по которымъ ожидался проѣздъ цесаревича,

стали не безопасны. Всего за нѣсколько дней до его пріѣзда одинъ изъ офицеровъ Нижегородскаго полка, штабсъ-капитанъ Кистеръ, ѣхалъ изъ Темиргоя съ 6-ю конвойными казаками. Съ половины дороги къ Чиръ-Юрту, полагая дальнѣйшій путь безопаснымъ, онъ, не смотря на сумерки, отпустилъ конвой, и поѣхалъ одинъ. Онъ уже былъ въ Чиръ-Юртѣ, какъ выстрѣлы и суматоха подняли тревогу на линіи. Оказалось, что отпущенный имъ конвой наткнулся на партію, и когда прискакалъ дежурный эскадронъ,—изъ шести казаковъ четверо были уже изрублены, а двое увезены въ горы. Партія опоздала на какія-нибудь четверть часа, чтобы вернуться въ аулъ съ богатою добычей,—плѣннымъ русскимъ офицеромъ. Почти въ то же время горцы угнали казачій табунъ въ Капчугаѣ, и пытались сдѣлать нападенія на Чонтъ-аулъ и новый Міатлинскій поселокъ (4).

Среди этихъ тревогъ обитатели Чиръ-Юрта съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за извѣстіями о путешествіи цесаревича. Онъ прибылъ 14-го сентября въ Тамань, и отсюда, спустившись внизъ по Кубани, проѣхалъ военно-грузинскою дорогой въ Тифлисъ, посѣтилъ часть Закавказскаго края, и затѣмъ берегомъ моря черезъ Баку, Дербентъ и Петровскъ 19-го октября прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру (5). Въ тотъ же день князь Аргутинскій послалъ своего чапара съ извѣстіемъ, что цесаревичъ прибудетъ въ штабъ-квартиру Нижегородскаго полка 21-го октября передъ вечеромъ. И вотъ, наступилъ наконецъ этотъ памятный день. Съ полудня все населеніе Чиръ-Юрта тѣснилось около его воротъ, и не спускало глазъ съ Сулакскаго ущелья, откуда долженъ былъ показаться великокняжескій поѣздъ. Часу въ пятомъ пополудни, то поднимаясь на пригорки, то скрываясь за ними, показался длинный рядъ экипажей, окруженныхъ блестящимъ и шумнымъ эскортомъ. Въ церкви раздался благовѣстъ, напоминавшій торжественный звонъ пасхальной недѣли. Поѣздъ спустился между тѣмъ съ послѣдняго пригорка, проѣхалъ плашкоутный мостъ и повернулъ къ Чиръ-Юрту. Впереди всѣхъ, звуча оружіемъ, въ бѣлыхъ черкескахъ и красныхъ, закинутыхъ назадъ, башлыкахъ, скакали дагестанскіе всадники; за ними на полныхъ рысяхъ шли два эскадрона драгунъ,—а далѣе сверкали штыки батальоновъ. Коляска цесаревича, подъ гулъ народныхъ восклицаній, быстро пронеслась черезъ площадь и остановилась у церкви. На паперти показался высокій, красивый священникъ, облаченный въ зеленыя форменныя ризы, и встрѣтилъ августѣйшаго гостя съ крестомъ и святою водою. У дома полко-

вого командира стоялъ почетный караулъ отъ 1-го эскадрона капитана Джемарджидзе, и приготовлены были пѣшіе ординарцы: поручикъ Гемпель, вахмистръ 5-го эскадрона Шведовъ и рядовой Луценко (*). Въ тотъ же день къ обѣденному столу его высочества приглашены были всѣ штабъ-офицеры полка, и цесаревичъ простеръ свое вниманіе до такой степени, что первый тостъ провозгласилъ за процвѣтаніе и славу Нижегородцевъ. Въ продолженіе обѣда полковая музыка играла различныя пьесы, а на площади противъ дома князя Чавчавадзе пѣли Нижегородскіе пѣсенники. Это было скудное, но за то и единственное развлеченіе, которое могли предложить чиръ-юртовцы своему высокому посѣтителю; къ этому можно прибавить только импровизированную иллюминацію, которая вспыхнула съ наступленіемъ ночи, когда вершины окрестныхъ горъ вдругъ озарились гигантскими кострами и смоляными бочками ([7]).

Къ 11-ти часамъ въ Чиръ-Юртѣ все успокоилось; народъ, наполнявшій площадь, разошелся по своимъ домамъ, и огни вездѣ были потушены; свѣтились только два угловыхъ окна въ покояхъ царственнаго гостя, да мелькалъ огонекъ сквозь стекла въ казармахъ дежурнаго эскадрона. Неугомонный Сулакъ одинъ нарушалъ тишину, да черезъ каждый часъ уныло раздавался по штабъ-квартирѣ ударъ часового колокола.

На слѣдующій день все поднялось вмѣстѣ съ восходомъ солнца. Утро стояло чудное, какія рѣдко выпадаютъ въ это время года даже на долю каспійскаго побережья. По голубому, почти синему небу разбросаны были дымчатыя полосы перистыхъ облаковъ, совершенно какъ лѣтомъ; въ воздухѣ, несмотря на ранній часъ, носились растрепанныя нити бѣлой паутины. Атмосфера была прозрачна; отчетливо вырѣзывались на ней далекія горы, покрытыя лѣсами, уже окрашенными въ желтоватый цвѣтъ ржавчины; даже Сулакское ущелье, всегда угрюмое, окутанное мглою, смотрѣло въ этотъ день привѣтливѣе. Все было въ праздничномъ настроеніи—и люди, и природа. Часовъ въ 8 утра весь Нижегородскій драгунскій полкъ, одѣтый въ парадную форму, вышелъ изъ воротъ своей штабъ-квартиры и сталъ на Шамхальской равнинѣ длинною развернутою линіею. Въ Чиръ-Юртѣ осталось только мирное его населеніе: нестроевые чины, семейства офицеровъ и нижнихъ чиновъ, да масса

*) Замѣчателенъ фактъ, что ровно черезъ три года послѣ этого памятнаго дня, всѣ эти три ординарца были убиты подъ Башъ-Кадыкъ-ларскомъ Кюрюкъ-Дара ([6]).

пришлыхъ людей, преимущественно татаръ, собравшихся почти со всѣхъ ауловъ Сулакской линіи. Все это толпилось на площади возлѣ полковой церкви. Былъ праздникъ Казанской Божіей Матери, и полковой священникъ готовился къ св. литургіи. Самая церковь, значительно передѣланная къ пріѣзду цесаревича, казалась уже не тѣмъ турлучнымъ бала-

Церковь въ Чиръ-Юртѣ.

ганомъ, какимъ приходилось ее видѣть съ первыхъ дней водворенія полка на Сулакѣ. Теперь она имѣла видъ большого легкаго павильона, крытаго тесомъ, и въ бѣлизнѣ не уступала алебастру. Мѣдный крестъ ея былъ отполированъ, и при солнечномъ сіяніи казался вызолоченнымъ. Въ девятомъ часу наслѣдникъ вышелъ изъ своихъ покоевъ и пѣшкомъ отправился въ церковь, гдѣ занялъ мѣсто у праваго клироса. Отецъ Іоаннъ, пришедшій съ полкомъ изъ Царскихъ Колодцевъ, былъ нѣкогда регентомъ въ Сіонскомъ соборѣ, и успѣлъ образовать прекрасный хоръ

изъ полковыхъ кантонистовъ. Въ церкви было просторно, царилъ полумракъ, и мелодичное пѣніе въ этой глуши, среди дикой природы, окружавшей штабъ-квартиру на берегу сердито шумѣвшей горной рѣки, производило сильное впечатлѣніе. Цесаревичъ отстоялъ обѣдню и затѣмъ краткій благодарственный молебенъ. Вновь загудѣвшіе колокола возвѣстили полку, что обѣдня окончилась. Полкъ замеръ въ своей неподвижности. Только солнечный лучъ блеснетъ миріадами искръ на ружейныхъ стволахъ или на блестящихъ цѣпочкахъ газырей, только вѣтерокъ слегка пошевельнетъ флюгерами пикинеръ—и опять нѣмая, мертвая неподвижность. Порою лишь конь, не привычный къ такой неподвижности, взмахнетъ головою, или нетерпѣливо топнетъ копытомъ. Отдаленное ура сотни голосовъ дало знать о приближеніи цесаревича. Изъ воротъ Чиръ-Юрта показалась огромная свита, равнявшаяся численностью цѣлой половинѣ полка: это были все представители туземной мусульманской аристократіи. Здѣсь были: шамхалъ Тарковскій, ханы Казикумыкскій и Мехтулинскій, князья, беки, агалары, старшины и почетныя лица покорныхъ намъ обществъ; у каждаго изъ нихъ была своя свита изъ узденей и нукеровъ. Одни были въ чухахъ съ откидными рукавами; на другихъ были черкески съ высокими и низкими газырями; третьи красовались зелеными и бѣлыми чалмами, обозначавшими, что ихъ владѣльцы—почтенные хаджи, муллы, кадіи и муфтіи. Костюмы били въ глаза богатствомъ и роскошью—всюду шелкъ, бархатъ, серебро и золото. Впереди этой пестрой нарядной толпы ѣхалъ молодой стройный всадникъ въ бѣлой папахѣ, на росломъ гнѣдомъ конѣ. На немъ былъ общій генеральскій мундиръ и голубая лента черезъ плечо. Лицо, съ прекраснымъ античнымъ профилемъ, съ большими голубыми глазами, смотрѣло привѣтливо и ласково. Этотъ всадникъ былъ будущій великій реформаторъ Россіи. Почти рядомъ съ нимъ ѣхалъ старый князь Воронцовъ, сардарь, какъ его называло мусульманское населеніе края. Онъ былъ въ такой же голубой лентѣ и въ такомъ же мундирѣ, но со множествомъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ, между которыми самое видное мѣсто занималъ большой Георгіевскій крестъ 2-го класса, висѣвшій на шеѣ. За нимъ виднѣлась суровая, сутуловатая фигура князя Аргутинскаго, нѣсколько другихъ генераловъ и, наконецъ, молодые спутники цесаревича: Адлербергъ, Ламбертъ и князь Голицынъ. Вся эта свита остановилась передъ серединой фронта. Цесаревичъ подался впередъ, и по его мановенію музыка смолкла. «Здорово Нижего-

родцы!» послышался звучный, внятный голосъ, который тотчасъ же заглушенъ былъ громовымъ «ура», охватившимъ все поле. Драгуны забыли свои репетиціи, забыли инструкціи, предписывавшія имъ кричать ура троекратно, забыли все — и въ этомъ неподготовленномъ «ура» вылилось то, что таило въ себѣ ихъ русское сердце. Потребовалось нѣсколько минутъ, чтобы успокоилась эта буря людскихъ голосовъ. «Государь Императоръ», громко, отчетливо произнесъ цесаревичъ, «поручилъ мнѣ передать вамъ его поклонъ и благодарить васъ за вашу славную боевую службу»... Больше онъ говорить не могъ; ура заглушило все, и остановить его было не въ человѣческой власти. И цесаревичъ, и старый сардарь хорошо понимали русское чувство, охватившее русскихъ людей, и терпѣливо ждали пока оно утихнетъ само собою.

Затѣмъ началось ученье бойкое, горячее, какія любилъ производить почившій императоръ; отъ одного перестроенія, прежде нежели оно оканчивалось, переходили къ другому; заѣзды, перемѣна фронта—все происходило на карьерѣ. На церемоніальномъ маршѣ особенно отличился пикинерный дивизіонъ Тихоцкаго: онъ прошелъ пика въ пику и вызвалъ у цесаревича невольное восклицаніе «славно!» Послѣ ученья и пріема конныхъ ординарцевъ, на которые подъѣзжали поручикъ Шангирей, вахмистръ 7-го эскадрона Тузъ и одинъ рядовой (*), всѣ офицеры собраны были передъ середину полка. «Благодарю васъ, господа!» сказалъ цесаревичъ. «Я видѣлъ болѣе того, что ожидалъ, и на что въ правѣ былъ надѣяться. Вы рѣдко бываете вмѣстѣ; вы даже у себя дома, въ своей штабъ-квартирѣ, не всегда располагаете временемъ. Лучшаго отъ части, которая стоитъ на передовой линіи, которой ввѣрена охрана такого обширнаго края, желать невозможно. Ваше прямое назначеніе —боевая служба, и въ этомъ отношеніи вы служите примѣромъ всей русской арміи».—Кто командуетъ пикинернымъ дивизіономъ?» спросилъ цесаревичъ. Тихоцкій подался впередъ. «Вашъ дивизіонъ доведенъ до совершенства; такихъ пикинеръ я въ Россіи не видѣлъ нигдѣ», сказалъ цесаревичъ ([8]).

Пока продолжался смотръ, дорожные экипажи наслѣдника уже были готовы къ отъѣзду. Цесаревичъ только наскоро переодѣлся, и въ 11 часовъ утра выѣхалъ изъ Чиръ-Юрта въ Внезапную, сопровождаемый двумя ди-

(*) Къ сожалѣнію имя рядового не сохранилось ни въ оффиціальныхъ бумагахъ, ни въ памяти современниковъ.

визіонами драгунъ. Мѣстность кругомъ лежала пустынная, унылая, безлюдная. Цесаревичъ все время ѣхалъ верхомъ и слушалъ нижегородскія пѣсни. То были настоящія боевыя кавказскія пѣсни, сложившіяся посреди несмолкаемыхъ вѣчныхъ тревогъ,—и потому-то гремѣвшія не торжественнымъ гимномъ русскому оружію, а живою исторіею, со всѣми ея кровавыми легендами и драматическими эпизодами. Въ Россіи нѣтъ такихъ пѣсенъ. Здѣсь поэзія войны успѣла вытѣснить все, что составляетъ поэзію простой народной русской жизни, и на мѣсто «раздолья широкаго, тоски-кручины молодецкой, да шумна зеленой дубровушки», стали Шамиль, Хаджи-Муратъ, Салты, Кутиши, или другія имена, быть можетъ менѣе извѣстныя, но еще болѣе памятныя старымъ кавказцамъ. Въ пѣсняхъ веселыхъ у Нижегородцевъ было столько грома и молніи, ихъ запѣвало 1-го эскадрона, Ченкинъ, этотъ Нижегородскій полишинель, балагуръ и весельчакъ, съ гремучими ложками, убранными красными и зелеными лоскутами сукна, разсыпался такимъ мелкимъ бѣсомъ, что цесаревичъ нѣсколько разъ пріостанавливалъ коня, чтобы полюбоваться его молодечествомъ, и тутъ же приказалъ перевесть его въ гвардію ([9]).

Какъ только цесаревичъ переѣхалъ плашкоутный мостъ на Сулакѣ, и поѣздъ его скрылся за неровностями Кумыкской плоскости, 4-й дивизіонъ Нижегородскаго полка получилъ приказаніе итти въ Куринское, гдѣ собирался отрядъ изъ двухъ батальоновъ пѣхоты съ нѣсколькими орудіями, и полкъ донскихъ казаковъ, подъ командой полковника Бакланова. Цѣль этого отряда была проникнуть въ землю мичиковцевъ и привлечь на себя какъ можно больше непріятельскихъ силъ въ то время, какъ цесаревичъ будетъ проѣзжать по Большой и Малой Чечнѣ».

«Было уже за полночь,—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи ([10]),—когда мы пришли въ Куринское, съ надеждой увидѣть наконецъ знаменитаго Бакланова, о которомъ ходили цѣлыя легенды. Отрядъ уже выстроился и драгуны сидѣли на коняхъ, когда подъѣхалъ Баклановъ. За темнотой мы не могли его видѣть, но явственно слышали его громкій, отрывистый голосъ, когда, поздоровавшись съ дивизіономъ, онъ крикнулъ: «Считаю, драгуны, за честь быть вашимъ начальникомъ! Ну,—съ Богомъ!» онъ поѣхалъ впередъ, а за нимъ тронулась кавалерія».

Два дня отрядъ оставался за Мичикомъ, и въ эти два дня обошелъ все лѣсное пространство между этой рѣкой и Гудермесомъ, всюду внося

за собою смятеніе и страхъ, доходившій до глубокаго, суевѣрнаго ужаса при имени Бакланова. Вступая въ лѣсъ, пѣхота обыкновенно охватывала намѣченный участокъ густыми цѣпями, и то, что попадало внутрь этого круга, становилось жертвою казаковъ, безпощадно истреблявшихъ все, что такъ или иначе могло послужить къ выгодѣ и пользѣ непріятеля. Драгуны, оставаясь на коняхъ, составляли резервъ и прикрывали артиллерію, которая должна была переноситься съ мѣста на мѣсто, чтобы помогать пѣхотѣ отбивать яростные натиски горцевъ.

«Въ первое утро,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ Шульцъ:—я стоялъ съ своимъ дивизіономъ на какой-то полянѣ, усѣянной колючкой, которую солдаты называли держи-деревомъ. Артиллеристы только что дали два картечные залпа, и банили орудія. Вдругъ, вправо отъ насъ, затрещали кусты, и изъ нихъ прямо къ дивизіону выскочилъ всадникъ колоссальнаго роста, на огромномъ бѣломъ конѣ, покрытомъ кровью отъ колючаго дерева. Это былъ Баклановъ, котораго мы тутъ увидѣли въ первый разъ. Съ обнаженной шашкой, въ бараньемъ нагольномъ тулупѣ, накинутомъ на-опашь, въ огромной косматой папахѣ, сбитой на затылокъ, и съ развѣвавшимися по вѣтру длинными, какъ борода, бакенбардами, онъ былъ невообразимо хорошъ посреди этой боевой обстановки. Раскраснѣвшееся отъ скачки, рябое, изрытое оспой, лицо его и вся фигура дышали отвагой и силой.

«Драгуны поддались невольному обаянію.

— Ну, братцы,—говорили они между собою:—вотъ такъ Бакланычъ! Не диво, что отъ такого, прости Господи, лѣшаго чеченцы бѣгутъ, какъ отъ ладана».

Продержавъ около себя, такимъ образомъ, въ сборѣ огромныя силы мичиковцевъ и ихъ сосѣдей, отрядъ только вечеромъ 26-го октября отступилъ за Гудермесъ, и, считая свою задачу оконченной, пошелъ обратно въ Куринское (11).

Какъ разъ въ этотъ самый день на поляхъ Малой Чечни совершилось событіе, никѣмъ не ожиданное, но оставившее по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи Кавказа: это былъ день, доставившій цесаревичу георгіевскій крестъ, а кавказскимъ войскамъ—счастіе считать наслѣдника русскаго престола въ рядахъ своего славнаго корпуса.

Переночевавъ въ Воздвиженской, великокняжескій поѣздъ утромъ 26-го октября направился черезъ Урусъ-Мартанъ и Ачхой къ Влади-

кавказу, по такъ называемой Большой русской дорогѣ. По этому краю, только что отторгнутому нами изъ рукъ упорнаго врага, войскамъ нельзя было итти иначе, какъ въ боевомъ порядкѣ, и цесаревичъ верхомъ на превосходной горской лошади, сѣрой въ яблокахъ, которую подвелъ ему шамхалъ Тарковскій еще въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, слѣдовалъ вмѣстѣ съ авангардомъ. У каждаго еще были свѣжи въ памяти кровавыя битвы, такъ часто гремѣвшія въ этихъ мѣстахъ по Валерику, Гойтѣ, Рошнѣ и Гехи, но на этотъ разъ непріятель нигдѣ не показывался, и августѣйшій путешественникъ ѣхалъ по Малой Чечнѣ такъ же спокойно, какъ по вѣрной ему русской губерніи. Отрядъ перешелъ уже Рошню и подходилъ къ Валерику, какъ вдругъ за лѣвою цѣпью, въ лѣсистыхъ предгоріяхъ Чернаго Хребта, появилась конная партія.

Въ одну минуту авангардные казаки и милиція съ гикомъ понеслись въ ту сторону. Цесаревичъ, внимая только порыву собственнаго сердца, устремился за ними напрямикъ черезъ густые перелѣски, въ которыхъ на каждомъ шагу могла укрываться засада. Отличный горскій конь цесаревича скоро оставилъ далеко за собою всю сопровождавшую наслѣдника свиту... Все растянулось, отстало, — и цесаревичъ остался одинъ среди линейныхъ казаковъ и мирныхъ чеченцевъ, во весь опоръ летѣвшихъ къ непріятелю. Вдругъ грянули выстрѣлы. Чеченцы, подпустивъ казаковъ на близкое разстояніе, разрядили ружья и бросились къ ущелью, разсчитывая уйти. И по всей вѣроятности, оно бы такъ и случилось, если бы личный конвой главнокомандующаго не выскочилъ на перерѣзъ ихъ отступленію. Завязалась минутная рукопашная схватка, одна изъ тѣхъ небольшихъ, но характерныхъ стычекъ, которыя составляли когда-то поэзію кавказской войны. На глазахъ цесаревича предводитель партіи, оруженосецъ наиба Сабдуллы, былъ изрубленъ, и казаки, снявъ по обычаю оружіе съ убитаго, положили его къ стопамъ своего августѣйшаго атамана ([12]).

Этимъ неожиданнымъ случаемъ, такъ сказать, завершилось путешествіе его высочества по Кавказу. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ему орденъ св. Георгія 4-й степени, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ шефомъ Эриванскаго карабинернаго полка, одного изъ доблестнѣйшихъ полковъ Кавказскаго корпуса. Въ мундирѣ этого полка, съ георгіевскимъ крестомъ на груди, цесаревичъ и изображенъ на извѣстномъ портретѣ Крюгера, современномъ самому событію.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

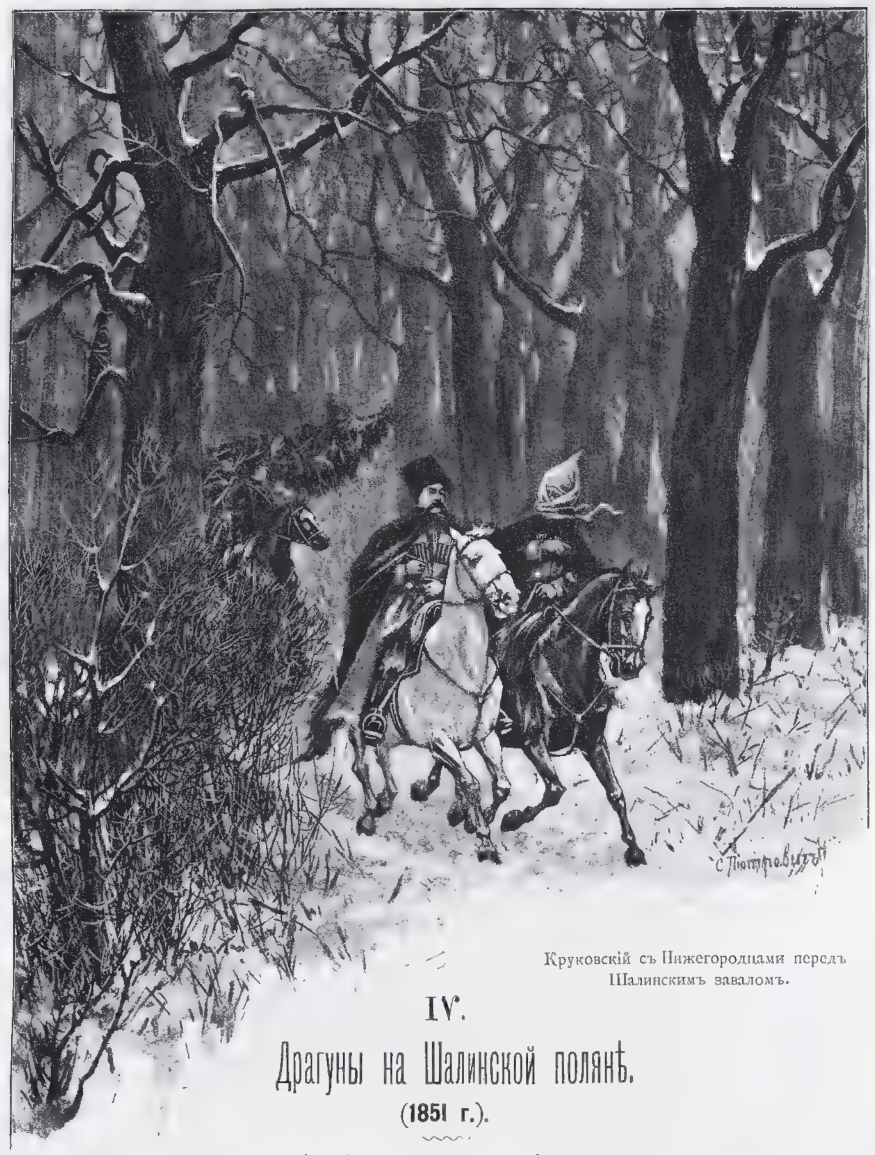
1850 г.

Съ отъѣздомъ наслѣдника въ Россію, на Сулакѣ, также какъ и на всемъ Кавказѣ, началась обыденная, будничная жизнь. Зимніе мѣсяцы полкъ провелъ въ своей штабъ-квартирѣ совершенно спокойно, если не считать двухъ-трехъ побѣжекъ дежурнаго эскадрона на малыя тревоги у Хутумбаша и Міатлинской переправы. Но за то въ самомъ Чиръ-Юртѣ, во внутренней жизни полка, случилось одно обстоятельство, которое оставило послѣ себя глубокую память. Однажды, передъ самыми рождественскими праздниками, вернулся изъ Шуры поручикъ Авалдовъ и разсказалъ, что, проѣзжая Темиргой, онъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ одной глубоко-трогательной картины. Въ Темиргоѣ хоронили офицера, подпоручика Голохвастова, того самаго, который былъ виновникомъ февральской катастрофы. Онъ умеръ, не оправданный судомъ, и когда его могилу засыпали землею, надъ нею осталась безутѣшно рыдавшая трехъ-лѣтняя дѣвочка, единственная дочь его, маленькая Леля. Матери у нея не было— никого не было: она осталась одинокою въ мірѣ. Разсказъ этотъ тронулъ всѣхъ офицеровъ, и у всѣхъ явилось одно и то же желаніе помочь какъ можно скорѣе несчастной сироткѣ. По всей вѣроятности, она бы и сдѣлалась любимою, балованною дочкой полка, если бы иниціативу въ этомъ добромъ дѣлѣ не принялъ на себя тогда же самъ князь Чавчавадзе, какъ командиръ полка и старшій Нижегородецъ. Надо сказать, что спустя двѣ-три недѣли послѣ проѣзда цесаревича, онъ перенесъ большое семейное горе—скончалась единственная, любимая дочь его, маленькая Нина. Князь Чавчавадзе тяжело переживалъ эту утрату: просѣдь на головѣ его стала сильнѣе, усы побѣлѣли. Всѣ офицеры отнеслись тогда съ глубокимъ сочувствіемъ къ его семейному горю, и маленькій гробикъ Нины сопровождался до послѣдняго жилища почти всѣмъ наличнымъ составомъ полка. «Мы испытывали», пишетъ одинъ изъ офицеровъ, «то же скорбное чувство, какъ будто хоронили родное дитя. Такова уже общность идей, замѣченная въ Нижегородскомъ полку съ самаго давняго времени». Домъ полкового командира съ тѣхъ поръ осиротѣлъ и погрузился въ глубокій трауръ. Когда Авалдовъ доложилъ полковому командиру о томъ, что онъ видѣлъ въ Темиргоѣ, князь Чавчавадзе даже не дослушалъ его—такъ моментально мелькнула въ головѣ его мысль взять дѣвочку къ себѣ и передать ей имя, а съ нимъ и всѣ наслѣдственныя права князей Чавчавадзе. «Дочь русскаго офицера», сказалъ онъ, «не должна остаться безъ призрѣнія. Богъ взялъ мою соб-

ственную дочь, и Онъ же посылаетъ мнѣ новую». Въ Темиргой тотчасъ командированъ былъ эскадронъ, и маленькая Елена, такъ звали сиротку, была привезена въ Чиръ-Юртъ торжественно съ военнымъ конвоемъ (13). Семейство Чавчавадзе сдержало свое слово,—и пріемышъ сдѣлался ихъ родною дочерью. Впослѣдствіи, княжна Елена Ясоновна вышла замужъ за лѣсничаго офицера и жила во Владикавказѣ. Мужъ ея былъ убитъ чеченцами, и она дожила свой вѣкъ вдовою (14).

Подвигъ Цесаревича Александра Николаевича на Кавказѣ
26 Октября 1850 года.

Круковскій съ Нижегородцами передъ Шалинскимъ заваломъ.

IV.

Драгуны на Шалинской полянѣ.

(1851 г.).

Цѣль зимней экспедиціи 1851 года и назначеніе въ составъ чеченскаго отряда двухъ дивизіоновъ драгунъ.—Святки въ Чиръ-Юртѣ и на походѣ.—Передъ Шалинскимъ окопомъ.—Круковскій въ роли начальника кавалеріи и характеръ его дѣйствій въ дѣлахъ 8-го и 9-го января.—Счастливый выстрѣлъ.—Драгуны заставляютъ молчать непріятельскую артиллерію.—Походъ съ Шалинской поляны въ Малую Чечню и встрѣча съ Хаджи-Муратомъ.—Возвращеніе въ лагерь и пораженіе 30-го января пѣшихъ чеченцевъ.—Взрывъ на Шалинскомъ окопѣ.—Спасенный Провидѣніемъ горецъ.—Окончаніе военныхъ дѣйствій на Шалинской полянѣ.

Въ концѣ 1850 года войска съ разныхъ сторонъ стягивались къ Воздвиженской крѣпости, лежавшей на самой границѣ Большой и Ма-

лой Чечни. Въ Малой Чечнѣ имъ собственно дѣлать было нечего, такъ какъ со времени занятія нами праваго берега Сунжи, вся прилегавшая къ ней плоскость очистилась отъ непріязненнаго намъ населенія. За непріятелемъ остались однѣ Черныя горы. Но о Черныхъ горахъ у насъ пока не помышляли. Передъ нами лежала Большая Чечня, и задача отряда заключалась въ томъ, чтобы отнять у нея плодоноснѣйшія богатыя земли, служившія издавна житницей для всего Дагестана. Въ послѣднее время просѣка доведена была нами до самой Шалинской поляны; но чтобы вступить на эту поляну и сдѣлаться, такъ сказать, хозяевами края, нужно было прежде уничтожить громадный окопъ, которымъ Шамиль перерадилъ нашу просѣку во всю ширину ея, т. е. на четыре версты, отъ края одного до края другого лѣса. Это было гигантское сооруженіе, надъ которымъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ работало пять тысячъ чеченцевъ. Окопъ, сложенный изъ плотно убитой земли, представлялъ собою настоящій брустверъ первоклассной крѣпости, усиленный еще двумя оборонительными башнями. Наслѣдникъ-цесаревичъ, осматривая наши боевыя линіи на лѣвомъ флангѣ, предпринималъ по пути изъ Грозной рекогносцировку на правый берегъ Аргуна, и видѣлъ Шалинскій завалъ въ подзорную трубу. Ему объяснили важное значеніе этого окопа, и онъ тогда же согласился съ мнѣніемъ кавказскаго начальства въ необходимости взять его, не смотря ни на какія жертвы. А жертвы могли быть громадныя, если представить себѣ возможность такихъ же неудачъ, какія мы испытывали не разъ на штурмѣ дагестанскихъ ауловъ.

Въ составъ большого чеченскаго отряда, собиравшагося въ Воздвиженской, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Козловскаго, назначены были и два дивизіона Нижегородскихъ драгунъ, вмѣстѣ съ сотней донскихъ и четырьмя сотнями линейныхъ казаковъ ([1]). Относительно драгунъ Козловскій даже настаивалъ, чтобы они прибыли въ Грозную къ 1-му декабря, т. е. за цѣлый мѣсяцъ до открытія военныхъ дѣйствій. Онъ, можетъ быть, имѣлъ намѣреніе устроить непріятелю какой-нибудь сюрпризъ, въ родѣ того, какой былъ устроенъ Слѣпцовымъ въ іюнѣ мѣсяцѣ у того же Шалинскаго окопа; но ему не удалось побѣдить аргументовъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, не желавшаго преждевременно обнажать Сулакскую линію, — и дивизіоны выступили изъ Чиръ-Юрта только 23-го декабря, почти наканунѣ рождественскихъ праздниковъ. Отъ Нижегородскаго полка назначены были въ походъ

Бой 27 февраля 1851 г. на рѣкѣ Бассъ.

4-й дивизіонъ, маіора Шульца, и сводный, 2-й и 9-й эскадроны, подъ командой подполковника Тихоцкаго (2).

Съ походными дивизіонами выбыло изъ полковой штабъ-квартиры 23 офицера, и Чиръ-Юртъ значительно опустѣлъ. Святки прошли въ немъ какъ-то особенно тихо и незамѣтно; каждый встрѣчалъ и провожалъ ихъ, какъ умѣлъ и какъ позволяли средства. Нижніе чины ходили наряженные по слободкамъ, въ вывернутыхъ на изнанку полушубкахъ, въ бумажныхъ маскахъ, разрисованныхъ углемъ, или же разыгрывали въ казармахъ, никогда не сходившія съ ихъ репертуара, «Францеля Венеціана» или «Непокорнаго сына Адольфа», не хотѣвшаго поклониться коммерческимъ богамъ, за что и была съ него снята «кавалерія». Офицеры лишены были и этого развлеченія: театры давно были забыты, и напоминать о нихъ было некому, такъ какъ большинство актеровъ прежней труппы ушли въ экспедицію (3). Непріятель могъ бы, пользуясь прекрасною погодой и множествомъ бродовъ, внести своими набѣгами нѣсколько разнообразія въ эту скучную, монотонную жизнь, напоминавшую первые дни водворенія полка на Сулакѣ; но и непріятель большими партіями изъ Ауха, Салатавіи и даже Сѣвернаго Дагестана также потянулся въ Чечню, на встрѣчу къ Козловскому.

Въ походныхъ дивизіонахъ было нѣсколько веселѣе. Тамъ, во-первыхъ, всѣ были настроены на ожиданія военныхъ дѣйствій, а во-вторыхъ, не мало развлеченій представлялъ собою и самый походъ по богатымъ казачьимъ станицамъ. Новый годъ они встрѣтили и провели въ Грозной, гдѣ беззаботное веселье было, кажется, нормальнымъ состояніемъ ея жителей. Темиръ-Ханъ-Шура и Владикавказъ, гдѣ также считали 365 праздничныхъ дней въ году, представляли собой лишь блѣдное отраженіе того, что творилось въ Грозной. Музыка, пѣсни, шумъ, гамъ невозбранно оглашали въ ней воздухъ до бѣлаго разсвѣта, такъ что трудно было уловить даже время, когда люди спали, или по крайней мѣрѣ предавались временному отдохновенію. Это былъ какой-то безшабашный разгулъ, начинавшійся съ утра, и утромъ же сходившійся съ новымъ разгуломъ, какъ заря сходится съ зарею на сѣромъ петербургскомъ небѣ. Но тѣмъ-то и хороша была Грозная, говоритъ про нее современникъ, что не скрывала она своего разгула, и тѣмъ хорошъ былъ ея разгулъ, что вѣяло отъ него какимъ-то неистощимымъ добродушіемъ (4).

Въ Воздвиженскую драгуны прибыли 3-го января, а 4-го весь Че-

ченскій отрядъ, переправившись черезъ Аргунъ, сталъ на лѣвомъ берегу его лагеремъ. Пустынная мѣстность мгновенно оживилась. За часъ передъ тѣмъ на ней кромѣ шума рѣки нельзя было уловить ни одного звука, а теперь за шумомъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, суетившихся надъ устройствомъ бивуака, нельзя было различить шума рѣки. Приказаніе, отданное кавалеріи вести лошадей на водопой, и нарядъ въ прикрытіе къ ней двухъ батальоновъ пѣхоты съ четырьмя орудіями (5), напомнили всѣмъ, что отрядъ стоитъ передъ лицомъ непріятеля.

Первыя рекогносцировки показали, что овладѣть Шалинскимъ окопомъ нельзя было иначе какъ только приступомъ. Въ лагерѣ начали заготовлять фашины, туры и даже небольшія лѣстницы, а между тѣмъ ежедневно высылали колонны, которыя или знакомились съ мѣстностью, или продолжали расчищать просѣку. Наканунѣ самаго штурма, 7-го января, одна изъ такихъ колоннъ, подъ командой подполковника Серебрякова, неожиданно открыла въ лѣсу небольшую полянку, и увидѣла съ нея весь Шалинскій завалъ, который сторожило огромное скопище со множествомъ значковъ, и съ пятью или шестью орудіями. Дальше, за этою поляной, опять начинался лѣсъ, образовывавшій однако мѣстами большія прогалины, и Серебряковъ полагалъ, что тамъ должна быть тропинка, по которой можно обойти окопъ. Козловскій тотчасъ подхватилъ драгунъ и выѣхалъ съ ними на просѣку. Онъ дошелъ до самой поляны, внимательно осмотрѣлъ всю мѣстность, но тропы не было и признака. Надежда на обходное движеніе, возбужденная Серебряковымъ, должна была угаснуть послѣ того, что видѣлъ самъ начальникъ отряда. Да и страннымъ казалось предполагать, чтобы Шамиль, потратившій такъ много труда и энергіи на устройство завала, не озаботился обезпечить его обхода. Штурмъ былъ неизбѣженъ; всѣ это знали, и многіе, засыпая, можетъ быть думали, что этотъ сонъ послѣдній въ ихъ жизни.

Ночь наступила темная. Охранявшіе лагерь аванпосты стояли неподвижно, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, но кругомъ лежала нѣмая тишь. Вдругъ передъ самою крайнею парой поднялась съ земли высокая человѣческая фигура. Часовой вздрогнулъ, и вскинулъ было уже ружье, какъ услыхалъ шепотъ: «Постой, кунакъ! Моя козелъ надо (*), якши хабаръ тащи» (хорошую новость несу). Его тотчасъ отправили

(*) Такъ чеченцы называли Козловскаго.

въ лагерь. По богатству одежды, по нежеланію разстаться съ оружіемъ было ясно, что ремесло лазутчика было ремесломъ ему незнакомымъ (6). О чемъ бесѣдовалъ съ нимъ Козловскій, осталось неизвѣстнымъ,—но черезъ полчаса пять батальоновъ пѣхоты и вся кавалерія съ конными орудіями тихо выступили изъ лагеря. Драгуны пошли въ авангардѣ, и съ мѣста круто повернули совсѣмъ въ противоположную сторону отъ Шалинскаго окопа. Впереди ѣхали только два всадника: начальникъ кавалеріи генералъ Круковскій и таинственный лазутчикъ, плотно укутанный башлыкомъ и буркой. Скоро вступили въ лѣсъ, и кавалеріи пришлось вытянуться въ нитку. Шли очень долго; уже на востокѣ начало свѣтать, когда передній всадникъ еще разъ круто повернулъ направо—и выѣхалъ на большую поляну.

Восторгъ и удивленіе всѣхъ были такъ велики, что никто не смѣлъ повѣрить даже своимъ глазамъ. «Неужели это Шалинская поляна? Гдѣ же окопъ?» спрашивали съ недоумѣніемъ офицеры.—«Да вонъ онъ!» отвѣтилъ кто-то, и показалъ рукою назадъ. Всѣ оглянулись. Страшный окопъ, дѣйствительно, остался далеко позади: мы обошли его, и теперь стояли въ тылу непріятеля. Тогда только хватились всадника, ѣхавшаго рядомъ къ Круковскимъ, но его уже не было при колоннѣ: онъ и исчезъ такъ же таинственно, какъ появился. Впослѣдствіи узнали, что онъ не хотѣлъ сказать свое имя, и даже не соглашался открыть лица передъ начальникомъ отряда. Солдаты говорили, что это былъ кто-нибудь изъ бѣглыхъ; но кто бы онъ ни былъ, а мы обязаны были ему спасеніемъ не одной сотни русскихъ жизней.

Что произошло въ самомъ окопѣ, когда непріятель неожиданно увидѣлъ въ тылу у себя массу русской кавалеріи,—этого описать невозможно. Все кинулось прочь отъ завала. Впереди всѣхъ со значкомъ Хаджи-Мурата промчалась черезъ поляну аварская конница; за нею, въ щегольской упряжкѣ, бѣшенымъ аллюромъ неслась артиллерія Шамиля—всего пять орудій. Бата съ чеченскою кавалеріею, пѣшіе тавлинцы, жители окрестныхъ ауловъ, собранные для защиты окопа,—все бѣжало, торопясь какъ можно скорѣе достигнуть опушки ближайшаго лѣса. Завалъ опустѣлъ. Три батальона изъ пяти, слѣдовавшихъ за драгунами, заняли его безъ выстрѣла, и тотчасъ же принялись продѣлывать въ немъ ворота. Никто не ожидалъ того, что случилось; но торжество почти никогда не бываетъ полное. На этотъ разъ недовольными оказались драгуны, которымъ не

позволили атаковать бѣгущаго непріятеля. Круковскій не хотѣлъ портить прекрасное начало экспедиціи большими, быть можетъ ненужными потерями, и суровымъ жестомъ остановилъ эскадроны, ринувшіеся было за артиллеріею. Драгуны роптали; они не узнавали въ этомъ холодномъ разсудительномъ начальникѣ кавалеріи своего отважнаго Круковскаго. Но Круковскій былъ не только отваженъ,—онъ былъ остороженъ, и даже трудно сказать какое изъ этихъ двухъ качествъ въ немъ преобладало. Только тогда, когда подошла пѣхота, Круковскій подвинулъ впередъ кавалерію и сталъ у Шали-Шавдона, за которымъ начинались густые лѣса по Басу и Хулхулау. Въ этихъ лѣсахъ стоялъ Хаджи-Муратъ съ трехтысячною партіею. Противники видѣли другъ друга, но ихъ раздѣлялъ топкій, болотистый ручей, черезъ который Круковскій переходить не хотѣлъ, а Хаджи-Муратъ съ своей стороны не трогался съ мѣста. Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ Круковскій приказалъ отступать. Но едва драгуны заѣхали назадъ, какъ аварская конница съ гикомъ перескочила ручей и вынеслась на открытую Шалинскую поляну. Этого только и ожидалъ Круковскій. Въ одинъ моментъ эскадроны, повернувшись назадъ, ринулись на непріятеля, смяли его,—и аварская конница дала тылъ. Драгуны гнали ее до самаго Шавдона, но дальше Круковскій ихъ не пустилъ,—туча неслась уже съ другой стороны. Бата и Гайтемиръ съ чеченской и ауховской конницей скакали прямо во флангъ нашей кавалеріи. Драгуны перемѣнили фронтъ, и четыре конныя орудія, снявшись съ передковъ, ударили картечью. Скакавшій впереди всѣхъ всадникъ, сопровождаемый большимъ наибскимъ значкомъ, слетѣлъ съ коня, и больше не поднимался. Чеченцы подхватили тѣло, но этого момента было достаточно, чтобы на одинъ трупъ повалились десятки людей, сдѣлавшихся также трупами. Второго залпа чеченцы не стали ожидать и поскакали назадъ. За то на смѣну ихъ съ другой стороны поляны выдвинулись пѣшія толпы Лабазана и Талгика. Къ счастію, къ этому времени ворота въ завалѣ уже были продѣланы, и на помощь къ драгунамъ явилась сотня казаковъ съ ракетными станками, и еще четыре батарейныя орудія; послѣднія расположились въ бурьянѣ скрытно, а ракеты, напротивъ, вынеслись впередъ, и восемь огненныхъ змѣй, съ шумомъ и трескомъ влетѣвшіе въ ряды непріятеля, произвели въ нихъ если не опустошеніе, то страшный испугъ и сумятицу. Воспользовавшись этимъ, Круковскій сталъ отходить назадъ. Тогда Лабазанъ,

Талгикъ, Бата и Хаджи-Муратъ—все, что сторожило насъ по опушкамъ лѣсовъ, устремилось въ погоню; но эскадроны раздвинулись, и разгоряченный непріятель наскочилъ прямо на картечь батарейныхъ орудій. Что произошло въ скопищѣ въ этотъ моментъ, за дымомъ нельзя было видѣть, но когда дымъ разсѣялся, мы увидѣли поле, по которому пестрыя толпы всадниковъ уносились въ разныя стороны. Кавалерія наша стройно прошла въ широкія ворота окопа, и вмѣстѣ съ пѣхотой потянулась въ лагерь. Покинутый завалъ былъ снова занятъ непріяте-

Смерть наиба Гайтемира.

лемъ, и съ гребня его загремѣлъ бѣшеный ружейный огонь, которымъ горцы провожали уходившую колонну. Многіе встревожились. «Пусть тѣшатся,—говорилъ Козловскій:—они только проводятъ насъ и разойдутся. Завалъ уже не ихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ немъ побывали». Онъ нахмурилъ брови и одобрительно кивнулъ головой, что дѣлалъ всегда, когда былъ чѣмъ-нибудь доволенъ. И онъ былъ правъ. На слѣдующій день, когда наши войска снова подошли къ завалу, въ немъ не было ни одного человѣка ([7]).

День 8-го января не прошелъ для Нижегородцевъ даромъ: у нихъ были ранены девять нижнихъ чиновъ (*) и четыре лошади. Сколько было убитыхъ и раненыхъ у непріятеля, объ этомъ можно бы было узнать отъ лазутчиковъ, но имъ нельзя было вѣрить. Достовѣрно узнали только, что всадникъ, сраженный картечью во главѣ своей кавалеріи, былъ знаменитый ауховскій наибъ Гайтемиръ. «Мнѣ жаль Гайтемира,—говорилъ Козловскій за ужиномъ:—когда я командовалъ полкомъ, мы были съ нимъ сосѣдями; и я, и мои кабардинцы обязаны Гайтемиру многими наградами» ([8]).

На другой день колонна, высланная подъ начальствомъ князя Барятинскаго, старательно занялась уничтоженіемъ Шалинскаго окопа. Говорятъ, что разрушать легче, нежели созидать; но къ Шалинскому завалу афоризмъ этотъ оказался непримѣнимымъ. Земля, скованная морозами, и гладкая ледяная поверхность наружной отлогости бруствера противостояли всѣмъ нашимъ усиліямъ такъ, что наконецъ должны были прибѣгнуть къ взрывамъ, и только съ великимъ трудомъ удалось разработать три проѣзда для артиллеріи; на окончательное же уничтоженіе завала пришлось бы употребить времени гораздо больше, чѣмъ на его сооруженіе.

Теперь вся Шалинская поляна подѣлена была между нами и горцами. Почти по серединѣ ея протекалъ Шавдонъ, топкій, болотистый ручей, на которомъ еще не очень давно стоялъ огромный аулъ Шали, служившій одно время даже любимою резиденціею имамовъ; теперь аулъ лежалъ въ развалинахъ, и отъ него осталось только, пріютившееся у подножія холма, кладбище съ высокими шестами,—джеридами. Отъ самаго окопа до этого Шавдона поле принадлежало намъ; за Шавдономъ, гдѣ начинались лѣса, закрывавшіе отъ насъ большіе центральные аулы Автуры, Гельдигенъ и Маіортупъ, — мѣстность принадлежала чеченцамъ; они то и дѣло входили въ наше владѣніе, но мы до времени не ступали къ нимъ ни ногою. Такъ было именно и 9-го января, когда колонна Барятинскаго, высланная для уничтоженія завала, приступила къ работамъ, а три батальона, вмѣстѣ съ драгунами, выдвинувшись впередъ, стали передъ самымъ Шавдономъ, въ качествѣ прикрытія рабочихъ.

До половины одиннадцатаго часа только и слышенъ былъ стукъ чу-

(*) Одинъ изъ нихъ рядовой Дмитрій Рагулинъ умеръ отъ раны въ Воздвиженскомъ госпиталѣ.

довищныхъ ломовъ, кирокъ и топоровъ, трудившихся надъ окопомъ; но съ половины одиннадцатаго музыка началась другая. Изъ опушки лѣса, лежавшаго на той сторонѣ Шавдона, вдругъ вылетѣло большое бѣлое облако, и вслѣдъ затѣмъ ядро, ударившись передъ колонной, сдѣлало рикошетъ и оторвало ногу одному солдату. Ровно черезъ десять минутъ выстрѣлъ повторился, и снова вынесъ изъ фронта солдата. Тогда восемь нашихъ орудій открыли бѣглый огонь; но, несмотря на подавляющую числительность русской артиллеріи, бой оказался не равнымъ: мы стрѣляли на дымки, и наши снаряды ложились въ пустую, то въ лѣсъ, то въ кустарникъ, а горцы имѣли передъ собой прекрасную цѣль и били почти навѣрняка. Каждыя десять минутъ раздавался пушечный выстрѣлъ, и черезъ каждыя десять минутъ перевязочный пунктъ обогащался лишними паціентами. Чтобы уменьшить потерю, Барятинскій отозвалъ пѣхоту назадъ, а драгунамъ приказалъ разомкнуть ряды. Но это были мѣры палліативныя. Только, атаковавъ непріятельскую артиллерію, и можно было заставить ее замолчать; но атаковать ее на той сторонѣ Шавдона Круковскій полагалъ слишкомъ рискованнымъ. Пѣхота роптала на бездѣйствіе кавалеріи. Вся надежда ея была на драгунъ,—а драгуны молчали, точно не надъ ихъ головами слышалось шипѣніе снарядовъ. Въ рядахъ чеченскаго отряда были еще солдаты и офицеры, которые помнили, къ какимъ энергическимъ мѣрамъ прибѣгалъ Золотухинъ въ 1848 году, чтобы заставить молчать непріятельскую артиллерію—и она молчала. Тогда шамилевскіе наибы осмѣливались дать одинъ, два выстрѣла, да и то украдкою. Тихоцкій и Шульцъ были люди такого же закала, какъ и Золотухинъ; но у нихъ руки были связаны; они не имѣли даже того утѣшенія, какое имѣлъ Золотухинъ—сперва атаковать, а послѣ испросить разрѣшенія. Круковскій ни на шагъ не отходилъ отъ эскадроновъ, и всякій порывъ сдерживалъ суровымъ словомъ или жестомъ. Тихоцкій попробовалъ сказать, что хорошо бы было добыть чеченскую пушку. Круковскій тотчасъ отвѣтилъ: «вся артиллерія Шамиля не стоитъ того, чтобъ изъ-за нея положить съ полсотни драгунъ. Это у него не послѣдняя пушка» (⁹). Правъ ли былъ Круковскій въ своемъ заключеніи или не правъ—объ этомъ мжно разсуждать различно, но только дерзость непріятеля возросла въ этотъ день непомѣрно. Какъ только работы покончились, и войска стали отступать, наибъ, распоряжавшійся артиллеріею имама, пересталъ смотрѣть на часы каждыя десять минутъ,

а буквально сталъ забрасывать колонну ядрами и гранатами. Но и этого показалось ему мало. Едва кавалерія наша прошла за окопъ, какъ артиллерійскій значекъ показался уже на нашей сторонѣ Шавдона; онъ мчался черезъ поляну прямо къ заваламъ, а за нимъ неслись въ карьеръ всѣ пять орудій Шамиля. Скоро вся крона бруствера покрылась непріятельскими стрѣлками и загремѣли залпы. Мы отступали молча, не отвѣчая на выстрѣлы, которыми насъ провожали. Барятинскій объѣзжалъ колонны и благодарилъ солдатъ; но, видно, и онъ подмѣтилъ на лицахъ драгунъ нѣчто особенное, потому что къ словамъ благодарности прибавилъ: «Не унывать, молодцы! Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ» ([10]).

Такъ прошло 9-е число, такъ проходили и всѣ послѣдующіе дни съ нѣкоторыми варіантами. И если число могильныхъ крестовъ на Воздвиженскомъ кладбищѣ, и число раненыхъ въ походномъ лазаретѣ росло въ значительной прогрессіи, за то Шалинская просѣка уходила все дальше и дальше, въ глубь чеченской земли, а Шалинскій окопъ становился все ниже и ниже, пока не сравнялся съ землей. Безъ человѣческихъ жертвъ ни одна пядь земли не доставалась намъ на Кавказѣ. Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ, сказалъ главнокомандующій маіору Золотухину 4-го августа 1848 года.

Въ половинѣ января мѣсяца къ Шамилю прибыли новыя подкрѣпленія изъ Дагестана. Ихъ привелъ Даніель-Султанъ, вмѣстѣ съ однимъ горнымъ орудіемъ, и 18-го числа его значки впервые показались на Шалинской полянѣ. Въ этотъ день съ непріятельской батареи, устроенной за топкимъ Шавдономъ, канонада началась съ 8-ми часовъ утра. Почти въ то же время, слѣва отъ насъ, но уже на нашей территоріи, изъ лѣсу раздался глухой орудійный выстрѣлъ, и маленькая гранатка разорвалась въ рядахъ казаковъ. Всѣ оглянулись въ ту сторону; но тамъ за лѣсной трущобой ни партіи, ни орудія, ничего нельзя было видѣть; только дымъ, медленно поднимавшійся къ вершинѣ одного гигантскаго дерева, указывалъ мѣсто, гдѣ должна была находиться батарейка. Граната за гранатою, опять черезъ извѣстные промежутки времени, стали пронизывать кавалерійскую колонну и причинять ей ущербъ. Это былъ, вѣроятно, тотъ самый единорогъ, который прибылъ съ Даніель-султаномъ изъ Дагестана. Даже Круковскій потерялъ терпѣніе и, оглянувшись кругомъ, сказалъ, ни къ кому особенно не обращаясь: «Хорошо было бы унять этого щенка, онъ слишкомъ больно кусается». Въ эту минуту къ нему

нетвердыми шагами, нѣсколько покачиваясь изъ стороны въ сторону, подошелъ казачій есаулъ, командовавшій четырьмя орудіями, и приложилъ руку къ косматой папахѣ. «Ваше...»—онъ хотѣлъ сказать превосходительство,—но не справившись съ такимъ длиннымъ словомъ, только качнулъ головой и проговорилъ:—«я заставлю его замолчать, если прикажете». Круковскій съ ногъ до головы оглядѣлъ офицера, который такъ странно произносилъ слово «превосходительство», и отвѣчалъ съ насмѣшливой улыбкой: «Что жъ, заставьте! я буду вамъ благодаренъ». Есаулъ взялъ одно изъ своихъ орудій, самъ установилъ его на позиціи, самъ навелъ при помощи двухъ пальцевъ, послужившихъ ему на этотъ разъ діоптромъ, и скрестивши руки, сталъ въ позѣ Наполеона, ожидая непріятельскаго выстрѣла. «Пли!» крикнулъ онъ, какъ только показался дымокъ изъ-за дерева. Граната, описавъ параболу, понеслась къ лѣсу и окунулась въ ту самую трущобу, откуда вылетѣлъ дымъ. Раздался страшный взрывъ, вылетѣло огромное облако дыма, и постепенно начало застилать полупрозрачнымъ крепомъ окрестныя деревья. Граната или ударилась въ зарядный ящикъ и подняла его на воздухъ вмѣстѣ съ прислугой, или же сбила орудіе, потому что больше выстрѣловъ не было. Есаулъ опять подошелъ къ Круковскому. «Замолчалъ», отрапортовалъ онъ, кивнувъ головой къ сторонѣ непріятеля. «Есаулъ», сказалъ Круковскій, протягивая ему въ знакъ благодарности свою широкую руку:—«если вы такъ хорошо стрѣляете послѣ завтрака, то какъ же вы должны стрѣлять натощакъ».—Пробовалъ, ваш—ство,—хуже выходитъ», отвѣчалъ есаулъ. Всѣ засмѣялись (11).

Перекрестная стрѣльба очень понравилась горцамъ, и 24-го января они рѣшились даже оставить свою безопасную позицію позади Шавдона съ тѣмъ, чтобы обойти лѣвый флангъ кавалеріи и нѣсколькими картечными выстрѣлами нанести ей уронъ. Мѣсто для новой батареи было выбрано и укрѣплено ими заранѣе. Круковскій многое прощалъ непріятелю, но этого простить не могъ. Какъ только артиллерія показалась на батарейкѣ, онъ подалъ сигналъ къ атакѣ. 4-й дивизіонъ и три линейскія сотни, подъ командой маіора Шульца, понеслись на орудія съ фронта; Тихоцкій со своднымъ дивизіономъ пустился наперерѣзъ, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Горцы, не ожидая этого, кинулись съ своими орудіями прямо въ Шавдонъ, гдѣ едва-едва не потопили шамилевскія пушки. Въ этотъ день не прогремѣло ни одного артиллерійскаго вы-

стрѣла, и войска въ первый разъ возвратились домой, даже не преслѣдуемыя непріятелемъ (12).

Секретъ, слѣдовательно, былъ найденъ. Но тутъ случилось одно обстоятельство, которое заставило Козловскаго на цѣлые три дня лишиться содѣйствія своей кавалеріи. 26-го января отъ генерала Слѣпцова прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что Хаджи-Муратъ двинулся въ Малую Чечню, намѣреваясь поднять возстаніе въ покорныхъ намъ обществахъ. У Слѣпцова свободныхъ войскъ не было, а потому Козловскій немедленно отправилъ къ нему 4-й дивизіонъ драгунъ и всѣхъ линейныхъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Круковскаго. Кавалерія наша была уже на Урусъ-Мартанѣ, когда Слѣпцовъ далъ знать, что Хаджи-Муратъ ушелъ обратно за Аргунъ, и что въ содѣйствіи Круковскаго надобность уже миновала. Круковскій повернулъ назадъ, а Слѣпцовъ задумалъ между тѣмъ наказать аулы, раскинутые въ верховьяхъ рѣчки Шалажи, и двинулся противъ нихъ съ однимъ своимъ отрядомъ. Почему онъ не воспользовался присутствіемъ на линіи прекрасной кавалеріи Круковскаго,—этого нельзя сказать съ достовѣрностью; но достовѣрно то, что это была съ его стороны роковая ошибка: набѣгъ не удался и малочисленный отрядъ Слѣпцова понесъ огромныя потери.

Между тѣмъ Круковскій и Хаджи-Муратъ возвращались назадъ почти одновременно, и едва-едва не столкнулись между собою на берегахъ Аргуна. Они даже столкнулись бы непремѣнно, если бы только линейные казаки не поддались на военную хитрость, къ которой прибѣгнулъ Хаджи-Муратъ. Наткнувшись неожиданно на русскій бивуакъ, аварскій наибъ рѣшился на дерзкую выходку, чтобы сбить насъ съ настоящаго своего направленія и спасти огромную добычу, отнятую имъ у мирныхъ чеченцевъ. Съ этою цѣлью все, что обременяло партію, онъ пустилъ окружною дорогой, а самъ приказалъ горцамъ спѣшиться и, ведя лошадей въ поводу, итти открытою долиной прямо на русскіе пикеты. Горцы шли до того спокойно, и такъ самоувѣренно, что наши казаки приняли ихъ за линейныя сотни, высланныя съ Сунжи—и дали выстрѣлъ только тогда, когда, поровнявшись съ нашими пикетами, чеченцы вдругъ вскочили на коней и кинулись къ ближайшему лѣсу. Въ лагерѣ поднялась тревога. Драгуны пустились въ погоню, но настигали и рубили только отсталыхъ, о которыхъ Хаджи-Муратъ мало и заботился: онъ пожертво-

валъ нѣсколькими людьми, но спасъ добычу, отведя нашъ отрядъ въ совершенно противную сторону ([13]).

На другой день, 30-го января, кавалерія возвратилась въ лагерь; но драгуны не успѣли еще разсѣдлать лошадей, какъ уже ихъ потребовали на просѣку. Непріятель дѣйствовалъ въ этотъ день съ особенной настойчивостью, и не только встрѣтилъ колонну перекрестнымъ огнемъ изъ орудій, но выслалъ сильный отрядъ пѣхоты на ея сообщеніи съ лагеремъ. Внезапное появленіе кавалеріи, которую горцы считали далеко, на Сунженской линіи, видимо смутило чеченцевъ. Озадаченные наибы успѣли убрать артиллерію, но пѣшіе тавлинцы уйти уже не могли: драгуны неслись на нихъ во всѣ повода, и горцы, задержанные на пути кустарникомъ, были настигнуты и легли подъ ударами шашекъ. Все это произошло на глазахъ Козловскаго, который нахмурилъ брови отъ удовольствія и два раза качнулъ головою. Въ лѣсъ драгунъ, однако, не пустили, потому что пѣхота начала уже отступленіе. Непріятель густыми толпами шелъ вслѣдъ за нею, и съ бруствера окопа проводилъ насъ огнемъ трехъ тысячъ винтовокъ. Потеря, понесенная въ этотъ день колонной, была большая. Когда доложили объ этомъ Козловскому, онъ лукаво подмигнулъ однимъ глазомъ и проговорилъ съ неподражаемой улыбкой, какой онъ только одинъ улыбался. «Мы этому», «какъ», положимъ конецъ; намъ прислали изъ Владикавказа нѣсколько маленькихъ шутихъ. Талгикъ, я знаю, «какъ» останется очень доволенъ» ([14]).

На слѣдующій день кавалерія выступила изъ лагеря до свѣту. Она не остановилась на Шалинской полянѣ, а перешла Шавдонъ и вступила въ чеченскія владѣнія. Было очень рано. Непріятель, ночевавшій по окрестнымъ ауламъ, еще не просыпался, и батареи его были пусты. Нѣсколько караульныхъ, оставленныхъ въ нихъ на ночь, бѣжали въ паническомъ страхѣ. Круковскій приказалъ разорить и сжечь всѣ устроенные здѣсь бревенчатые завалы, и когда это было исполнено, также тихо отвелъ назадъ свою кавалерію.

Часовъ въ 8 утра со стороны Герменчугскаго поля показались первые значки непріятельской конницы, направлявшейся къ своимъ батареямъ; но батарей уже не было: на мѣстѣ ихъ лежала только груда горячей золы. Первое чувство, которое овладѣло горцами, было удивленіе, а затѣмъ — испугъ. Неужели здѣсь были русскіе? Но куда же дѣвались тогда караульщики? Неужели ихъ всѣхъ забрали въ плѣнъ или вырѣ-

зали? Гонцы поскакали во всѣ стороны, съѣхались наибы, подивились, и принялись чинить и строить то, что было уничтожено за ночь. Въ этотъ день непріятель за недосугомъ почти не мѣшалъ нашимъ работамъ; но за то, когда началось отступленіе, наибы двинули за нами почти всѣ свои силы. Никогда еще горцы не преслѣдовали насъ такими огромными массами, и никогда надъ Шалинскимъ окопомъ не вѣяло столько значковъ, сколько сегодня. Съ горцами было даже одно орудіе. Но едва все это размѣстилось по брустверу, какъ раздался подземный ударъ, отъ котораго всколыхнулась земля даже подъ ногами русской колонны. Въ тотъ же моментъ изнутри завала вырвался огненный столбъ, и вмѣстѣ съ потокомъ чернаго дыма поднялись на воздухъ огромныя глыбы земли, камней и бревенъ. Среди нихъ летѣли лошади безъ всадниковъ, всадники безъ лошадей,—и все это, въ неясныхъ и туманныхъ очеркахъ, витало высоко надъ землею, кружилось, кувыркалось, и стремглавъ летѣло опять на землю. Въ памяти всѣхъ врѣзалась фигура одного чеченца, летѣвшаго по воздуху съ большимъ чернымъ знаменемъ въ рукахъ—точно онъ возносился къ небу съ побѣдною хоругвью. Глазъ не привыкъ къ подобнымъ, неестественнымъ положеніямъ предметовъ, и картина была поразительна своею фантастичностью. Матеріальный уронъ непріятеля, конечно, былъ великъ, но нравственное потрясеніе его было еще сильнѣе. Команда, посланная вслѣдъ затѣмъ осмотрѣть мѣсто взрыва, нашла множество труповъ съ оторванными и растерзанными членами, но не нашла ни орудія, ни чернаго значка, который мы видѣли кружащимся въ воздухѣ, и заключила, что горцы успѣли увезти ихъ съ собою. Среди груды тѣлъ нашли человѣка почти невредимаго, но ошеломленнаго сильнымъ ударомъ о землю. Люди какъ-то инстинктивно останавливаютъ свое вниманіе на томъ, кого Провидѣніе открыто беретъ подъ свою защиту. Человѣка, подобраннаго послѣ взрыва, съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматривали въ лагерѣ всѣ, и все-таки никто не могъ уяснить себѣ, какъ въ этой страшной катастрофѣ онъ могъ остаться почти невредимымъ. Начальникъ отряда также пожелалъ его видѣть. Ему представили молодого человѣка, лѣтъ 27, высокаго, красиваго блондина съ голубыми глазами и рыжеватою курчавою бородкой. По одеждѣ, нѣсколько пострадавшей отъ взрыва, и по отдѣлкѣ кинжала тонкой кубачинской работы, это былъ настоящій кавказскій денди; въ карманѣ его газырей лежали массивные золотые часы, а на груди висѣлъ изящный компасъ,—такимъ же непо-

нятнымъ чудомъ уцѣлѣвшія отъ разрушенія, какъ и ихъ владѣлецъ. Онъ жаловался только, что его кубачинская шашка, винтовка и пистолетъ погибли при взрывѣ; но онъ не скрывалъ удовольствія, что при этой катастрофѣ на его груди сохранился серебряный, трехъугольный орденъ съ арабскою надписью, пожалованный ему изъ рукъ самого Шамиля. Козловскій имъ залюбовался.—«Да такого молодца», вскричалъ онъ, «у меня, какъ, и въ кабардинскомъ полку, не было; т. е. молодцы-то были у меня почище его, да не такого роста. Спросите, откуда онъ родомъ и чѣмъ занимался у моего кунака Шамиля?» Плѣнникъ отвѣчалъ, что онъ родомъ Койсубулинецъ, и въ послѣднее время возилъ значокъ начальника артиллеріи. Теперь стали припоминать у насъ, что его дѣйствительно нидали впереди орудій. На Кавказѣ храбрость противника, кто бы онъ ни былъ, всегда вызывала уваженіе, и къ плѣннику отнеслись сочувственно всѣ, и даже всѣ пожалѣли, когда его отправили въ Грозную вмѣстѣ съ оказіей. Но въ Грозной его ожидала опасность посерьезнѣе той, которая угрожала ему на окопѣ. Въ госпиталѣ, въ одной съ нимъ палатѣ, лежалъ рядовой грузинскаго линейнаго батальона, который, взглянувъ мимоходомъ на плѣнника, смутился и долго не хотѣлъ вѣрить собственнымъ глазамъ. Неужели же, спрашивалъ онъ самъ себя, это тотъ вольноопредѣляющійся, который былъ у насъ фельдфебелемъ, и года два тому назадъ бѣжалъ въ горы? Это былъ онъ, и въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Солдатъ заявилъ о своемъ подозрѣніи смотрителю. Но когда смотритель прибылъ въ госпиталь—койка дезертира оказалась пустою. Въ страшно-морозную февральскую ночь онъ въ одномъ лазаретномъ халатѣ и туфляхъ бѣжалъ изъ Грозной и, какъ узнали впослѣдствіи, благополучно добрался до немирныхъ ауловъ. Провидѣніе во второй разъ покрыло своимъ щитомъ человѣка, котораго люди считали преступникомъ ([15]).

Катастрофа, случившаяся на Шалинскомъ окопѣ 1-го февраля, послужила, такъ сказать, эпилогомъ къ окончанію нашихъ военныхъ дѣйствій на сѣверной сторонѣ Шалинской поляны. Просѣка, раскрывавшая доступъ къ большимъ центральнымъ ауламъ Чечни, была нами докончена. На мѣстѣ вѣкового лѣса теперь протянулась широкая полоса оголенныхъ и обугленныхъ пней, съ огромными сѣроватыми пятнами золы и пепла между ними. Какъ только грандіозный ландшафтъ превратился въ печальную пустыню, войска передвинулись отъ окопа вправо, чтобы выру-

бить лѣсъ, заграждавшій имъ доступъ къ полянѣ Мезинской, занятой цѣлой группой богатыхъ чеченскихъ хуторовъ. Эта поляна послѣ Шалинской занимала первое мѣсто въ экономическомъ значеніи страны, и для ея обороны устроена была цѣлая система заваловъ. Козловскій зналъ, однако, что завалы охраняются только днемъ, а на ночь въ нихъ оставляются лишь небольшіе караулы. Онъ этимъ воспользовался, и на разсвѣтѣ 7-го февраля захватилъ ихъ врасплохъ, безъ выстрѣла. Въ то же самое время вся кавалерія, выдвинутая за Шавдонъ, быстро разработала спускъ и устроила переправу черезъ этотъ топкій, глинистый оврагъ у разореннаго аула Зармай-Юртъ. Къ свѣту она отошла назадъ, и стала, какъ всегда, передъ Шавдонкой ([16]).

Съ этой минуты начинается второй періодъ экспедиціи.

Мостъ въ кр. Грозной черезъ Сунжу.

Рѣка Басъ.

V.

На Шавдонѣ и Басѣ.

(1851 г.).

Перенесеніе военныхъ дѣйствій съ Шалинской поляны къ полянѣ Мезинской.—Блистательное дѣло 2-го эскадрона въ виду шалинскаго кладбища.—Рекогносцировка береговъ Баса.—Страшное пораженіе горцевъ тремя эскадронами нижегородцевъ 27-го февраля на Басѣ.—Князь Захарій Чавчавадзе съ 7-мъ эскадрономъ за Басомъ.—Благодарность Козловскаго.—Солдатская пѣсня.—Оваціи драгунамъ въ Грозной.—Отзывы о драгунахъ Нестерова, князя Аргутинскаго и главнокомандующаго.—Пожалованіе 4-му дивизіону Георгіевскаго штандарта.—Награды.

Непріятель, еще ничего не знавшій о перемѣщеніи войскъ и о потерѣ заваловъ въ Мезинскомъ лѣсу, показался въ обычное время, и, нѣсколько удивленный присутствіемъ драгунъ на полянѣ, открылъ по нимъ канонаду. Двѣ-три гранаты прошипѣли въ пустую, двѣ-три лопнули

надъ самой колонной,—какъ вдругъ по всей непріятельской линіи распространилась тревога. Это прискакали гонцы съ извѣстіемъ о потерѣ мезинскихъ заваловъ, и объ опасности, которая угрожаетъ ничѣмъ теперь не прикрытой Мезинской полянѣ. Три наиба: Хаджи-Муратъ, Лабазанъ и Талгикъ тотчасъ двинулись противъ Козловскаго; но удивленію ихъ не было границъ, когда, подходя къ Зарманъ-Юрту, они увидѣли передъ собою драгунъ, которыхъ оставили на Шалинской полянѣ. Объ устройствѣ переправы они ничего не знали, и не могли додуматься какъ, и откуда могла появиться кавалерія. Смущеніе ихъ было такъ велико, что три наиба, располагавшіе болѣе чѣмъ двухтысячнымъ войскомъ, не осмѣлились напасть на четыре эскадрона драгунъ, и, повернувъ назадъ, отступили за Басъ (1).

Съ этого дня до 19-го февраля включительно, военныя дѣйствія на Шалинской полянѣ носятъ довольно однообразный характеръ: пѣхота подвигается просѣкой къ Мезинской полянѣ, кавалерія чуть свѣтъ выходитъ на позицію къ Шалинскому кладбищу, откуда можетъ угрожать непріятелю по всѣмъ направленіямъ. Подъ ея охраной работы на новой просѣкѣ идутъ почти безпрепятственно: непріятель перестрѣливается съ нашими цѣпями, но едва онъ затѣваетъ что-нибудь серьезное, какъ кавалерія переносится черезъ Шавдонъ и разстраиваетъ его замыслы. Одну артиллерію никакъ не могли угомонить наши войска, и нерѣдко простаивали подъ ея огнемъ по нѣскольку часовъ къ ряду. Почти изо-дня въ день съ 8-ми часовъ утра до 3-хъ пополудни гремѣли шамилевскія пушки, и порѣдѣвшіе лѣса Большой Чечни, по выраженію одного остряка, изъ дремучихъ превратились въ гремучіе.

20-го февраля колонна выступила ранѣе обыкновеннаго, чтобы осмотрѣть еще не вырубленный участокъ лѣса до самаго выхода на Мезинскую поляну. Время для рекогносцировки выбрано было, однако, не совсѣмъ удачное: лежалъ густой туманъ, и въ лѣсу было темно, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ предметы совершенно теряли свои очертанія; пни отъ срубленныхъ деревьевъ казались неподвижно стоящими людьми; неподвижно стоящихъ людей можно было принять за пни. Двигаясь въ этомъ туманѣ ощупью, кавалерія наша въ упоръ наѣхала на небольшую группу всадниковъ, которыхъ приняла за непріятельскій пикетъ. Въ одинъ моментъ четыре чеченца были изрублены, двое захвачены въ плѣнъ, и только одинъ, на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, ушелъ отъ погони.

Казаки только и успѣли сорвать съ его плечъ дорогую андійскую бурку. Плѣнные объявили, что они нукеры наиба Талгика, и что всадникъ, оставившій бурку въ рукахъ казаковъ, былъ самъ Талгикъ (2). Свобода и жизнь этого человѣка уже не въ первый разъ подвергались опасности, и каждый разъ Провидѣніе спасало его непостижимымъ образомъ.

Кавалерія вернулась съ рекогносцировки часовъ въ 10 утра и заняла свою обычную позицію на кладбищѣ. Туманъ, одинаково опасный для обѣихъ воюющихъ сторонъ, лежалъ такою сплошною массой, что даже неугомонная артиллерія горцевъ молчала. Драгуны, спѣшившись, прилегли на сырую землю и держали лошадей въ поводу. Пикеты стояли впереди, но и имъ ничего не было видно. Вдругъ на одномъ изъ нихъ грянулъ выстрѣлъ, и всѣ—драгуны и казаки—вскочили на ноги. Какъ разъ въ эту минуту туманъ медленно, какъ театральный занавѣсъ, сталъ подниматься къ верху, и передъ нами, лицомъ къ лицу, очутились густыя массы непріятельской пѣхоты, шедшей, повидимому, также занимать кладбище. Кавалерія, которую они полагали далеко, предстала передъ ними внезапно, также какъ внезапно было появленіе и ихъ передъ кавалеріей. Горцы были такъ близко, что Тихоцкій едва успѣлъ крикнуть: садись!—какъ 2-й эскадронъ Петрова, стоявшій во главѣ колонны, уже понесся въ атаку и врѣзался въ толпы непріятеля. Ударъ былъ стремительный. Смятые и разорванные въ рядахъ, тавлицы побѣжали къ лѣсу; но на бѣгу они едва могли защищаться, тогда какъ каждый взмахъ драгунской шашки вычеркивалъ изъ списка живущихъ того или другого. Три эскадрона, подъ командой маіора Шульца, пошли на рысяхъ, чтобы поддержать атаку; но пока они миновали кладбище, вся эта толпа уже исчезла изъ вида, и на опушкѣ лѣса маячили только коноводы 2-го эскадрона. Петровъ, спѣшивъ людей, гналъ непріятеля по лѣсу. Какъ разъ въ эту минуту показалась скакавшая между деревьями чеченская конница. Она торопилась на помощь къ пѣхотѣ, но 2-й эскадронъ уже вскочилъ на коней и встрѣтилъ ее атакой въ то время, какъ сотня Горскаго полка, подъ командой подполковника Товбича, отрѣзала ей отступленіе. Лѣсная чаща не позволила чеченцамъ уклониться въ сторону, и они, попавъ подъ двойной ударъ, понесли жестокое пораженіе (3).

Все это произошло такъ быстро, что когда остальная кавалерія подскакала къ лѣсу, Петровъ уже возвращался изъ него назадъ. 2-й эска-

дронъ потерялъ одного человѣка убитымъ (*), двухъ ранеными, и четырехъ лошадей; но за то привезъ съ собой до пятидесяти непріятельскихъ тѣлъ, 40 винтовокъ и множество оружія (4). Пользуясь затишьемъ, которое наступило послѣ этого кроваваго урока, даннаго чеченцамъ, Козловскій рѣшилъ осмотрѣть еще одну незнакомую мѣстность, лежавшую между Шавдономъ и Басомъ, за которымъ, какъ носились слухи, непріятель строилъ какое-то укрѣпленіе. Въ холодное земнее утро 25-го февраля, онъ выступилъ въ сопровожденіи двухъ дивизіоновъ Нижегородскихъ драгунъ, и, подойдя къ Басу, увидѣлъ по ту сторону рѣчки огромный завалъ съ фланговой обороной и башней, устроенной для артиллеріи. Полагая, что мы пойдемъ на этотъ завалъ, чеченская конница, стоявшая подъ лѣсомъ, кинулась на перерѣзъ, чтобы раньше насъ поспѣть къ переправѣ. Драгуны также пустили коней во всѣ повода, и перерадивъ дорогу, заставили горцевъ искать другую переправу. Но эта переправа была такъ далеко, что когда колонна, ограничившись осмотромъ одного лѣваго берега, начала отступать,—значки мюридовъ только что еще показались у завала (5).

Экспедиція между тѣмъ приближалась къ концу, и 28-го февраля былъ вырубленъ послѣдній участокъ лѣса, скрывавшій еще отъ насъ Мезинскую поляну. Въ полдень князь Барятинскій поѣхалъ взглянуть на новую просѣку, приказавъ слѣдовать за собою батальону пѣхоты и 7-му эскадрону Нижегородскаго полка. Едва ли что-нибудь, кромѣ болотъ и песковъ, производитъ на душу такое тяжелое впечатлѣніе, какъ мѣстность, покрытая жалкими остатками вырубленнаго лѣса. Вездѣ торчали ряды голыхъ пней, валялись черныя головни еще не потухшихъ костровъ, или лежали деревья, покрытыя точно огненною сѣткой, которая то вспыхивала перебѣгавшими по ней огоньками, то подергивалась пепломъ нѣжнаго жемчужнаго цвѣта. Но вотъ дошли до конца просѣки, и передъ войсками вдругъ развернулось широкое поле, окаймленное опять вѣковыми лѣсами. Эти лѣса поднимались уже на самыя вершины Черныхъ горъ, и съ ихъ высотъ казались малорослымъ кустарникомъ. Передъ нами лежала знаменитая Мезинская поляна, на которой глазъ съ удовольствіемъ отдыхалъ послѣ безобразныхъ деталей только что пройденной просѣки. Возвращаясь назадъ, Барятинскій со-

(*) Рядовой Николай Пахомовъ.

Зимняя экспедиція въ Чечнѣ. Съ картины кн. Гагарина.

единился съ остальною колонной у Зарманъ-Юрта, и сталъ на отдыхъ; 7-му эскадрону приказано было отпустить подпруги и выводить лошадей.

Черезъ полчаса, когда Барятинскій хотѣлъ уже возвращаться въ лагерь, вдругъ со стороны Герменчука, между Шавдономъ и Басомъ, показалась какая-то пѣхота, двигавшаяся въ такомъ порядкѣ, что издали ее можно бы было принять за русскихъ, если бы только русскіе могли показаться съ той стороны. Но оттуда могли итти только горцы. Всѣ съ любопытствомъ вглядывались въ эту стройную массу, какой еще никогда не видѣли. Впослѣдствіи уже узнали, что это былъ низамъ,—регулярное войско, только что заводимое Шамилемъ, чтобы придать бо́льшую стойкость людямъ отъ природы чрезвычайно храбрымъ, но своенравнымъ и не подчинявшимся въ бою никакой дисциплинѣ. Къ концу экспедиціи 1851 г. сформировано было уже десять дружинъ, соотвѣтствовавшихъ численностію нашимъ батальонамъ. Каждая дружина въ 500 человѣкъ имѣла своего начальника, а четыре дружины, образовывавшія полкъ, подчинялись особому наибу. Строй у горцевъ былъ принятъ подобный русской пѣхотѣ, а учителями явились тѣ же дезертиры, которые создали Шамилю и артиллерію. Ружейнымъ пріемамъ горцы, конечно, не обучались, но они двигались по командѣ, ходили въ ногу и дѣлали довольно стройно несложныя перестроенія. Утромъ 27-го февраля Шамиль самъ произвелъ смотръ одному изъ этихъ полковъ, и въ первый разъ двинулъ его на Шалинскую поляну, желая провѣрить на опытѣ результатъ своего нововведенія ([6]).

Мѣстность по лѣвому берегу Баса, гдѣ двигалась эта пѣхота, представляла собою открытое поле, усѣянное только рѣдкими, кое-гдѣ разбросанными по ней, дубками. Такого прекраснаго случая къ кавалерійскому дѣлу еще не представлялось за цѣлую экспедицію, и Тихоцкій, подойдя къ Барятинскому, просилъ позволенія атаковать непріятеля. «Хорошо!» отвѣчалъ Барятинскій: «ведите кавалерію, а я въ случаѣ надобности поддержу васъ пѣхотой». Три эскадрона, 2, 8-й и 9-й, быстро развернули фронтъ, и, имѣя на флангахъ казаковъ, понеслись черезъ поляну широкою рысью. Чеченская конница, попытавшаяся было загородить имъ путь, была моментально отброшена,—и эскадроны ринулись карьеромъ. Тавлинская пѣхота, построившись въ каре, встрѣтила ихъ бѣглымъ огнемъ,—но выстрѣлы ея оборвались разомъ: пикинеры, драгуны и казаки врѣзались въ непріятеля. Никакое описаніе не можетъ дать понятія объ ужасѣ произошедшей здѣсь рукопашной схватки.

Растерявшіеся и прижатые къ рѣчкѣ, горцы могли защищаться только прикладами, а ихъ рубили шашками, кололи пиками, топтали конями, сбрасывали съ кручъ и топили въ Басѣ. Такого страшнаго истребленія въ послѣднія 10—15 лѣтъ не помнилъ никто изъ лезгинъ и чеченцевъ. 270 тѣлъ лежало на самомъ мѣстѣ схватки,—а сколько еще разбилось при паденіи съ кручъ, или было поглощено рѣчкою! Ничтожные остатки низама бѣжали съ поля битвы и разсѣялись, какъ разсѣялась самая затѣя Шамиля, болѣе и не пытавшагося поднимать вопроса объ учрежденіи въ горахъ регулярной пѣхоты (7).

Въ то время какъ началась рукопашная схватка, 7-й эскадронъ только что отдѣлился еще отъ колонны. Князь Барятинскій, конечно, могъ не пустить его совсѣмъ, но онъ его пустилъ, и самъ любовался какъ эскадронъ на полныхъ рысяхъ несся черезъ всю Шалинскую поляну одинъ, не обращая вниманія на горскихъ джигитовъ, осыпавшихъ его ружейными выстрѣлами. Онъ видимо торопился поспѣть въ дѣло,—но дѣло уже окончилось, и 7-му эскадрону не довелось принять въ немъ участія. Тогда отважный командиръ эскадрона князь Захарій Чавчавадзе окинулъ взглядомъ окрестную мѣстность и увидѣлъ, что по ту сторону Баса въ густомъ лѣсу стоитъ чеченская конница; тамъ вѣяли значки, тамъ могла быть еще работа! «Если бы эта конница», говорилъ онъ впослѣдствіи, «ударила бы на наши эскадроны, когда они гнали бѣгущихъ, то дѣло могло бы, пожалуй, принять для насъ иной оборотъ,—и я рѣшился дѣйствовать противъ этой конницы на личный страхъ и отвѣтственность». Итти одному эскадрону за Басъ, куда переселилось теперь все непріязненное намъ населеніе Большой Чечни, конечно, никто бы не позволилъ; но Чавчавадзе ни у кого и не просилъ позволенія: онъ просто повернулъ эскадронъ въ ту сторону, ринулся въ Басъ, и прежде чѣмъ въ отрядѣ замѣтили его отсутствіе, онъ былъ уже на томъ берегу, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Смѣлое появленіе эскадрона въ такихъ мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ еще ни разу не появлялись русскія войска, заставило горцевъ предполагать, что за эскадрономъ переправляется весь чеченскій отрядъ. Этимъ минутнымъ смущеніемъ искусно воспользовался Чавчавадзе,—и самъ кинулся въ шашки. Огромная толпа, слишкомъ достаточная, чтобы раздавить эскадронъ, мигомъ разсыпалась по лѣсу, и драгунамъ удалось положить на мѣстѣ только нѣсколькихъ отставшихъ всадниковъ. Но за то

едва эскадронъ повернулъ назадъ, какъ опомнившiеся горцы насѣли на него съ тыла. Три раза останавливался эскадронъ, три раза отбрасывалъ непрiятеля, и снова отступалъ, прикрываясь своими фланкерами.

Во время одной изъ такихъ стычекъ, происходившей на берегу какого-то ручья, не широкаго, но страшно болотистаго и топкаго, случился эпизодъ, оригинальный и не лишенный даже своего рода комизма. Драгунъ настигъ чеченскаго знаменщика. Но въ тотъ моментъ, когда онъ уже схватился рукою за древко, лошадь шарахнулась въ сторону, и драгунъ упалъ, увлекши за собой и значокъ и чеченца. Борьба двухъ выбитыхъ изъ сѣдла всадниковъ продолжалась и на землѣ, такъ какъ драгунъ тянулъ значокъ за верхнiй, а чеченецъ за нижнiй конецъ знаменнаго древка. Въ эскадронѣ, занятомъ въ это время погоней, не видѣли того, что происходило въ сторонѣ, но чеченцы увидѣли,—и нѣсколько человѣкъ подскакало на помощь. Они разомъ потянули значокъ, и вмѣстѣ съ нимъ поволокли по землѣ и нашего драгуна, слетѣвшаго съ ногъ, но вцѣпившагося въ свою добычу руками и ногами. Черезъ ручей горцы перескочили, но драгунъ, бултыхнувшiйся въ него со всего размаха, едва-едва не захлебнулся липкой и вонючею грязью; значка онъ, однако, не выпустилъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ вытащенъ на берегъ, какъ рыба на удочкѣ. Казалось бы—какое спасенье могло быть для человѣка, такъ внезапно очутившагося среди цѣлой сотни непрiятельскихъ всадниковъ? Но смятенiе среди горцевъ было такъ велико, что никому изъ нихъ не пришло даже въ голову пырнуть его кинжаломъ; они удовольствовались только тѣмъ, что общими силами вырвали наконецъ у него значокъ и ускакали, покинувъ ошеломленнаго, съ ногъ до головы облѣпленнаго тиной, драгуна въ самомъ комическомъ положенiи ([8]).

Эскадронъ между тѣмъ, доскакавъ до ручья, остановился, и уже повернулъ назадъ, какъ вдругъ съ русской стороны послышался пушечный выстрѣлъ, и надъ головами драгунъ прошипѣла граната; къ счастiю ее не разорвало; но вслѣдъ за ней пролетѣло ядро, а потомъ другое: русская артиллерiя, принявъ мелькавшiй въ лѣсу эскадронъ за чеченцевъ, открыла по немъ огонь изъ четырехъ орудiй. Минута наступила критическая. Съ одной стороны грозили истребленiемъ русскiя пушки, съ другой—чеченцы, число которыхъ быстро увеличивалось. Пора была подумать о томъ, чтобы вернуться домой, и эскадронъ, отразивъ еще разъ нападенiе горцевъ, карьеромъ выскочивъ изъ опушки, кинулся въ Басъ,

и очутился на Шалинскомъ полѣ. Драгуны привезли съ собой четыре головы, и привели въ поводу трехъ лошадей подъ черкесскими сѣдлами.

Какъ только эскадронъ показался на нашей сторонѣ, Барятинскій поѣхалъ къ нему на встрѣчу. Нахмуренныя брови и строгое выраженіе лица, сильно возмужавшаго послѣ того, какъ драгуны видѣли его въ послѣдній разъ въ 1848 году, предвѣщали грозу. Отъ одного непріятеля отдѣлались,—другой выступалъ съ оружіемъ болѣе страшнымъ, нежели кинжалы и шашки. «Гдѣ эскадронный командиръ?» были первыя слова его, произнесенныя суровымъ голосомъ. Князь Чавчавадзе подъѣхалъ. Барятинскій не сталъ разспрашивать: по какому праву, куда и зачѣмъ онъ отдѣлился отъ колонны?—онъ только спросилъ у него: сколько убитыхъ? «Ни одного», отвѣчалъ Чавчавадзе, «раненыхъ семь, но они всѣ въ строю». На лицѣ князя Барятинскаго выразилось изумленіе.—А въ лошадяхъ какъ велика потеря? «Лошади всѣ на лицо», доложилъ Чавчавадзе, «и, кромѣ того, три взяты у непріятеля». Пріятная улыбка опять показалась на лицѣ Барятинскаго. «Спасибо драгуны!» крикнулъ онъ эскадрону: «сегодня вы были изъ молодцовъ молодцами!»

На бивуакахъ, и пѣхота и конница, встрѣтили 7-й эскадронъ восторженными оваціями. Разговорамъ не было конца. Драгуны не безъ комизма разсказывали о томъ, какъ они попали подъ огонь русскихъ пушекъ. «Да», заговорилъ Шульцъ, вслушавшись въ эти разсказы: «это все Есаковъ съ своею батареею. Я подбѣгаю къ нему: въ кого вы тамъ стрѣляете?—Развѣ не видите, говоритъ, партія.—Какая партія,—это нашъ 7-й эскадронъ... Онъ какъ схватится за голову! «Ну, говоритъ, угостилъ же я ихъ!»... «Ни разу не попалъ»,—засмѣялись офицеры: «Спасибо, что онъ не взялъ своего есаула; вотъ тотъ бы угостилъ насъ, это вѣрно».

Черезъ полчаса колонна двигалась уже къ лагерю. Впереди ея на примкнутыхъ штыкахъ драгунскихъ ружей, какъ разъ надъ живыми головами, торчали мертвыя человѣческія головы: ихъ было двѣсти семьдесятъ четыре. Никогда прежде этотъ страшный трофей не появлялся въ русскомъ станѣ въ такомъ подавляющемъ количествѣ, но за то и никогда отступленіе отряда не производилось съ такимъ спокойствіемъ, какъ въ этотъ памятный день. Войска шли точно по вымершей, безлюдной и пустынной мѣстности. Они не видали даже ни одного непріятельскаго пикета. Вправо и влѣво отъ нихъ тянулись только широкія пространства вырубленнаго лѣса, съ его печальными, непривлекательными

для глазъ остатками; впереди, длиннымъ горбомъ, выступалъ надъ поверхностью земли когда-то грозный, а теперь жалкій, полуразрушенный Шалинской окопъ; отъ батарей и двухъ оборонительныхъ башенъ его не осталось ничего, кромѣ небольшихъ бугровъ мусора, которые въ апрѣлѣ зарастутъ травой и будутъ походить на могильныя насыпи.

Въ лагерѣ пѣхота распущена была по палаткамъ, но драгуны выстроились у шатра начальника отряда. Козловскій обошелъ ихъ фронтъ, качнулъ въ знакъ удовольствія головою, и провозгласилъ: «Спасибо! Славную штуку вы сегодня удрали, какъ!» Онъ больше не сказалъ ничего, но солдаты привыкли съ полуслова понимать Козловскаго и огласили воздухъ дружнымъ и долго не смолкавшимъ ура! (9)

Этимъ блистательнымъ эпизодомъ закончились военныя дѣйствія чеченскаго отряда, и 1-го марта 1851 года войска распущены были по своимъ штабъ-квартирамъ.

Вотъ въ какой пѣснѣ вылились воспоминанія драгунъ объ этой памятной для нихъ экспедиціи:

Что не вороны летаютъ
На Шалинскихъ на поляхъ,
То чеченцы разъѣзжаютъ,
Джигитуютъ на коняхъ.

Эй! не суйтесь со значками!
И Шавдонка не спасетъ,
Какъ драгуны съ казаками
Къ вамъ безъ брода хватятъ въ бродъ.

Дождались мы и пѣхоты,
Вотъ тавлинцы къ намъ идутъ;
Значитъ, будетъ намъ работа,—
Значитъ, въ бой насъ поведутъ.

Князь Барятинскій съ опушки
Только сталъ ихъ замѣчать,
Запретилъ палить изъ пушки,
Приказалъ атаковать.

Понеслись впередъ казаки.
Вдругъ предъ нами рѣчка Басъ,—
Но въ пылу отважной драки
Не задержитъ море насъ.

Разступилися предъ нами,
Проскакалъ нашъ эскадронъ,
Лѣсъ отрѣзанъ казаками,
Вотъ догонимъ—шашки вонъ!

Но не дрогнули тавлины,
Запустили пули въ насъ;—
Почесали жь мы имъ спины,
Запрудили ими Басъ.

Гонимъ! Джалку проскочили!
Каждый рубитъ, каждый бьетъ;
Сколько жь мы ихъ перебили
Самъ квартермистръ не сочтетъ.

Смотримъ, изъ лѣса винтовки
Засверкали бусурманъ;
Хороши онѣ, чертовки,
Да и штыкъ нашъ не яманъ.

Мы съ коней,—и на засаду,—
(Насъ два взвода понеслось)—
И штыку, да и прикладу
Поработать довелось.

По драгунски погуляли,
Просто нечего сказать,
Нашу славу доказали,
Какъ бы снова доказать (10).

Когда на слѣдующій день драгуны вступали въ Грозную,—крѣпость салютовала имъ десятью орудійными выстрѣлами; а въ воротахъ встрѣтили ихъ длинною шпалерой нижніе чины грозненскаго гарнизона, жители и даже мирные чеченцы. Между ними не столько надѣлало шуму славное дѣло 2-го эскадрона, и бой 27-го февраля на лѣвомъ берегу Баса, сколько появленіе 7-го эскадрона на правомъ его берегу. «Это вотъ они ходили туда», говорили солдаты, указывая на вороныхъ лошадей 4-го дивизіона (11).

Какъ лучшую характеристику отличной службы драгунъ въ чеченскомъ отрядѣ, мы приведемъ письмо генерала Нестерова, написанное имъ къ князю Аргутинскому еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ самаго событія.

«Я не могу умолчать — говоритъ онъ въ этомъ письмѣ: — о прекрасной службѣ драгунъ и блистательныхъ подвигахъ, оказанныхъ ими въ продолженіе настоящей экспедиціи. Я считаю священною обязанностью свидѣтельствовать передъ вами, что означенные два дивизіона драгунъ въ эту кампанію покрыли себя новою безпримѣрною славою, которую они вполнѣ заслужили, ибо, участвуя въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, они блистательными атаками наносили ему не только весьма значительныя потери,

но нѣсколько разъ были главными виновниками такихъ пораженій, гдѣ цѣлыми сотнями непріятельскія тѣла оставались на полѣ битвы, такъ что подъ конецъ кампаніи устрашенный непріятель сталъ разбѣгаться, и не хотѣлъ вступать съ ними ни въ какія дѣла.

«Не имѣя чести по болѣзни лично командовать чеченскимъ отрядомъ и видѣть на мѣстѣ отличныя дѣйствія молодцовъ-драгунъ, я однако вполнѣ завѣренъ начальникомъ чеченскаго отряда и всѣми очевидцами, что стройные и мужественные дивизіоны ихъ имѣли на успѣхъ всей экспедиціи весьма значительное вліяніе. Будучи главными виновниками давно не бывалыхъ на лѣвомъ флангѣ кровавыхъ пораженій непріятеля,—они вполнѣ заслужили честь и славу. Для меня поэтому было бы особенно пріятно, если бы ваше сіятельство отъ имени своего удостоили благодарности за такую славную службу весь Нижегородскій драгунскій полкъ, въ особенности же дивизіоны, нынѣ возвращающіеся изъ похода, и храбраго командира ихъ подполковника Тихоцкаго, предводительствовавшаго кавалеріею 20 и 27-го февраля, когда подъ шашками драгунъ и казаковъ пало болѣе 320 непріятельскихъ тѣлъ» ([12]).

Князь Аргутинскій отвѣчалъ на это слѣдующее:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ имѣлъ я честь получить вчера отношеніе, въ которомъ вы изволите столь лестно отозваться о службѣ и отличіяхъ двухъ дивизіоновъ драгунъ, бывшихъ въ составѣ чеченскаго отряда въ минувшую зиму. Объ отличіяхъ ихъ въ дѣлахъ 20 и 27-го февраля я получилъ первыя свѣдѣнія изъ горъ черезъ лазутчиковъ, и мнѣ они тѣмъ пріятнѣе, что все подтверждается и вашимъ засвидѣтельствованіемъ.

«Зная драгунскій полкъ съ давнихъ временъ по подвигамъ, оказаннымъ имъ еще въ Персидскую и Турецкую кампаніи, и по всегдашней его славной службѣ, я, основываясь теперь на засвидѣтельствованіи вашемъ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи вновь благодарить его за такую прекрасную боевую службу» ([13]).

Главнокомандующій также съ особымъ удовольствіемъ узналъ о подвигѣ, совершенномъ драгунами, и вотъ что писалъ онъ по этому поводу военному министру:

«Въ блистательномъ дѣлѣ 27-го февраля на Шалинской полянѣ, гдѣ непріятель оставилъ на мѣстѣ 270 тѣлъ, 4-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, предводимый подполковникомъ Тихоцкимъ и маіоромъ Шульцемъ,

покрылъ себя славой, атаковавъ непріятеля съ полнымъ самоотверженіемъ и рѣшимостью. Дивизіонъ этотъ одинъ въ полку не имѣетъ георгіевскаго штандарта, такъ какъ онъ прибылъ изъ Россіи только въ 1846 году, по случаю переформированія полка въ десяти-эскадронный составъ. Но въ томъ же году онъ отличился исполненною храбрости атакой при штурмѣ аула Кутиши,—и хотя новый въ войнѣ, сдѣлался достойнымъ принадлежать къ составу полка, испытаннаго уже въ бояхъ. Нынѣ, ознаменовавъ себя новымъ подвигомъ, онъ вполнѣ заслужилъ быть сравненнымъ съ прочими дивизіонами полка, а потому вмѣняю себѣ въ обязанность просить ходатайства вашего о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему Георгіевскаго штандарта» ([14]).

Кутиши и Басъ!—этихъ двухъ именъ было вполнѣ достаточно, чтобы императоръ Николай Павловичъ оцѣнилъ ходатайство князя Воронцова, и высочайшимъ приказомъ 25-го марта 1851 года 4-му дивизіону Нижегородскаго драгунскаго полка пожалованъ былъ георгіевскій штандартъ съ надписью: «за отличные подвиги въ Чечнѣ. 1851 г.» ([15]).

Почти одновременно съ этимъ торжествомъ вышли и награды за экспедицію 1851 года.

Тихоцкій произведенъ въ полковники, Шульцъ въ подполковники, Петровъ въ маіоры ([16]), штабсъ-капитанъ князь Захарій Чавчавадзе въ капитаны, а прапорщики Петровъ 2-й и Ключаревъ 2-й въ поручики. Затѣмъ, штабсъ-капитану Тутолмину пожалованъ орденъ св. Владиміра 4 ст., капитану Калмыкову, штабсъ-капитану Макарову и поручику Гребскому—Анну 3 ст. съ бантомъ; штабсъ-капитану Кусакову, поручику Авалдову и прапорщикамъ Шангирею и графу Менгдену—Анну 4 ст.; поручикамъ Ключареву 1-му, Кузьмину-Караваеву, Гемпелю и прапорщику Курамидзе—объявлено Монаршее благоволеніе ([17]).

Нижнимъ чинамъ пожаловано по 2 руб. на человѣка и назначено 39 знаковъ отличія Военнаго ордена ([18]).

Въ числѣ нижнихъ чиновъ, отличенныхъ въ то время солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ, находился и унтеръ-офицеръ князь Иванъ Гивичъ Амилахвари, поступившій въ полкъ вольноопредѣляющимся въ мартѣ 1850 года. Смуглое лицо его съ красивымъ профилемъ, и высокій ростъ изобличали въ немъ типичнаго представителя старой Иверіи, и, дѣйствительно, онъ былъ уроженецъ Карталиніи, изъ окрестностей города Гори. Въ полку всѣ его полюбили за доброту, за его высокія душев-

ныя качества и звали просто «Нико». Глядя на этого скромнаго, молчаливаго юношу, когда онъ ѣздилъ въ замкѣ за 7-мъ эскадрономъ въ черной папахѣ, въ полушубкѣ, крытомъ темносинимъ сукномъ, и въ сапогахъ съ высокими голенищами, думалъ ли кто-нибудь, что черезъ семь лѣтъ онъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, будетъ имѣть одно изъ самыхъ блестящихъ кавалерійскихъ дѣлъ на Кавказѣ, а еще черезъ шесть лѣтъ явится командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка.

Лагерь у аула Герменчука.

Аулъ Большія Казанищи.

VI.

Смерть Золотухина.

(1851 г.).

Выступленіе своднаго дивизіона въ Шуру.—Пасха въ Большихъ Казанищахъ.—Набѣгъ Хаджи-Мурата, и тревога во время заутрени Свѣтлаго Воскресенія.—Нижегородцы настигаютъ Хаджи-Мурата.—Шамхалъ и его милиція.—Блестящій, но неудачный штурмъ редута.—Геройская смерть Золотухина.—Отбитый штурмъ и отступленіе эскадрона.—Большія потери.—Прапорщикъ князь Ратіевъ.—Прибытіе на мѣсто боя князя Аргутинскаго, и отношеніе его къ шамхалу.— Гаджи-Ибрагимъ и своеобразный методъ лѣченія имъ раненыхъ.—Похороны убитыхъ на старомъ шуринскомъ кладбищѣ.—Пѣсня о Золотухинѣ.—Мнѣнія объ этомъ дѣлѣ Аргутинскаго и Воронцова. — Награды эскадрону. — Торжественное перенесеніе останковъ Золотухина и Ратіева на новое Военное кладбище.

10-го марта 1851 года возвратились въ Чиръ-Юртъ два дивизіона Нижегородскаго полка, бывшіе въ чеченскомъ походѣ, а 3-го апрѣля

1-й и 10-й эскадроны, въ составѣ своднаго дивизіона, подъ командой подполковника Золотухина, уже выступили изъ Чиръ-Юрта въ Шуру, гдѣ собирался дагестанскій отрядъ для лѣтней экспедиціи въ горы. Такъ какъ времени до похода оставалось много, то дивизіонъ расположился въ Большихъ Казанищахъ, и подполковнику Золотухину приказано было имѣть въ виду, что Хаджи-Муратъ готовится къ набѣгу на Шамхальское или Мехтулинское владѣнія ([1]).

Въ Большія Казанищи эскадроны прибыли въ среду на страстной недѣлѣ и размѣстились по обывательскимъ саклямъ. Не весело встрѣтили свѣтлый праздникъ въ татарскомъ аулѣ, далеко отъ родныхъ и товарищей. Отсутствіе храма Божія тяжело дѣйствуетъ на человѣка въ эти дни, которые не даромъ называются великими. Прошла страстная суббота. Темная ночь спустилась на землю. Приближался таинственный часъ Воскресенія.

Въ глухую полночь, когда въ городахъ и селахъ народъ съ зажженными свѣчами спѣшитъ передъ отверстые алтари Божьихъ храмовъ, въ Большихъ Казанищахъ вдругъ зазвучали рѣзкіе, торопливые звуки тревоги, — пришло извѣстіе, что у восточныхъ границъ Даргинскаго округа показались значки Хаджи-Мурата. Разсчитывая быть можетъ на нѣкоторые пробѣлы въ мѣрахъ военной предосторожности со стороны русскихъ людей передъ наступленіемъ великаго христіанскаго праздника, аварскій наибъ бросился на Дешлагаръ, отбилъ табунъ Самурскаго полка, и захватилъ въ плѣнъ ханшу, родственницу шамхала.

Все Шамхальство и вся Мехтула подняты были на ноги. Князь Аргутинскій тотчасъ занялъ всѣ главнѣйшіе пункты, черезъ которые горцы могли возвратиться назадъ. Дивизіонъ Золотухина, вызванный по тревогѣ изъ Большихъ Казанищъ, также направленъ былъ на высоты, отдѣляющія сел. Буглень отъ Большого Дженгутая.

Была темная пасхальная ночь, когда драгуны прошли мимо Темиръ-Ханъ-Шуры, направляясь къ Бугленскимъ высотамъ. Заутреня подъ Свѣтлый праздникъ уже отошла, но въ домахъ обывателей еще свѣтились огни. Большой домъ командующаго войсками былъ освѣщенъ ярче другихъ. Тамъ шло разгавливаніе; туда же явился и подполковникъ Золотухинъ. Всѣ были въ парадной формѣ; онъ одинъ былъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ шашкой черезъ плечо. Наканунѣ въ горахъ шелъ снѣгъ, и походные сапоги его были забрызганы грязью. Аргутинскій

принялъ его настолько привѣтливо, насколько позволяла сдѣлать это его угрюмая натура. «Подполковникъ Золотухинъ,—сказалъ онъ:—вы будете преслѣдовать Хаджи-Мурата; проводника вамъ не нужно—съ вами будетъ Далматъ (*). Если настигнете, вы должны только наблюдать за непріятелемъ, но не должны начинать бой, пока я не подойду съ пѣхотой. Хорошо ли вы поняли меня, подполковникъ Золотухинъ?» Золотухинъ поклонился. «Ну, съ Богомъ, Далматъ догонитъ васъ на дорогѣ» ([2]).

На Бугленскихъ высотахъ драгуны нашли еще батальонъ пѣхоты съ двумя орудіями. Свѣдѣній о непріятелѣ не было никакихъ: дожидали Далмата, который поѣхалъ въ разъѣздъ, и еще не возвращался. Люди между тѣмъ спѣшились. На востокѣ стало развиднѣваться, и зажигалась заря. Для многихъ это была заря загробной жизни.

На сырой землѣ, возлѣ самой дороги, была разостлана бурка, и на ней лежали куличи, пасхи и крашеныя яйца, которыя драгуны захватили съ собою. Золотухинъ, обходя ряды, христосовался съ людьми и приглашалъ ихъ разгавливаться, чѣмъ Богъ послалъ, пока еще есть время. Въ эту минуту прискакалъ Далматъ съ извѣстіемъ, что партія Хаджи-Мурата пошла на Атлы-Буюнъ,—къ урочищу, лежавшему на половинѣ дороги между Шурою и Петровскомъ. Драгуны тотчасъ двинулись за Далматомъ, а за ними пошелъ батальонъ съ двумя орудіями. На походѣ, несмотря на то, что пѣхота шла настоящимъ кавказскимъ шагомъ, она далеко отстала отъ кавалеріи. Золотухинъ велъ свой дивизіонъ впередъ въ полной увѣренности, что его поддерживаетъ пѣхота. Каково же было его удивленіе, когда прискакавшій татаринъ подалъ ему записку батальоннаго командира, который извѣщалъ на клочкѣ бумаги, что батальонъ повернулъ въ другую сторону, вслѣдствіе особаго распоряженія начальника штаба. Записка эта найдена была потомъ на трупѣ Золотухина, но обстоятельства, побудившія начальника штаба измѣнить первоначальное, такъ удачно выбранное направленіе, никогда не разъяснялось. Съ этой минуты драгуны предоставлены была собственнымъ силамъ ([3]).

Въ то время, какъ Золотухинъ окончилъ чтеніе этой роковой по своимъ послѣдствіямъ записки, прискакало еще нѣсколько татаръ, кричавшихъ издали: Хаджи-Муратъ! Хаджи-Муратъ! Милиція шамхала, двигавшаяся изъ Тарковъ, неожиданно наткнулась на партію, и шамхалъ

(*) Старшій сынъ шамхала.

требовалъ подкрѣпленія. Раздумывать было некогда. Золотухинъ немедленно послалъ записку къ начальнику штаба, что онъ уже на слѣду Хаджи-Мурата, а самъ съ дивизіономъ пошелъ на рысяхъ вслѣдъ за проводникомъ-татариномъ. На помощь пѣхоты онъ разсчитывать не могъ. Былъ полдень, а пѣхота могла прибыть только къ вечеру.

Проскакавъ нѣсколько верстъ, драгуны увидѣли высокую гору, покрытую лѣсомъ; она имѣла форму сахарной головы, а на вершинѣ ея стоялъ редутъ «Хартма-тала», извѣстный у насъ подъ именемъ Мякинскаго редута, въ которомъ когда-то помѣщалась лѣсная команда Апшеронскаго полка. Надъ этимъ редутомъ, разрушенныя части котораго уже замѣнены были новыми бревнами, связанными хворостомъ, развѣвался знакомый всѣмъ значекъ Хаджи-Мурата. У подошвы горы драгуны остановились. «Далматъ!» крикнулъ громкій голосъ изъ редута: «ты не будешь противъ насъ заодно съ гяурами: тебѣ стыдно, ты мусульманинъ!»

Но Далматъ былъ не одинъ. Здѣсь же, подъ горою, стояла сильная шамхальская милиція, доходившая до тысячи человѣкъ. Она стояла въ сторонѣ. Шамхалъ, заслоненный отъ выстрѣловъ своими нукерами, сидѣлъ на камнѣ; поодаль водили его прекрасную сѣрую лошадь.

Золотухинъ подъѣхалъ къ шамхалу за приказаніемъ, но шамхалъ пустилъ только огромный клубъ табачнаго дыма и отвѣчалъ черезъ переводчика: «Пусть дѣйствуютъ, какъ знаютъ».—Хорошо,—сказалъ Золотухинъ:—мы сейчасъ атакуемъ непріятеля; пусть только шамхалъ поддержитъ меня своею милиціею. Шамхалъ утвердительно кивнулъ головою ([4]).

Тогда Золотухинъ приказалъ милиціи обойти непріятеля вдоль подошвы горы и завязать перестрѣлку, а часть фронтальной атаки предоставилъ Нижегородцамъ. Если бы двѣсти человѣкъ драгунъ, поддержанные тысячною милиціею, не атаковали пятисотъ горцевъ, хотя бы предводимыхъ и Хаджи-Муратомъ, то драгуны и ихъ начальникъ Золотухинъ, конечно, подверглись бы въ то время горькому упреку. Для людей, подобныхъ Золотухину, выбора между упрекомъ и смертію быть не могло.

Теперь необходимо сказать о личности самого Хаджи-Мурата, чтобы выяснить, какое онъ имѣлъ вліяніе на весь ходъ дѣла.

1851-й годъ былъ годомъ величайшей славы этого наѣздника. Послѣ взятія въ плѣнъ изъ Дженгутая мехтулинской ханши, послѣ набѣга на Шуру, и появленія на нухинскомъ почтовомъ трактѣ у Бабаратминской станціи съ цѣлью напасть на поѣздъ самого цесаревича,—для Хаджи-

Мурата, казалось, не было ничего невозможнаго. Съ четырьмя или съ пятью стами отборныхъ всадниковъ онъ появлялся далеко въ глубинѣ занятаго нами края, переходилъ сегодня 70, завтра 100, послѣзавтра полтораста верстъ, вызывалъ войска фальшивой тревогой въ противную сторону и, пользуясь общей суматохой, уходилъ безнаказанно. Вотъ эти-то замѣчательныя партизанскія способности и создали Хаджи-Мурату ту популярность въ народѣ, ту громкую извѣстность въ горахъ, какой не достигалъ до него ни одинъ наибъ, и которая по временамъ пугала даже самого Шамиля.

И вотъ эта-то самая партія, наконецъ, въ виду Нижегородскихъ драгунъ. Уйти ей уже некуда. Золотухинъ не могъ не сознавать, что броситься на штурмъ—дѣло отчаянное, а дожидаться пѣхоты казалось ему невозможнымъ: наступятъ сумерки, и партія Хаджи-Мурата разсѣется по лѣсу. Преслѣдовать? Но вѣдь эта партія совсѣмъ не то, что регулярный полкъ, который можно доконать преслѣдованіемъ. Это вѣтеръ, гоняться за которымъ нельзя, какъ нельзя гоняться за призракомъ. А уйди Хаджи-Муратъ, упусти Золотухинъ случай схватиться съ его партіей,— и тѣ же самые люди, которые потомъ осыпали упреками его славную тѣнь, упрекнули бы его еще горше. Никто не извинилъ бы Золотухину, если бы Хаджи-Муратъ ушелъ въ виду Нижегородскихъ драгунъ ([5]).

Вотъ какія соображенія могли представляться, и вѣроятно представлялись Золотухину. Капитанъ Джемарджидзе, командовавшій лейбъ-эскадрономъ, совѣтовалъ ему разбить дивизіонъ на части, и въ ожиданіи пѣхоты занять всѣ лѣсныя тропинки; но Золотухинъ отвергнулъ эти совѣты. Онъ понималъ, что въ сумеркахъ Хаджи-Муратъ ударитъ со всею партіею на одинъ изъ нашихъ постовъ, прорветъ слабую цѣпь и, пользуясь темнотою, уйдетъ безнаказанно.

И такъ слово штурмъ было произнесено. Весь 1-й эскадронъ, въ числѣ восьмидесяти человѣкъ, спѣшился у подошвы горы и передалъ своихъ лошадей пикинерному эскадрону. 80 драгунъ пошли атаковать пятисотенную партію. Ошибка Золотухина заключалась въ томъ, что онъ разсчитывалъ на милицію. По крайней мѣрѣ онъ имѣлъ право разсчитывать на нее, въ виду присутствія здѣсь самого шамхала. Онъ думалъ, что половина партіи должна же отойти противъ милиціи, и что драгунамъ придется опрокинуть какихъ-нибудь 200—300 человѣкъ,—а драться одному противъ трехъ драгунамъ не было дивомъ. И это не фраза, по-

тому что иначе не было бы и тѣхъ блистательныхъ страницъ, которыми такъ богата ихъ полковая исторія.

Когда драгуны спѣшились, Золотухинъ, обратившись къ капитану Джемарджизе, сказалъ: «Съ Богомъ! Ведите эскадронъ». Онъ самъ вынулъ шашку и сталъ подниматься на гору впереди другихъ. Съ редута гремѣлъ бѣшеный ружейный огонь. Пули крестили лѣсъ по всѣмъ направленіямъ. Здѣсь и тамъ падали люди, но судьба хранила Золотухина, точно она не хотѣла, чтобы онъ умеръ заурядною смертью простого солдата. Она готовила ему иной конецъ, чтобы окружить ореоломъ послѣднія минуты его доблестной жизни.

Но вотъ лѣсъ окончился; за нимъ—небольшая поляна, а на ней, шагахъ въ 25 отъ драгунъ, высится редутъ, на которомъ въ дыму и огнѣ вѣетъ непріятельское знамя. Драгуны пріостановились въ опушкѣ. Золотухинъ еще разъ обошелъ ряды и сталъ передъ фронтомъ.

— Христосъ Воскресъ, ребята! громко крикнулъ онъ эскадрону.

«Христосъ Воскресъ!» отвѣтилъ дружно эскадронъ,—и съ этимъ молитвеннымъ крикомъ, замѣнившимъ въ великій день Пасхи обычное боевое ура,—ринулся къ завалу... ([6])

Въ селеніи Дженгутаѣ долго жилъ, а можетъ быть живетъ еще и теперь, одинъ горецъ, по имени Каиръ-Бекъ, передавшійся намъ, впослѣдствіи, вмѣстѣ съ Хаджи-Муратомъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ извѣстныхъ набѣгахъ своего наиба и былъ у него правою рукою. Въ шутку его обыкновенно и называли у насъ хаджи-муратовскимъ начальникомъ штаба. Вотъ что разсказывалъ о штурмѣ 8-го апрѣля 1851 года этотъ поистинѣ храбрѣйшій человѣкъ: «Когда ваши драгуны», говорилъ онъ, «кинулись на штурмъ, мнѣ показалось, что у каждаго солдата было по десяти головъ, а вѣдь я не изъ трусливыхъ. Мы дали залпъ, но больше не могли держаться—и кинулись прочь отъ завала... Мы были бы разбиты горстью вашихъ драгунъ, если бы самъ Хаджи-Муратъ не удержалъ и не заставилъ насъ вернуться. Когда мы кинулись опять къ завалу, тамъ уже были русскіе»...([7])

Это былъ Золотухинъ съ нѣсколькими драгунами. Онъ первый вскочилъ на завалъ, и схватился уже рукой за непріятельскій значокъ, когда Хаджи-Муратъ съ крикомъ: «начальникъ долженъ быть убитъ начальникомъ!» кинулся на него съ поднятою шашкой. Золотухинъ разрубилъ ему пальцы, но Хаджи-Муратъ, выронившій шашку, въ одинъ мо-

ментъ выхватилъ лѣвой рукой пистолетъ, и выстрѣломъ въ упоръ убилъ Золотухина,—пуля прошла черезъ самое сердце (8).

Весь валъ былъ усѣянъ убитыми и ранеными: командиръ лейбъ-эскадрона капитанъ Джемарджидзе, вскочившій на завалъ изъ первыхъ, упалъ съ прострѣленной ногою; какой-то горецъ сунулъ ему въ лицо горящую головню и обжегъ глаза. Поручики Штейнъ и Симашкевичъ лежали раненые; прапорщикъ князь Ратіевъ, извѣстный красавецъ и джигитъ, пропалъ безъ вѣсти. Старшему вахмистру 1-го эскадрона Сопльвенко пуля пробила грудь на вылетъ, а смѣнившіе его на валу юнкера Ушаковъ и Андреевъ были также ранены; унтеръ-офицеръ Волошиновъ лежалъ съ разбитой головою.

Все здѣсь описанное произошло, конечно, мгновенно. Въ то время какъ одни падали подъ непріятельскими ударами, другіе только еще подбѣгали къ редуту... Милиція, стоявшая неподвижно, не пошла впередъ; она даже не показала намѣренія итти, и, залегши въ кустахъ, лѣниво перестрѣливалась. Хаджи-Муратъ отдѣлилъ для наблюденія за нею нѣсколько человѣкъ, а всѣ свои силы стянулъ противъ драгунъ,—и драгуны столкнулись почти со всею пятисотенной партіею. Но вѣдь и эти пятьсотъ человѣкъ уже дрогнули подъ натискомъ горсти Нижегородцевъ! Побѣда была бы наша, но ее вырвалъ изъ рукъ Золотухина самъ Хаджи-Муратъ. Вся честь этого дня принадлежала ему одному.

Болѣе бороться было нельзя. Драгуны подняли тѣло убитаго Золотухина, собрали своихъ раненыхъ, и, отстрѣливаясь, медленно, неторопливо стали отодвигаться къ лѣсу. Хаджи-Муратъ выскочилъ было изъ редута, чтобы окончательно уничтожить горсть отступавшихъ драгунъ, но его любимый нукеръ Каиръ-Бекъ схватилъ его за руку. «Что ты дѣлаешь?» закричалъ онъ ему: «Опомнись! Въ лѣсу еще есть драгуны, и насъ уничтожатъ». Дѣйствительно, пикинерный эскадронъ выслалъ спѣшенный взводъ, который, побросавъ свои пики и карабины, вооружился ружьями отъ убитыхъ драгунъ, разсыпалъ цѣпь и прикрылъ отступленіе.

Потеря въ лейбъ-эскадронѣ была большая: изъ 80 человѣкъ, пошедшихъ на штурмъ, вернулись невредимыми только 18; убиты и умерли отъ ранъ: Золотухинъ и съ нимъ 23 драгуна, безъ вѣсти пропалъ князь Ратіевъ; ранены 3 офицера и 39 нижнихъ чиновъ.(9) Всѣхъ занимала участь молодого Ратіева. Видѣли, какъ онъ, перескочивъ въ редутъ, погнался за тѣмъ самымъ значкомъ, который не успѣлъ схватить Золотухинъ,— но

что съ нимъ сдѣлалось дальше, никто не видѣлъ и никто не зналъ. Уже впослѣдствіи, когда окончился бой, команда, посланная подобрать нашихъ убитыхъ, нашла какую-то торбу, забытую горцами. Въ ней была голова, вся залитая кровью и облѣпленная саманомъ; когда ее обтерли— узнали голову Ратіева ([10]).

Когда драгуны отступили въ лѣсъ, было 8 часовъ вечера. Кто-то вспомнилъ при этомъ, что цыфра 8 играла замѣчательную роль въ жизни Золотухина. Для мистиковъ, вѣрующихъ въ таинственное вліяніе цыфръ на судьбу человѣка, біографія его послужила бы цѣннымъ матеріаломъ. 8-го сентября онъ родился; въ 1848 году, тридцати восьми лѣтъ отъ роду, участвовалъ первый разъ въ дѣлѣ; 8-го марта, за мѣсяцъ до своей кончины, онъ возвратился изъ годового отпуска, который былъ послѣднимъ въ его жизни; 8-го апрѣля онъ былъ убитъ, и въ 8 часовъ вечера смолкли послѣдніе выстрѣлы битвы.

Въ русскомъ народѣ существуетъ повѣрье, что всѣ умершіе въ первый день Свѣтлаго Воскресенія попадаютъ въ рай—и драгуны говорили про Золотухина: «Это Господь сподобилъ его призвать къ себѣ въ такой великій день, потому что душа у него ангельская».

Въ сумеркахъ пріѣхалъ самъ командующій войсками въ краѣ генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій, въ сопровожденіи конной милиціи, а вслѣдъ за нею подошли и два апшеронскіе батальона. Но горцевъ уже не было. Редутъ опустѣлъ. Вокругъ стараго пріюта лѣсной команды Апшеронскаго полка опять наступила тишина, которая много лѣтъ ничѣмъ не нарушалась. Пѣхота опоздала. Если бы Золотухинъ дожидался ея, чтобы начать дѣло,—дѣла, по всей вѣроятности, не было бы вовсе.

Преслѣдованіе непріятеля, разсыпавшагося въ темнотѣ въ разныя стороны, не могло быть успѣшно, и только часть горцевъ, кинувшаяся на Ахатли, понесла пораженіе, оставивъ въ нашихъ рукахъ три значка, 40 тѣлъ и 32 плѣнныхъ ([11]).

Аргутинскій, выслушавъ подробности дѣла отъ раненаго Джемарджидзе, прошелъ мимо шамхала, не удостоивъ его даже обычнаго привѣтствія. Онъ тотчасъ спросилъ себѣ коня и поѣхалъ въ Шуру».

Вслѣдъ за нимъ повезли убитыхъ, которыхъ уложили на повозки, прибывшія съ пѣхотой изъ Темиръ-Ханъ-Шуры; раненыхъ также размѣстили на нихъ какъ могли. Въ два часа пополудни, на второй день Пасхи, вся эта печальная процессія, конвоируемая остатками храбраго

Смерть Золотухина.

дивизіона, вступила въ Шуру. Для раненыхъ уже готовы были квартиры. Князь Аргутинскій не хотѣлъ ввѣрить участь ихъ докторамъ съ медицинскими дипломами; онъ зналъ, что половина изъ нихъ будетъ ампутирована по всѣмъ правиламъ науки, а онъ хотѣлъ сберечь имъ руки и ноги для службы. Онъ вызвалъ черезъ лазутчиковъ муллу Гаджи-Ибрагама, жившаго въ Гимрахъ, и пользовавшагося въ горахъ извѣстностію такого хакима, для котораго не существовало неизлѣчимыхъ ранъ, хотя онъ не зналъ, что такое ампутація, и никогда не видѣлъ хирургическаго ножа. Собственно говоря, Ибрагимъ не былъ докторомъ по профессіи; онъ затруднился бы помочь человѣку въ лихорадкѣ, но его спеціальностью были вывихи, ушибы, контузіи, раны,—и на этомъ поприщѣ онъ не имѣлъ соперниковъ. Аргутинскій выписалъ его на собственный счетъ, и на счетъ Аргутинскаго же покупалась вся провизія, всѣ медикаменты, все что только было нужно для успокоенія раненыхъ. Ибрагимъ посѣщалъ своихъ паціентовъ по два раза въ день, и прежде всего хлопоталъ о томъ, чтобы они ѣли какъ можно больше. «Кушáй баранъ, кушáй маляко, кушáй пѣтухъ—здоровъ будешь!» Это было его девизомъ. Онъ самъ говорилъ, что пріѣхалъ не лѣчить, а чинить, и чинилъ, дѣйствительно, настолько успѣшно, что недѣли черезъ двѣ большая часть раненыхъ стояла уже во фронтѣ. Непремѣнно два, а не то и три раза въ недѣлю обходилъ раненыхъ и самъ Аргутинскій. «Онъ, братцы, только глядитъ бирюкомъ», говорили про него драгуны:—«а душа у него какъ есть солдатская» ([12]).

На другой день по прибытіи драгунъ въ Шуру совершились похороны убитыхъ при огромномъ стеченіи всего городского населенія. Подъ звуки погребальнаго марша, среди глубокаго молчанія присутствующихъ, въ ясный пасхальный день двигалась похоронная процессія по улицамъ города. Одинъ за другимъ, длинною вереницею, несли 25 гробовъ, и народъ провожалъ ихъ до самаго кладбища. Тамъ 23 гроба опустили въ одну общую братскую могилу; а рядомъ съ нею легли Золотухинъ и Ратіевъ.

Имена послѣднихъ никогда не умрутъ въ Нижегородскомъ полку, потому что будутъ передаваться изъ рода въ родъ въ простой солдатской пѣсни, которую не сокрушатъ, какъ бренный металлъ, ни время, ни людская небрежность. Вотъ эта пѣсня, составляющая для нихъ и вѣковѣчный памятникъ, и лучшую эпитафію:

СМЕРТЬ ЗОЛОТУХИНА.

Только солнце взошло,
Къ намъ на Пасху пришло
Приказанье скакать на тревогу.

Осѣдлали коней;
Эскадронъ усачей
Перерѣзалъ мюридамъ дорогу.

Къ намъ въ подмогу шамхалъ
Казанисцевъ собралъ;
Каждый въ битву спѣшитъ за шамхаломъ.

Ужъ мюридамъ отъ насъ
Не уйти въ этотъ разъ—
Всѣ собрались они за заваломъ.

Командиръ нашъ орелъ,
Золотухинъ насъ велъ:—
И мюриды предъ нимъ оробѣли.

Передъ нами значки,—
Мы съ коней, и въ штыки,
Какъ на пиръ мы на штурмъ полетѣли.

Многимъ нѣтъ ужь изъ насъ...
То тяжелый былъ часъ:
Опоздали, какъ видно, шамхальцы!

Барабанъ нашъ гремитъ,
А завалъ ихъ стоитъ—
Ахъ, и вспомнить такъ, право, обидно

Командиръ не стерпѣлъ,
На завалъ полетѣлъ,
И со словомъ Ура! подъ значками.

Онъ схватилъ ужь значокъ,
Но упалъ на песокъ
Изъ пистоля убитъ передъ нами.

Вдругъ умолкъ барабанъ...
Раненъ нашъ капитанъ,
Отъ завала драгуны отбиты.

Восемнадцать изъ насъ
Отступали въ тотъ разъ,
Остальные ребята побиты.

Господа назади,
Каждый съ пулей въ груди,
Отступая, ребятъ ободряютъ.

Только Ратьевъ убитъ:
То-то былъ онъ джигитъ,
Въ нашихъ пѣсняхъ такой оживаетъ.

СМЕРТЬ ЗОЛОТУХИНА.

Годъ за годомъ пройдетъ.
Лѣсъ травой заростетъ,
А поляну драгунъ всякъ узнаетъ.

Тяжело вспоминать,
Что пришлось увидать,
Какъ погибъ командиръ передъ нами,—

Но за то весь Кавказъ
Не забудетъ про насъ,
И начальство зоветъ молодцами. (13).

Неудавшійся штурмъ Золотухина, конечно, фактъ. Но если мы во всякой неудачѣ будемъ искать только обстоятельствъ, обвиняющихъ людей, и никогда не станемъ указывать на то, что можетъ объяснить дѣйствія этихъ людей, или оправдать ихъ, то приговоръ нашъ сдѣлается не только строгимъ, но пристрастнымъ и несправедливымъ. Обвинить человѣка легче, нежели сказать что-нибудь въ его защиту. Въ такое именно положеніе сталъ князь Аргутинскій по отношенію къ кровавому эпизоду, разыгравшемуся у Атлы-Буюна.

«Недостаточно наказанное вторженіе Хаджи-Мурата и обратный пропускъ части его партіи,—доносилъ онъ князю Воронцову,—я приписываю несвоевременной атакѣ непріятельской позиціи шамхальскою милиціей и драгунами, которые, состоя изъ 1-го и 10-го эскадрона, могли выслать только 80 человѣкъ спѣшенныхъ людей. Подобная горсть, хотя отборныхъ солдатъ, но при одной только милиціи, не должна была надѣяться на успѣхъ. Отдавая полную справедливость личной храбрости и отвагѣ подполковника Золотухина, и дружному нападенію, сдѣланному подъ его начальствомъ всѣми офицерами и драгунами, я не могу однако не жалѣть о значительной потерѣ, понесенной при семъ случаѣ нашими храбрыми драгунами, которыхъ назначеніе и не состоитъ въ подобныхъ попыткахъ. Вмѣсто преждевременнаго нападенія на завалъ, имъ слѣдовало бы, не теряя времени, дать мнѣ знать, что непріятель остановился, и только сторожить его, чтобы онъ до прихода пѣхоты не могъ уйти» (14).

Иначе взглянулъ на это дѣло князь Воронцовъ. Вотъ что отвѣчалъ онъ Аргутинскому:

«Съ удовольствіемъ узналъ я изъ донесенія вашего о пораженіи, нанесенномъ вами Хаджи-Мурату 8-го апрѣля въ окрестностяхъ Атлы-Буюна. Хотя наказаніе непріятеля, какъ вы замѣчаете, было не полное,

вслѣдствіе слишкомъ отважной атаки драгунъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ и понесъ значительную потерю. Такое дѣло я не могу не назвать успѣшнымъ. Я поручаю вамъ передать мою полную благодарность храброму лейбъ-эскадрону Нижегородскаго полка. Не оправдывая того, что драгуны слишкомъ увлеклись и не разсчитали, что 80 человѣкъ не должны атаковать партію въ 500 человѣкъ, занявшую притомъ еще сильную позицію, я долженъ сказать, что эта, хотя излишняя пылкость доказываетъ только ихъ храбрость и молодецкій духъ, и что они достойно поддержали славу доблестнаго своего полка. Вмѣстѣ съ симъ я отправляю къ вамъ 10 георгіевскихъ крестовъ, въ томъ числѣ пять для лейбъ-эскадрона, а пять для остальныхъ войскъ по вашему усмотрѣнію» ([15]).

Капитанъ Джемарджидзе за это дѣло произведенъ въ маіоры, поручики Штейнъ и Симашкевичъ въ штабсъ-капитаны, прапорщики Фогель и Аветовъ въ поручики; старшій вахмистръ лейбъ-эскадрона Соплывенко и унтеръ-офицеры изъ дворянъ Николай Ушаковъ, Александръ Андреевъ, Пальмцвейгъ и графъ Шуазе-де-Гуфье въ прапорщики. Штабсъ-капитанъ Повало-Швейковскій получилъ орденъ, св. Анны 3-й и прапорщикъ Гемпель 4-й степени ([16]). Нижнимъ чинамъ дивизіона пожаловано 12 знаковъ отличія Военнаго ордена ([17]).

Прошло съ тѣхъ поръ 38 лѣтъ. Полкомъ командовалъ князь Сергѣй Илларіоновичъ Васильчиковъ. Въ его-то командованіе, въ 1889 году, и случилось одно обстоятельство, близко касавшееся духовныхъ интересовъ Нижегородскаго полка, и воскресившее въ памяти его одну изъ свѣтлыхъ страницъ полковой исторіи.

Однажды, весною 1887 года, объѣзжая окрестности Темиръ-Ханъ-Шуры, главноначальствующій Кавказскимъ краемъ генералъ-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ остановился въ полуверстѣ отъ города тамъ гдѣ пролегаетъ, такъ называемая, старая эрпелинская дорога. Въ сторонѣ отъ нея раскинулось обширное, давно покинутое и позабытое всѣми кладбище. Оно-то и остановило на себѣ вниманіе главноначальствующаго. Предоставленное времени и непогодамъ, оно представляло унылый видъ запустѣнія. Полуразрушенные памятники, опрокинутые кресты, на которыхъ надписи давно смыты дождями, могильные курганы,

когда-то высокіе, теперь почти сравнявшіеся съ землею,—все это произвело тяжелое впечатлѣніе на князя Дондукова.

Ему непонятной казалась эта небрежность къ мѣсту успокоенія людей, которыхъ самая смерть должна бы окружать ореоломъ благоговѣнія. Печальное уже по самому своему назначенію, мѣсто это казалось еще печальнѣе по своему запустѣнію. Не то мы видимъ на мусульманскихъ

Старое кладбище въ Шурѣ.

кладбищахъ, на которыхъ разводятся сады, строятся кіоски, гдѣ человѣкъ отдыхаетъ душой и предается меланхолическимъ, не лишеннымъ прелести, мечтаніямъ. Въ Чечнѣ кладбища служатъ однимъ изъ лучшихъ украшеній пейзажа. У насъ ихъ обходятъ: днемъ, какъ непріятное momento mori, ночью изъ суевѣрнаго страха. Князь Дондуковъ потребовалъ приведенія кладбища въ должный порядокъ. «Преступно забывать», сказалъ онъ, «что на кладбищахъ этихъ покоятся останки нашихъ славныхъ братій боевыхъ товарищей, подвиги которыхъ стяжали славу и гордость доблестной Кавказской арміи. Свято чтить ихъ память, бе-

режно охранять мѣста ихъ вѣчнаго успокоенія—есть высоко-нравственный долгъ, обязанность каждаго члена военной семьи» ([18]).

Помимо религіознаго чувства, онъ желалъ сохранить ихъ какъ историческіе памятники прошлаго. Военный губернаторъ Дагестанской области генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе горячо отозвался на призывъ главноначальствующаго. Но привести въ порядокъ громадное кладбище, гдѣ тысячи могилъ не имѣли никакого соотношенія къ подвигамъ кавказскихъ войскъ, было невозможно. Онъ остановился на мысли выдѣлить изъ общаго кладбища останки кавказскихъ героевъ, которые еще можно было найти въ общемъ разрушеніи погоста, и эти останки перенести въ одну общую войсковую усыпальницу. Мѣсто для нея было готово: не въ дальнемъ разстояніи отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, влѣво отъ дороги, ведущей къ Чиръ-Юрту, стоитъ одинокій холмъ съ нѣсколькими развалинами на его вершинѣ. Холмъ этотъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, такъ какъ возвышается среди ровной, унылой, непривлекательной мѣстности. Это тоже кладбище. Въ нѣдрахъ его покоится прахъ генерала Ракузы, подполковника Евдокимова,—героя гергебильскаго штурма, и многихъ другихъ, закончившихъ свое земное поприще почетною смертію. Надгробные памятники ихъ, къ стыду позднѣйшихъ поколѣній, также лежали въ развалинахъ. Этотъ-то холмъ и обратили теперь въ военное кладбище. Его привели въ порядокъ, подняли и укрѣпили валявшіеся памятники, обнесли каменною стѣной и усадили деревьями. Когда все было готово, назначена была печальная церемонія перенесенія останковъ со стараго на новое, почетное кладбище. Для присутствованія на ней отъ Нижегородскаго полка прислана была депутація: ротмистръ князь Церетели и вахмистръ Шмагоржевскій.

Представители полка должны были присутствовать при этой церемоніи уже потому, что среди могилъ темиръ-ханъ-шуринскаго кладбища были могилы дорогія Нижегородцамъ: здѣсь покоились Золотухинъ, князь Ратіевъ и нижніе чины, сложившіе свои головы въ бою 8 апрѣля 1851 г.

Команда, назначенная для вскрытія могилъ, прежде всего приступила къ могилѣ прапорщика князя Ратіева, которую отыскать было нетрудно, такъ какъ рядомъ съ надгробнымъ памятникомъ давно уже валялась неизвѣстно кѣмъ и для чего оторванная чугунная плита съ хорошо сохранившеюся надписью. Старики удостовѣряютъ, что такая же точно плита лежала и на могилѣ Золотухина; но она куда-то исчезла. Лѣтъ

двадцать тому назадъ ее видѣлъ въ городской полиціи одинъ изъ офицеровъ Нижегородскаго полка капитанъ Фогель проѣздомъ черезъ Темиръ-Ханъ-Шуру (19). Но какъ и зачѣмъ она туда попала, ему никто не могъ объяснить, также какъ никто не скажетъ, куда она потомъ дѣвалась. Съ нею вмѣстѣ исчезла навсегда и прекрасная надгробная надпись, которою Нижегородцы почтили въ то время своего незабвеннаго товарища. Поэтому трудно было опредѣлить съ точностію, гдѣ именно покоится прахъ Золотухина. Наконецъ одинъ изъ ветерановъ Нижегородскаго полка, отставной вахмистръ Волковъ, старый сослуживецъ Золотухина, указалъ «общую братскую могилу», въ которой погребены были всѣ драгуны, убитые въ дѣлѣ 8-го апрѣля. Онъ хорошо помнилъ ее, потому что не разъ приходилъ поклониться праху своихъ товарищей и вспомянуть свои молодые годы. По его словамъ, могилу Золотухина надо было искать возлѣ братской могилы, но онъ не помнилъ только съ какой именно стороны. Тогда командиръ Апшеронскато полка полковникъ Ленцъ, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ полковыя преданія служатъ моисѣевыми скрижалями, приказалъ рабочимъ приступить къ раскопкѣ крайней могилы, предполагая въ ней найти гробъ Золотухина. Но земля въ могилѣ до того слежалась и окрѣпла, что работать приходилось съ крайней осторожностью, чтобы не повредить останковъ, а потому только къ вечеру удалось обнажить совершенно разсыпавшійся гробъ, съ полуистлѣвшими на днѣ его костями. Но кому принадлежалъ этотъ гробъ, могила, на этотъ разъ дѣйствительно нѣмая, не проговорилась ни единымъ признакомъ. Между тѣмъ отсутствіе стѣнки, которая отдѣляла бы гробъ отъ другого, плотно придвинутаго къ нему гроба, заставило предполагать, что раскопали братскую могилу, и что останки Золотухина, слѣдовательно, нужно было искать у противоположнаго края. Наступившая ночь прекратила работы до слѣдующаго утра, и у раскрытой могилы оставленъ былъ унтеръ-офицерскій караулъ.

Догадка о мѣстѣ погребенія Золотухина на другой день подтвердилась. Найденъ былъ гробъ, стоявшій одиноко въ совершенно отдѣльной могилѣ. Онъ развалился, но на полуистлѣвшемъ скелетѣ кое-гдѣ уцѣлѣли небольшіе клочки сукна, сапогъ на правой ногѣ, съ превосходно сохранившейся тонкой офицерской подошвой, куски мишуры, наконецъ, канитель штабъ-офицерскаго эполета. И это все, что осталось отъ человѣка, который при жизни былъ такимъ же Баярдомъ, какъ и

Круковскій. Никто не сомнѣвался болѣе, что это именно останки Золотухина; ихъ бережно сложили въ новый гробъ и перенесли въ палатку, наскоро разбитую для временнаго помѣщенія дорогихъ останковъ. Совсѣмъ другое представилось глазамъ присутствующихъ, когда вскрыли могилу Ратіева. Здѣсь оказался крѣпкій кирпичный сводъ, и когда его разобрали, увидѣли склепъ, а въ немъ одинокій гробъ, сохранившійся такъ хорошо, что даже бархатъ, которымъ онъ былъ обитъ, не потерялъ своего первоначальнаго цвѣта; полиняли только позументы; ихъ замѣнили новыми; но самый гробъ, сколоченный изъ дубовыхъ досокъ, оказался такъ крѣпокъ, что его рѣшено оставить въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ найденъ. Когда же подняли крышу,—всѣ отступили въ изумленіи: изъ гроба глядѣло на всѣхъ строгое молодое лицо красиваго юноши. Уже тридцать восемь лѣтъ пронеслось надъ его безвременной могилой, а покойный лежалъ, точно положенъ былъ въ гробъ наканунѣ; только лицо его приняло нѣсколько коричневый оттѣнокъ. На лбу и на черепѣ его зіяла глубокая шашечная рана. Даже костюмъ его нисколько не пострадалъ отъ времени: куртка Нижегородскаго полка съ вызолоченными газырями и цѣпочками, лядунка, эполеты,—все было цѣло и сохраняло свой цвѣтъ; выцвѣли только канты на обшлагахъ и воротникѣ. Трупъ былъ покрытъ довольно густымъ слоемъ плѣсени, очень похожей на паутину. Ее осторожно сняли, и гробъ, перенесенный въ палатку, сталъ рядомъ съ гробомъ Золотухина.

Затѣмъ раскрыты были еще четыре могилы: бывшаго командира Апшеронскаго полка генералъ-маіора графа Ивелича, подполковника Абраменко, поручика Писарева, и Дагестанскаго полка поручика Мольскаго. И это было все, что еще можно было собрать, благодаря надписямъ, пощаженнымъ временемъ, и указаніямъ людей, переживших дорогихъ покойниковъ. Сдѣланы были еще попытки разобрать надписи и на другихъ надгробныхъ памятникахъ, но отъ этого пришлось отказаться— время стерло ихъ, а свидѣтели сами покоились въ землѣ. Пришлось ограничиться тѣмъ, что нашли.

5-го іюня назначена была церемонія перенесенія останковъ на новое кладбище. Для отданія имъ послѣдней воинской чести назначенъ былъ сводный батальонъ Апшеронскаго полка со знаменемъ, и 1-я батарейная батарея 21-й артиллерійской бригады, подъ общею командою полковника Ленца. Около 10 часовъ утра къ раскрытымъ могиламъ собра-

лось все народонаселеніе Темиръ-Ханъ-Шуры; туда же прибыла и депутація отъ Нижегородскаго полка, къ которой пристроился ветеранъ Волковъ. Онъ переживалъ такія минуты, которыя рѣдко кому приходится переживать. Онъ самъ участвовалъ въ дѣлѣ 8-го апрѣля 1851 года, гдѣ были убиты Золотухинъ и Ратіевъ; онъ помнилъ какъ ихъ хоронили, и теперь, тридцать восемь лѣтъ спустя, опять присутствовалъ при ихъ погребеніи. Что онъ долженъ былъ перечувствовать, глядя на неподвижныя черты юноши, надъ которымъ время оказалось безсильнымъ, не прибавивъ за сорокъ лѣтъ ни одной морщины, ни одной сѣдины къ чернымъ вьющимся кудрямъ, который лежалъ въ томъ самомъ гробѣ, куда его положили руки того же самаго Волкова, тогда еще молодого солдата... И передъ умственными очами старика невольно проходила картина славнаго боя: и редутъ на высокой горѣ, съ развѣвающимся надъ нимъ значкомъ Хаджи-Мурата, и дорогой образъ дивизіонера, съ вдохновенной улыбкой на лицѣ, съ обнаженною шашкой впереди своей безстрашной дружины... неподвижно стоящая въ сторонѣ милиція, чудное утро перваго дня Свѣтлаго праздника—и въ заключенье роковая развязка безумно геройскаго подвига!...

Какъ только на церемонію прибылъ начальникъ области, всѣ шесть гробовъ были вынесены изъ палатки и установлены рядомъ при звукахъ торжественно-печальнаго гимна «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Гробъ Ратіева стоялъ открытымъ. Священники въ траурномъ облаченіи отслужили литію; потомъ старыя могилы были засыпаны; надъ ними поставили деревянные кресты съ соотвѣтствующею надписью, и процессія двинулась отъ стараго кладбища по улицамъ города. Гроба несли офицеры. Похоронный маршъ, унылый перезвонъ колоколовъ въ единственной темиръ-ханъ-шуринской церкви, толпы народа съ непокрытыми головами, двигавшіяся по сторонамъ, все напоминало старымъ ветеранамъ тѣ страшные дни, слѣдовавшіе за экспедиціями, когда убитые товарищи уходили отъ нихъ не по одному, а цѣлыми партіями. Процессія снята была мѣстнымъ фотографомъ, которому къ сожалѣнію не пришло въ голову отдѣльно снять Ратіева и сохранить такимъ образомъ дорогія для полка черты одного изъ его героевъ ([20]).

Три могилы приготовлены были на новомъ кладбищѣ. Въ одну, среднюю, положили останки генералъ-маіора Ивелича и двухъ его сослуживцевъ, Абраменко и Писарева; направо отъ нея опущенъ былъ

гробъ поручика Мольскаго; налѣво—въ одной братской могилѣ легли герои 8-го апрѣля: Золотухинъ и Ратіевъ. На этой могилѣ лежитъ теперь старая чугунная плита, указывавшая прежде мѣсто успокоенія Ратіева. Надъ ней надпись: «Отъ признательнаго общества товарищей сооруженъ въ память убитаго въ дѣлѣ съ горцами 8-го апрѣля 1851 года Драгунскаго Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полка прапорщика князя Гавріила Егоровича Ратіева, имѣвшаго 22 года отъ роду». Плита, положенная на могилѣ Золотухина, какъ сказано уже, исчезла. Теперь въ головахъ у него стоитъ скромный крестъ съ лаконическою надписью: «Подполковникъ Нижегородскаго полка Золотухинъ убитъ въ дѣлѣ съ горцами 8-го апрѣля 1851 года».

Могила Золотухина и Ратіева.

VII.

На окраинахъ Дагестана.

(1851 г.).

Сторожевая башня въ Дагестанѣ.

Пополненіе лейбъ-эскадрона послѣ Атлы-Буюнскаго боя.—Переходъ изъ Большихъ Казанищъ на Кутишинскія высоты.—Стычка на Турчидагѣ.—Хаджи-Муратъ и набѣгъ его на Буйнаки.—Возстаніе въ Кайтагѣ и Табасарани.—Драгуны въ колоннѣ князя Аргутинскаго.—Дѣло у дер. Куярыхъ.—Нижегородцы сопровождаютъ вьючный транспортъ въ Курахское укрѣпленіе.—Бой съ Хаджи-Муратомъ.—Лѣсная катастрофа.—Взятіе Аргутинскимъ сел. Хошны, и разгромъ Шамиля на Гамашинскихъ высотахъ.—Бѣгство Хаджи-Мурата изъ Табасарани.—Пѣсня о табасаранскомъ походѣ.—Дальнѣйшая судьба Хаджи-Мурата.

Похоронивъ въ Шурѣ своихъ убитыхъ, сводный дивизіонъ Нижегородскаго полка вернулся въ Большія Казанища, куда вслѣдъ за нимъ прибыли новые люди и кони, высланные на укомплектованіе лейбъ-эскадрона изъ Чиръ-Юрта (1). Раненые также выздоравливали быстро и пополняли собою ряды. Между тѣмъ, какъ только погода установилась болѣе сносная и на горахъ показалось достаточно травы, весь дагестанскій отрядъ выдвинулся на Кутишинскія высоты, откуда, какъ изъ центральнаго пункта, могъ прикрывать весь край, и все каспійское побережье. Прибылъ туда же 4-го іюня изъ Большихъ Казанищъ и сводный дивизіонъ Нижегородскаго полка,—но подъ командой уже другого штабъ-офицера, маіора Барковскаго, назначеннаго командиромъ 1-го дивизіона на мѣсто убитаго Золотухина (2).

Что предстояло отряду въ этомъ году—никто не зналъ. Слуховъ было много, но имъ можно было вѣрить только съ большою осторожностью, такъ какъ Шамиль, распуская подобные слухи, не разъ вводилъ насъ въ заблужденіе, а затѣмъ появлялся, какъ снѣгъ на голову, тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Такъ именно случилось и въ іюнѣ 1851 года.

17-го числа съ Хунзахскаго плато спустились огромныя толпы, при которыхъ находился Шамиль, и собраны были почти всѣ наибы Дагестана. Онѣ потянулись къ Чоху. Это указывало намъ на опасность, грозившую Казикумыкскому ханству, и, дѣйствительно, оттуда прискакали гонцы съ извѣстіемъ, что жители въ тревогѣ, и ближайшіе къ границѣ аулы уже вывозятъ семьи въ центральные магалы. Аргутинскому надо было спѣшить, и отрядъ, быстро двинувшійся кружнымъ путемъ по кара-койскому ущелью, 18-го іюня поднялся на Гамашинскія высоты. Это былъ пунктъ, съ котораго удобнѣе всего можно защищать Кумухъ. Приближались сумерки. Внизу, подъ нашими ногами, озаренные послѣдними лучами умирающаго дня, виднѣлись печальныя развалины двухъ огромныхъ ауловъ—Унджутая и Гамашей, испытавшихъ на себѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ всѣ ужасы шамилевскаго мщенія. Прямо поднимался сѣдой Турчидагъ, и на него крутыми зигзагами тянулась тропа, терявшаяся на самой вершинѣ горы, увѣнчанной обрывистыми осыпями. Этотъ горный гигантъ, далеко уходившій своею вершиной за тучи, былъ чрезвычайно важной стратегической станціей для той изъ воюющихъ сторонъ, которая первая его занимала. Мы, однако, не торопились подниматься на гору, чтобы не сдѣлать какой-нибудь ошибки. Непріятель также на ней не показывался; но Аргутинскій съ минуты на минуту ожидалъ его появленія,—и глазъ не спускалъ съ Турчидага.

21-го іюня около полудня надъ отвѣснымъ обрывомъ горы вдругъ показались разноцвѣтные значки, по числу которыхъ можно было опредѣлить и самую численность партіи: въ ней было отъ полутора до двухъ тысячъ человѣкъ. Въ лагерѣ забили тревогу; но пока снимали палатки, драгуны пошли впередъ, и по извилистой дорожкѣ стали подниматься на Турчидагъ. Правѣе ихъ взбирался батальонъ Апшеронцевъ, за которымъ весь отрядъ слѣдилъ съ замираніемъ сердца. Апшеронцы, поражаемые сверху ружейнымъ огнемъ, двигались по осыпямъ прямо на тотъ страшный обрывъ, гдѣ виднѣлись значки. Казалось, что горцы вотъ-вотъ кинутся въ шашки,—и батальонъ будетъ сброшенъ въ ужасную про-

пасть съ высоты восьми тысячъ футовъ. Но въ тотъ моментъ, когда только 20 саженей раздѣляло противниковъ, горцы вдругъ отшатнулись отъ обрыва, значки ихъ исчезли, и все мгновенно скрылось въ надвинувшемся туманѣ... Это на горѣ показались драгуны, и угрожающее положеніе, занятое ими на флангѣ непріятеля, заставило его уклониться отъ боя. Скопище отступило въ порядкѣ, но такъ быстро, что драгуны едва успѣли проводить его нѣсколькими ракетными залпами. Въ эту минуту подъѣхалъ Аргутинскій; онъ поблагодарилъ драгунъ за быстрое движеніе, и приказалъ прекратить преслѣдованіе.

Турчидагъ былъ занятъ. Но дѣло 21-го числа оказалось только демонстраціей, во время которой сильная, трехъ-тысячная конница Омара Салтынскаго кинулась мимо насъ въ Кайтагъ и южную Табасарань (3). Къ счастію Казикумыкская милиція успѣла загородить ей путь, и Омаръ послѣ ничтожной перестрѣлки возвратился назадъ безъ успѣха. Разгнѣванный Шамиль лишилъ его наибскаго званія, но предпріятія своего не оставилъ. Да онъ и не могъ его оставить, потому что табасаранскій походъ неожиданно связался для него съ вопросомъ, становившимся уже на чисто политическую почву.

Крупное событіе готовилось тогда въ Дагестанѣ. Шамиль, давно обдумывавшій планъ утвердить въ горахъ наслѣдственную власть, рѣшилъ наконецъ объявить всенародно своимъ преемникомъ старшаго сына Кази-Магому, но встрѣтилъ серьезный, хотя и безмолвный протестъ со стороны Хаджи-Мурата. Суровый аварскій наибъ выразился въ кругу своихъ приближенныхъ, что эта присяга—дѣло насильственное, и что послѣ смерти Шамиля только шашка, да громкая слава, покоряющая людей своему обаянію, однѣ рѣшатъ, кто долженъ быть имамомъ. Слова эти были доведены до Шамиля вмѣстѣ съ совѣтомъ отдѣлаться отъ Хаджи-Мурата, какъ отъ человѣка опаснаго, который могъ стать во главѣ всѣхъ заговоровъ и оппозицій. Враги Хаджи-Мурата совѣтовали Шамилю послать его въ Табасарань съ пятьюстами всадниковъ и требовать, чтобы онъ возмутилъ ее противъ русскихъ, т. е. сдѣлалъ бы то, чего не могъ исполнить Омаръ Салтынскій съ огромною трехъ-тысячною партіею. Хаджи-Муратъ охотно взялся за это предпріятіе, но потребовалъ отъ двухъ до трехъ тысячъ войска. Ему отказали, и дали только 500 человѣкъ. «Тогда, говоритъ Хаджи-Муратъ,—я не настаивалъ больше, и съ этою горстью людей кинулся на Буйнаки» (4).

Это былъ большой красивый аулъ, населенный кумыками и принадлежавшій Шахъ-Вали, родному брату шамхала Тарковскаго. Хаджи-Муратъ подошелъ къ нему на разсвѣтѣ 2-го іюля, и, выждавъ время, когда жители ушли на полевыя работы, бросился прямо къ жилищу Шахъ-Вали, гдѣ нѣсколько вооруженныхъ нукеровъ не могли оказать ему никакого сопротивленія. Набѣгъ былъ такъ неожиданъ, что самъ Шахъ-Вали, захваченный врасплохъ, былъ убитъ въ постелѣ; дворецъ его разграбленъ, а жена и дѣти забраны въ плѣнъ.

Одинъ буйнакскій татаринъ сложилъ на этотъ случай пѣсню, которая слѣдующимъ образомъ передаетъ трагическое происшествіе: «Какъ хищный волкъ или шакалъ, Хаджи-Муратъ скрывался въ нагорныхъ лѣсахъ около Буйнакъ, и замѣтивъ, что жители ушли на работы, онъ какъ гіена набѣжалъ на аулъ, убилъ хана, взялъ въ плѣнъ его семью, и какъ хищникъ скрылся съ своею добычею въ лѣса и горы, облегающіе Буйнаки». Такимъ образомъ разгромъ богатаго аула совершился почти на глазахъ нашихъ войскъ, собранныхъ и стоявшихъ наготовѣ предупредить покушеніе непріятеля.

«Изъ Буйнакъ—говоритъ Хаджи-Муратъ:—я кинулся въ Кайтагъ, гдѣ дѣла мои пошли чрезвычайно успѣшно. Кайтахцы и большая часть табасаранскихъ селеній не оказали мнѣ никакого сопротивленія; только нѣкоторые беки съ своими приверженцами, укрѣпясь въ селеніи Хашны, не хотѣли сдаваться, но они были выбиты и неотступно преслѣдованы мною почти до самаго Дербента. Когда я возвратился, возстаніе уже было въ полномъ разгарѣ, и жители присоединялись ко мнѣ цѣлыми толпами. Я занялъ Хашны, и сталъ ожидать извѣстій отъ Шамиля, который въ это время долженъ былъ напасть на Дагестанскій отрядъ» ([5]).

Положеніе Аргутинскаго, дѣйствительно, было не легкое; оно сдѣлалось даже опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ ему пришлось считаться не съ однимъ разбойничьимъ налетомъ Хаджи-Мурата, который самъ по себѣ не могъ имѣть серьезнаго значенія, а съ двумя безпокойными, густонаселенными провинціями, въ то время какъ присутствіе Шамиля, отдѣленнаго отъ отряда только однимъ глубокимъ андаляльскимъ оврагомъ, приковывало войска къ Казикумыку. Но медлить было нельзя—иначе возстаніе охватило бы весь Южный Дагестанъ, и даже ближайшія части Закавказья. Усмиреніе Кайтага, какъ пункта, откуда угрожала наиболь-

шая опасность, Аргутинскій долженъ былъ взять на себя, и 8-го іюля двинулся къ его границамъ съ пятью батальонами пѣхоты, дивизіономъ Нижегородскихъ драгунъ и частью милиціи; противъ Шамиля на Гамашинскихъ высотахъ остались только два батальона съ генераломъ Грамматинымъ, а для прикрытія Мехтулинскаго ханства былъ вызванъ изъ Чиръ-Юрта еще дивизіонъ Нижегородскаго полка. Прибылъ — третій, подъ командой подполковника Эттингера.

Походъ главной колонны по Казикумыкскому ханству не представлялъ какихъ-либо трудностей, но былъ весьма интересенъ особенно для нашихъ драгунъ, впервые посѣщавшихъ такія историческія мѣста, какъ Кюлюли, Хозрекъ и Чирахъ. За Чирахомъ увидѣли наконецъ высокій хребетъ, отдѣлявшій Казикумыкское ханство отъ Вольной Табасарани. За этими горами стоялъ Хаджи-Муратъ, и, какъ шумъ далекаго моря, доносился оттуда гулъ начинающагося возстанія.

Войска дошли до самаго подножія хребта и здѣсь остановились лагеремъ. Всегда осторожный, и не любившій безцѣльныхъ движеній, князь Аргутинскій предпочелъ выждать болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ краѣ,—и медлилъ начинать военныя дѣйствія. Только одна кавалерія на всякій случай была выдвинута имъ къ аулу Алханъ-Дасу, лежавшему въ горахъ, и получила приказаніе зорко наблюдать дороги, по которымъ Хаджи-Муратъ могъ отступить въ Аварію. Но Хаджи-Муратъ стоялъ въ Хошнахъ и, какъ оказалось, вовсе не думалъ объ отступленіи. Тогда кавалерія отозвана была назадъ, и весь отрядъ, поднявшись 15-го іюля на высокій Табасаранскій хребетъ, увидѣлъ передъ собой роскошное ущелье рѣчки Рубасъ-чай. Картина была, дѣйствительно, очаровательная. Въ Сѣверномъ и Среднемъ Дагестанѣ, среди голыхъ сѣрыхъ скалъ и мрачныхъ ауловъ, войска совсѣмъ отвыкли отъ подобныхъ видовъ: кругомъ стояли густые лѣса, аулы, тонувшіе въ зелени фруктовыхъ садовъ, поля, колосившіяся еще не сжатыми хлѣбами... Только одна дорожка, спускавшаяся съ горъ и терявшаяся въ дремучемъ ущельи, смотрѣла какъ-то предательски. Это почувствовалъ самъ Аргутинскій, и, полюбовавшись ущельемъ, двинулъ войска по гребнямъ горъ, чтобы обойти эту красивую долину, хотя бы даже и по худшимъ дорогамъ. Онъ не любилъ лѣсной войны, и не привыкъ къ ней, потому что весь свой вѣкъ воевалъ въ горахъ. За то въ горахъ, какъ въ родной стихіи, онъ чувствовалъ себя какъ дома; и если ему приходилось шагать тогда черезъ

завалы, онъ могъ по крайней мѣрѣ видѣть съ кѣмъ имѣетъ дѣло, кто сидитъ въ завалахъ.

Два дня, отъ утреннихъ до вечернихъ сумерокъ, войска шли по горамъ, то сползая внизъ почти къ подошвѣ хребта, гдѣ ихъ обдавало сухою знойной атмосферой, то снова взбираясь на самый гребень, гдѣ ихъ пронизывала насквозь холодная влага сгущавшихся здѣсь облаковъ. Переходы были трудные, но 18-го числа отрядъ все-таки перевалилъ хребетъ и сталъ на южномъ склонѣ его у дер. Куярыхъ. Вдали, на гребняхъ горъ, виднѣлись непріятельскіе пикеты. Табасарань была въ рукахъ Хаджи-Мурата. Это почувствовалось всѣми, потому что не прошло и часа со времени прибытія отряда, какъ наши фуражиры уже были атакованы значительными силами горцевъ. Аргутинскій выдвинулъ на встрѣчу къ нимъ всю кавалерію. Драгуны понеслись на перерѣзъ аварской конницѣ, и, несмотря на ружейный огонь, смяли ее, опрокинули и загнали на противоположный гребень хребта. Тогда драгунъ смѣнили Ширванцы,—и гребень былъ взятъ штурмомъ. Однако эта первая встрѣча, въ видѣ, такъ сказать, интродукціи, обошлась намъ не совсѣмъ дешево: у драгунъ было двое раненыхъ, а въ пѣхотѣ выбыло изъ строя 2 офицера и 27 нижнихъ чиновъ ([6]).

Войска четверо сутокъ опять простояли, не трогаясь съ мѣста. Аргутинскій, мало знакомый съ краемъ и не довѣрявшій лѣсамъ, отнимавшимъ просторъ у его орлинаго взгляда, боялся преждевременнымъ выступленіемъ сдѣлать оплошность, которою Хаджи-Муратъ не замедлилъ бы воспользоваться съ тѣмъ, чтобы открыть себѣ свободный путь въ Аварію. Отважный наибъ былъ крайне остороженъ тамъ, гдѣ неосторожность могла погубить все предпріятіе, и каждый ходъ своей смѣлой игры предварительно обдумывалъ, взвѣшивалъ, и соображалъ всѣ шансы. Аргутинскій зналъ это,—и противники стояли другъ передъ другомъ въ бездѣйствіи: одинъ боялся сдѣлать ошибку, другой разсчитывалъ только на ошибку, и зорко подстерегалъ ее. Время между тѣмъ шло; Шамиль могъ воспользоваться продолжительнымъ отсутствіемъ войскъ изъ Казикумыка,—и князю Аргутинскому волею-неволею пришлось сдѣлать первый шагъ—атаковать Хашны, гдѣ были главныя силы Хаджи-Мурата. Атака назначена была на 21-ое іюля. Но какъ ни старался князь обойти лѣса, ему не суждено было миновать ихъ, такъ какъ между лагеремъ дагестанскаго отряда и позиціей Хаджи-Мурата именно протя-

Хаджи-Муратъ съ партіей.

Съ картины Каррадини.

нулся густой и почти бездорожный лѣсъ. Чтобы облегчить черезъ него движеніе войскъ, Аргутинскій на разсвѣтѣ отправилъ весь свой обозъ, изъ 400 вьюковъ, назадъ въ Курахское укрѣпленіе, и въ прикрытіе къ нему назначилъ два эскадрона Нижегородцевъ. Это была ошибка, о которой тотчасъ же донесли Хаджи-Мурату,—и Хаджи-Муратъ, оставивъ въ Хашнахъ пѣхоту, двинулся со всею кавалеріей въ Курахъ, чтобы перенять этотъ обозъ на дорогѣ. Онъ настигъ его въ то время, когда 400 вьюковъ, растянувшись въ нитку, подходили къ лѣсу. Къ счастію, непріятель, благодаря открытой мѣстности, замѣченъ былъ издали, и лейбъ-эскадронъ, подъ командой штабсъ-капитана Аксамитнаго (*), атаковалъ его прежде, чѣмъ онъ доскакалъ до обоза. 10-й эскадронъ поддержалъ атаку. Хаджи-Муратъ не былъ разбитъ, что называется, на голову, но все-таки онъ былъ отброшенъ, и, разсыпавшись по сторонамъ дороги, провожалъ эскадроны только сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Ни одного вьюка изъ обоза не было отбито, а непріятель между тѣмъ потерялъ значокъ, захваченный въ лейбъ-эскадронѣ барабанщикомъ Полянскимъ (7).

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ солдатская пѣсня:

Ясно солнце на восходъ,
Поднимались мы въ походъ;
Мы въ походикъ выступали,
Пики въ землю приклоняли,—
Пики въ землю приклоняли,
Чтобъ враги насъ не узнали.
Какъ подъ лѣсомъ, подъ горою
Самъ Муратъ стоялъ съ ордою;
Онъ стоялъ съ своей ордою,
Разговаривалъ съ собою:
Нѣтъ, молъ, тучи и дождя,
А трясется вся земля. .
То не громъ, друзья, гремитъ—
Дивизьонъ драгунъ летитъ...
Командиръ у насъ герой
Впереди летитъ стрѣлой,—
Впереди летитъ стрѣлой,
Подъ нимъ коникъ вороной;

(*) Аксамитный командовалъ временно, по случаю раны Джемарджидзе.

Офицеры наши храбры,
Словно раненые львы;
Унтеръ-церы, карбинеры —
Точно сизые орлы;
А драгуны, пикинеры
На врага въ карьеръ пошли,—
На врага въ карьеръ летѣли,
Своей жизни не жалѣли... (8).

На этотъ разъ обозъ отдѣлался счастливо; но впереди предстояли еще большія опасности, такъ какъ путь лежалъ мимо лѣсовъ и большихъ ауловъ. Трудно даже сказать, почему Аргутинскій возложилъ на драгунъ, половина которыхъ, вооруженная пиками, не имѣла даже ружей,—такую непосильную задачу, какъ конвоированіе огромнаго транспорта, по мѣстности пересѣченной и уже взволнованной пропагандою Хаджи-Мурата. Правда, населеніе Табасарани, стоявшее въ сторонѣ отъ района, захваченнаго горцами, еще не выступало противъ насъ открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, но оно ожидало только развязки вторженія, и всѣ симпатіи его были на сторонѣ непріятеля. Это не замедлило сказаться и на дѣлѣ. Торопясь возвратиться въ Хашны, Хаджи-Муратъ распустилъ по дорогѣ слухъ, что русскіе разбиты, и совѣтовалъ жителямъ захватить обозъ, бѣгущій почти безъ прикрытія. Табасаранцы повѣрили этимъ словамъ и, скрытно обогнувъ поляну, по которой проходилъ въ то время обозъ, забѣжали впередъ и сдѣлали засаду въ густомъ лѣсу, протянувшемся по всей границѣ Вольной Табасарани. Ничего не подозрѣвая, обозъ спокойно двигался дальше, и, подходя къ опушкѣ этого лѣса, вытянулся въ нитку, такъ какъ узкая лѣсная тропа другого строя не допускала. Драгуны также перестроились рядами, и пикинеры пошли въ авангардѣ, а лейбъ-эскадронъ замыкалъ колонну, растянувшуюся почти на двѣ съ половиною версты. Такъ дошли уже до половины лѣса,—какъ вдругъ кругомъ затрещали выстрѣлы, и табасаранцы, какъ лѣсные духи, внезапно очутились по срединѣ обоза. Драгуны вразсыпную кинулись отстаивать вьюки; но людей было слишкомъ мало, чтобы поспѣвать вездѣ, и непріятель, захвативъ что было можно, скрылся съ большою добычей «Хотя драгуны — доносилъ по этому поводу князь Аргутинскій: — и оказали всевозможную защиту обозу, но все же не были въ состояніи совершенно охранить его, и

сорокъ вьюковъ было разграблено жителями». Пикинеры взяли у непріятеля значокъ, но за этотъ значокъ мы заплатили довольно значительною потерею: въ дивизіонѣ раненъ одинъ офицеръ, поручикъ Ушаковъ, пулею въ ногу, и до 20-ти нижнихъ чиновъ (9).

Потеря нѣсколькихъ вьюковъ, конечно, не могла измѣнить ничего ни въ общемъ положеніи дѣлъ, ни въ ходѣ военныхъ событій, готовившихся въ краѣ. И, дѣйствительно, въ тотъ самый день, когда обозъ терпѣлъ въ лѣсу такую катастрофу, князь Аргутинскій атаковалъ Хашны и разбилъ Хаджи-Мурата на голову. Аварцы дрались настоящими львами. «Слава, покоряющая людей своему обаянію»,—какъ выразился Хаджи-Муратъ незадолго передъ тѣмъ въ бесѣдѣ съ своими приближенными, не покидала его и въ неудачахъ. «Я держался—говоритъ онъ—въ продолженіе трехдневнаго сильнаго боя, но наконецъ былъ вынужденъ оставить селеніе и скрыться въ ближайшемъ лѣсу. Табасаранцы мои разбѣжались; съ горостью оставшихся при мнѣ мюридовъ я бросился въ Чирахъ, но стоявшая тамъ пѣхота перерадила мнѣ путь и хотѣла заставить меня итти на проломъ. Однако мнѣ удалось избѣжать пораженія тѣмъ, что я обскакалъ непріятеля по дну глубокой балки. Русскіе меня преслѣдовали; я скоро былъ раненъ, и едва держался на измученной лошади. Вдобавокъ, отступая далѣе, я былъ настигнутъ рутульцами, которые преслѣдовали меня до самаго Охрека. Здѣсь встрѣтили меня опять мискинджинцы; но отъ этихъ я отдѣлался благополучно, и даже въ виду ихъ, бросившись на плоскость, разграбилъ нѣсколько ближайшихъ ауловъ»... (10). Аргутинскій, конечно, не разъ пожалѣлъ въ это время объ отсутствіи драгунъ, потому что будь въ его распоряженіи хотя одинъ эскадронъ, изъ партіи Хаджи-Мурата не спасся бы ни одинъ человѣкъ. Но драгуны опоздали въ Чирахъ на цѣлыя сутки.

Со взятіемъ Хашны возстаніе въ Табасарани пало, и войска, возвратившись на Кутишинскія высоты, простояли здѣсь до начала осени. 17-го сентября сводный дивизіонъ Барковскаго возвратился въ Чиръ-Юртъ, а 26-го прибылъ и 3-й дивизіонъ, простоявшій все время на границахъ Мехтулинскаго ханства въ Оглахъ и Джегутаѣ (11).

За Табасаранскую экспедицію маіоръ Барковскій получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, штабсъ-капитанъ Аксамитный—3-й и прапорщикъ Пальмцвейгъ—4-й. Капитанъ Бѣлюстинъ, штабсъ-капитанъ Кусаковъ, и поручики Ямбржиковскій и Ушаковъ произведены въ слѣдующіе чины.

Монаршее благоволеніе объявлено: штабсъ-капитану Повало-Швейковскому, поручикамъ Гемпелю и Фогелю и прапорщику Аветову. Юнкера Аполлонъ Гемпель, Николай Мисюринъ, унтеръ-офицеры: Захаръ Мгебровъ и Григорій Преклонскій (изъ разжалованныхъ),—произведены въ прапорщики ([12]).

Нижнимъ чинамъ назначено 11-ть знаковъ отличія Военнаго ордена ([13]).

Въ заключеніе добавимъ, что конецъ 1851 года ознаменовался въ Дагестанѣ событіемъ чрезвычайной важности:—Хаджи-Муратъ, вражда котораго съ Шамилемъ особенно обострилась послѣ неудачи Табасаранскаго похода, вынужденъ былъ покинуть родную Аварію и искать защиты и покровительства у русскихъ. 4-го декабря онъ вышелъ въ Воздвиженскую крѣпость, и, отправленный оттуда въ Тифлисъ, принятъ былъ намѣстникомъ какъ человѣкъ знаменитый, со всею подобающею честью.

Въ Тифлисѣ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, пользуясь почти безусловной свободою и окруженный вниманіемъ общества. Ему разрѣшено было даже посѣтить Нуху; но тамъ-то 23-го апрѣля 1852 года и случилась кровавая развязка, которую ожидали многіе и предрекалъ самъ государь. Однажды Хаджи-Муратъ выѣхалъ па прогулку за городъ, и вдругъ выхвативъ пистолетъ, положилъ на мѣстѣ конвойнаго урядника. Пока остальные казаки опомнились, онъ кинулся въ Нухинскіе сады и скрылся вмѣстѣ съ четырьмя нукерами. Никто не могъ объяснить причинъ, которыя заставили Хаджи-Мурата бѣжать, но есть основаніе думать, что онъ хотѣлъ пробраться въ Нагорный Дагестанъ, и тамъ, изъ его разрозненныхъ обществъ, образовать особое владѣніе, независимое какъ отъ Шамиля, такъ и отъ русскихъ. Измѣна Хаджи-Мурата поразила весь Тифлисъ, и въ городѣ обнаружилось большое волненіе. Къ счастію на другой же день прискакали гонцы съ извѣстіемъ, что Хаджи-Муратъ убитъ, и что голова его будетъ отправлена въ Тифлисъ для успокоенія жителей. Конецъ Хаджи-Мурата былъ достоинъ всей его жизни. Настигнутый милиціей около дер. Беляджикъ, онъ съ четырьмя нукерами выдержалъ отчаянный бой съ тремя стами всадниковъ,—бой, длившійся три часа къ ряду. «Онъ умеръ такъ же, какъ жилъ, т. е. отчаянно храбро», писалъ о немъ Воронцовъ военному министру ([14]). Разсказываютъ, что его нукеры, зарѣзавъ своихъ лошадей, засѣли въ кусты и держались до тѣхъ поръ, пока не разстрѣляли всѣхъ своихъ патроновъ. Тогда съ обнаженною шашкой въ одной, и съ кинжаломъ

въ другой рукѣ, Хаджи-Муратъ, какъ тигръ, выскочилъ изъ своей засады и врѣзался въ толпы нашей милиціи. Раненый уже нѣсколькими пулями, онъ былъ наконецъ изрубленъ вмѣстѣ съ двумя нукерами; остальные два, также жестоко израненные, были взяты въ плѣнъ. Голова Хаджи-Мурата была отрѣзана и привезена въ Тифлисъ. Впослѣдствіи ее отправили въ Петербургъ къ извѣстному профессору-хирургу Пирогову, который, какъ извѣстно, и передалъ ее въ одинъ изъ нашихъ санктпетербургскихъ музеевъ.

Общій видъ Дагестанскихъ горъ съ Турчидага.

Аулъ Мискиръ-Юртъ на Джалкѣ.

VIII.

Въ Большой Чечнѣ — отъ Грозной до Мичика.

(1852 г.).

Зимній походъ 2-го и 3-го дивизіоновъ въ Чеченскій отрядъ.—Нижегородцы на Хулхулау и у Мезинскихъ хуторовъ.—Набѣгъ на Гойту.—Смерть Круковскаго.—3-й эскадронъ выручаетъ тѣло его изъ рукъ непріятеля.—Похороны Круковскаго, и могила его въ Екатериноградской станицѣ.—Назначеніе въ чеченскій отрядъ полковника князя Чавчавадзе.—Вырубка лѣсовъ по Басу и Джалкѣ.—Недоразумѣніе, случившееся въ дѣлѣ подъ Мискиръ-Юртомъ.—Новый походъ къ Гельдигену.—Маіортупскій орѣшникъ.—Бой за переправу черезъ Мичикъ.—Награды.—Торжество освѣщенія новаго георгіевскаго штандарта.—Административныя перемѣны въ полку.—4-й дивизіонъ въ дагестанской экспедиціи.—Тревоги на Сулакской линіи.

Былъ канунъ новаго 1852 года. Въ зимнія сумерки, по лѣвому берегу Терека, двигались два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, второй и третій, подъ командой подполковника Эттин-

гера. Занесенные снѣгомъ, промокшіе и продрогшіе, но съ бойкими пѣснями и бубнами вступили они въ Николаевскую станицу, и расположились на ночлегъ. Во второй разъ драгунамъ доводилось проводить святочные вечера на походѣ, имѣя передъ глазами, вмѣсто рождественской елки, лѣса, опушенные инеемъ, и встрѣчая вездѣ давно знакомыя сцены русскихъ святочныхъ развлеченій: каляды, игры, гаданья и вечерницы; даже новый годъ имъ не пришлось провести на дневкѣ. Чуть свѣтъ эскадроны были подняты и двинулись дальше, торопясь въ составъ чеченскаго отряда, который, по примѣру прошлаго года, собирался въ Воздвиженской (1). Въ Грозной узнали мимоходомъ только, что Шамиль стоитъ въ Чечнѣ съ большими силами. Войсками лѣваго фланга командовалъ въ это время князь Барятинскій, но его уже не было въ Грозной: онъ выѣхалъ въ отрядъ, гдѣ ожидалъ только прибытія драгунъ, чтобы открыть наступательныя дѣйствія.

5-го января, въ крещенскій сочельникъ, весь чеченскій отрядъ выступилъ изъ Воздвиженской, миновалъ знакомую ему Шалинскую поляну и, переправившись на правый берегъ Баса, дошелъ до Хулхулау. Въ прошломъ году эти мѣста посѣтилъ одинъ 7-й эскадронъ Нижегородскаго полка; теперь здѣсь стоялъ весь отрядъ,—и, къ удивленію, непріятеля почти нигдѣ не было видно. Одно обстоятельство, случайное и непредвидѣнное, какъ нельзя болѣе помогло первымъ нашимъ успѣхамъ. Въ Нагорномъ Дагестанѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ вспыхнуло возстаніе, и пожаръ, угрожавшій охватить Карату, гдѣ наибомъ сидѣлъ Кази-Магома, заставилъ стараго Шамиля со всѣми силами, стоявшими въ Чечнѣ, броситься туда кратчайшими дорогами. Когда онъ вернулся назадъ,—русскіе стояли уже на Хулхулау, и два большіе аула Автуры и Гельдигенъ лежали въ развалинахъ (2).

Опоздавъ на ихъ защиту, Шамиль, однако, преслѣдовалъ наши войска, возвращавшіяся къ Аргуну,—и это преслѣдованіе сопровождалось такимъ кровавымъ боемъ, какого, пожалуй, въ Большой Чечнѣ и не помнили. Самъ Шамиль стрѣлялъ изъ ружья и бросался въ шашки впереди мюридовъ. Драгуны въ этотъ день не участвовали въ дѣлѣ, но ихъ присутствію отрядъ обязанъ былъ тѣмъ, что Шамиль не рискнулъ спустить съ Черныхъ горъ свою артиллерію и подвести ее на картечный выстрѣлъ. Простоявъ два дня на Аргунѣ, Барятинскій предпринялъ новый походъ къ Мезинскимъ хуторамъ, мѣшавшимъ свободному сообщенію

между Аргуномъ и Джалкой. Но мѣстность, занимаемая ими, представляла такой лабиринтъ различныхъ трущобъ, что подступиться къ нимъ безъ огромнаго урона казалось невозможнымъ. Единственный путь лежалъ черезъ топкій, протекавшій въ отвѣсныхъ берегахъ, ручей Мизіахо, и хотя черезъ него перекинутъ былъ мостъ, но на этотъ мостъ наведены были сотни винтовокъ: прежде чѣмъ черезъ него перейти, надо было заплатить за это сотнями человѣческихъ жизней. Баронъ Меллеръ, командовавшій въ тотъ день колонной, остановился въ раздумьи. Вдругъ противъ нашего лѣваго фланга показалась чеченская кавалерія; значка при ней не было,—это были мѣстные жители, и Меллеръ сообразилъ мгновенно, что если отрѣзать эту кавалерію отъ лѣса, или вообще поставить ее въ опасное положеніе—то хуторяне бросятся къ ней на выручку. Расчетъ его былъ вѣренъ. Едва третій дивизіонъ драгунъ и двѣ линейныя сотни, подъ командой подполковника Эттингера, во весь опоръ пустились на перерѣзъ чеченской конницѣ, какъ со всѣхъ сторонъ сбѣжались на помощь къ ней и хуторяне. Винтовки, сторожившія мостъ, исчезли. Воспользовавшись этимъ, пѣхота наша быстро переправилась черезъ ручей, –и знаменитые Мезинскіе хутора покончили свое существованіе (3).

Черезъ нѣсколько дней, 18-го января, предпринятъ былъ третій набѣгъ,—но на этотъ разъ уже въ противоположную сторону, къ верховьямъ Гойты, чтобы обезопасить нашъ тылъ со стороны гнѣздившагося тамъ населенія Малой Чечни. Колонну повелъ самъ Барятинскій. Вся кавалерія, отдѣлившись впередъ, подъ начальствомъ генерала Круковскаго, переправилась на лѣвый берегъ Гойты и, перейдя такъ называемое Устархановское поле, вступила въ дремучіе лѣса. На безоблачномъ небѣ, влѣво отъ насъ, надъ Большою Чечнею показалась блѣдная полоса разсвѣта. Снѣгъ, валившій большими хлопьями, пересталъ падать. Шли безъ дорогъ, и кавалерія, разомкнувъ ряды, должна была пробираться по одиночкѣ. Отсутствіе проводника, бѣжавшаго еще при выступленіи изъ лагеря, съ каждымъ шагомъ становилось ощутительнѣе. Проводники знаютъ дороги, по которымъ наибы рысью провозятъ свои пушки, а мы этихъ дорогъ не знали, и нашимъ проводникомъ было русло рѣки, отъ котораго мы не смѣли удаляться. Круковскій ѣхалъ впереди. Бѣлая шуба его, крытая голубымъ сукномъ, и бѣлый папахъ съ голубымъ верхомъ видны были издали. Лицо его было угрюмо, какъ въ былые годы, когда онъ командовалъ Нижегородскимъ полкомъ. Бѣлый, статный, но уже не

молодой конь, неизмѣнный товарищъ его на Сулакской линіи, былъ подъ нимъ и въ эту роковую для него экспедицію. Но вотъ кавалерія выѣхала наконецъ на поляну. Круковскій повернулся въ сѣдлѣ и приказалъ драгунамъ остановиться; казаки пошли дальше, и скоро скрылись изъ вида.

Прошелъ цѣлый часъ томительнаго ожиданія. Къ драгунамъ стала подходить пѣхота, пріѣхалъ Барятинскій. Онъ былъ встревоженъ, не зная, что происходитъ на верхнихъ террасахъ Черныхъ горъ, гдѣ долженъ былъ находиться Круковскій. Вдругъ весь отрядъ заволновался: съ горъ скакали безпорядочною, разстроенною толпою казаки, но при нихъ не было ни атамана, ни ракетной команды. Одинъ офицеръ, отдѣлившись отъ этой толпы, подскакалъ къ Барятинскому и что-то шепнулъ ему на ухо. Барятинскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Не желая повѣрить извѣстію, онъ запретилъ разглашать то, что услышалъ, но уже по всему отряду пронеслась молва: атаманъ убитъ, ракетные станки потеряны! Впечатлѣніе было поражающее. Гребенская сотня и 3-й эскадронъ Нижегородцевъ первые понеслись на мѣсто происшествія. За ними двинулся Барятинскій съ остальными тремя эскадронами, приказавъ слѣдовать за собой и двумъ батальонамъ пѣхоты. Казаки были оттѣснены уже совершенно, и непріятель встрѣтилъ насъ въ завалахъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. 3-й эскадронъ тотчасъ спѣшился подъ командой поручика Реннера, и пошелъ въ штыки. Самъ Реннеръ и трое драгунъ были ранены, но завалъ былъ взятъ, а подоспѣвшая пѣхота окончательно очистила аулъ и дала возможность собрать нашихъ убитыхъ. Нижегородцамъ судьба предоставила высокое утѣшеніе оказать Круковскому послѣднюю услугу въ жизни—выручить тѣло его изъ рукъ непріятеля. Драгуны нашли его возлѣ мечети; онъ лежалъ посреди убитыхъ казаковъ, раздѣтый и изрубленный шашками, но крови на немъ уже не было,—очевидно, рубили мертваго... «По окончаніи дѣла», говоритъ въ своихъ мемуарахъ одинъ очевидецъ, «мимо отряда потянулась печальная процессія, показавшаяся намъ очень длинною—это переносили убитыхъ; лицъ ихъ нельзя было видѣть, потому что тѣла были закрыты походными бурками. Я насчиталъ уже 20 тѣлъ, когда показались носилки, за которыми шли съ непокрытыми головами казаки. Это были носилки атамана. Драгуны снимали шапки и усердно крестились, многіе плакали»... ([4]).

Обстоятельства смерти Круковскаго не выяснены до сихъ поръ. О нихъ подробно разсказываютъ въ своихъ запискахъ Ольшевскій, Клю-

чаревъ, Волконскій, Кравцевъ, баронъ Николаи и другіе (⁵). Но всѣ они говорятъ различно, и замѣчательно, что всѣ расходятся не въ мелочахъ или деталяхъ, а въ самой сущности дѣла. Выяснить истину—задача будущаго; но подробности смерти человѣка, игравшаго такую крупную роль въ жизни Нежегородскаго полка, не могутъ быть опущены и на страницахъ его исторіи. Мы остановимся на мемуарахъ барона Николаи, какъ лица ближе другихъ стоявшаго къ Барятинскому, и имѣвшему въ горахъ своихъ превосходныхъ лазутчиковъ.

Когда Круковскій отдѣлился съ казаками отъ колонны, въ горахъ только что еще раздался первый сигналъ тревоги, и жители ближайшихъ хуторовъ бросились частью къ заваламъ, а частію въ ущелье Гойты,—спасать свои семейства. Круковскій тотчасъ выдвинулъ впередъ двѣ сотни и приказалъ имъ сжечь два небольшіе хутора, виднѣвшіеся по сторонамъ дороги. Но сотни совершенно неожиданно пустились во весь опоръ вверхъ по ущелью, очевидно привлекаемыя жаждою добычи. Разгнѣванный, и предвидѣвшій бѣду, атаманъ самъ поскакалъ за ними съ остальными казаками; но пока онъ прибылъ на мѣсто,—катастрофа уже совершилась. Выбитые изъ своихъ заваловъ, чеченцы бросились въ аулъ, или, вѣрнѣе сказать, въ цѣлый рядъ скучившихся здѣсь хуторовъ, и мѣткимъ перекрестнымъ огнемъ сразу разстроили обѣ нападающія сотни. Хорунжій Дороховъ, попытавшійся было поправить дѣло, вынесся впередъ съ ракетными станками, но моментально былъ окруженъ чеченцами, и погибъ почти со всею командой. Тѣло храбраго офицера и оба ракетные станка остались въ рукахъ непріятеля (*). Въ эту минуту прискакалъ Круковскій. Казаки его быстро очистили аулъ, но, увлеченные пагубнымъ примѣромъ, и сами разсыпались по саклямъ. Круковскій приказалъ трубить сборъ, а между тѣмъ, подаваясь впередъ, выѣхалъ почти на опушку лѣса. Тутъ только онъ замѣтилъ, что при немъ находилось не больше двадцати человѣкъ, и послалъ адъютанта привести сюда сотню. Но пока адъютантъ скакалъ туда и обратно, случилось слѣдующее происшествіе:

Одинъ изъ чеченцевъ, по имени Мурдали, былъ настигнутъ казаками въ то время, когда уводилъ изъ аула свою престарѣлую мать. Казаки

(*) Такъ кончилъ свою мятежную и бурную жизнь тотъ самый Дороховъ, имя котораго десятки лѣтъ жило въ преданіяхъ Нижегородцевъ, вмѣстѣ съ славнѣйшими подвигами ихъ въ Паскевичевскихъ войнахъ.

изрубили старуху, но самъ Мурдали съ тремя другими чеченцами успѣлъ укрыться въ мечеть, стоявшую на самомъ краю аула. Здѣсь они притаились въ ежеминутномъ страхѣ быть открытыми казаками. Замѣтивъ однако, что шумъ удаляется, они осторожно подползли къ окну и увидѣли, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мечети стоялъ неподвижно всадникъ высокаго роста, на красивомъ бѣломъ конѣ и въ богатомъ оружіи. Это былъ атаманъ. Позади его въ такой же неподвижной позѣ стояло до двадцати казаковъ, и съ ними командиръ Волжскаго казачьяго полка маіоръ Полозовъ. Тогда, скрытые въ мечети, чеченцы дали залпъ изъ своихъ винтовокъ,—и атаманъ вмѣстѣ съ конемъ, какъ скошенный, повалился на землю. Громъ выстрѣловъ озадачилъ присутствовавшихъ здѣсь до того, что въ первую минуту всѣ растерялись. Полозовъ, опомнившійся первымъ, соскочилъ съ сѣдла, чтобы поднять атамана, но въ это самое время чеченцы, выскочивъ изъ ближняго оврага, кинулись въ шашки. Полозовъ и конвойные казаки были изрублены; остальные, выбитые изъ аула, поскакали назадъ, покинувъ тѣла убитыхъ въ рукахъ непріятеля. Чеченцы нанесли Круковскому еще нѣсколько шашечныхъ ранъ и обобрали до чиста: его бѣлая шубка, его оружіе—шашка, кинжалъ и лепажевскіе пистолеты, его ордена, золотые часы—все досталось непріятелю. Но если бы чеченцы знали, что убитый ими человѣкъ былъ грозный вождь линейныхъ казаковъ, за которымъ возилось иногда больше значковъ, чѣмъ за всѣми ихъ наибами, взятыми вмѣстѣ,—они бросили бы всѣ эти вещи и взяли бы съ собою только его тѣло. Если за трупъ Дорохова Барятинскій охотно заплатилъ 600 рублей серебромъ, то что бы онъ далъ за Круковскаго! Впрочемъ ему удалось выкупить, хотя и за весьма дорогую цѣну, георгіевскій крестъ и орденъ св. Станислава 1-й степени, принадлежавшие покойному; онъ выкупилъ также его лепажевскіе пистолеты; но съ шашкой и кинжаломъ русскаго наиба Шамиль не захотѣлъ разстаться ни за какія деньги.

Къ вечеру отрядъ отошелъ на ночлегъ къ укрѣпленію Урусъ-Мартану, куда прибыла и другая колонна, ходившая съ барономъ Вревскимъ въ верховья Рошни и Валерика. «Подходя къ укрѣпленію», разсказываетъ баронъ Николаи, находившійся въ этой колоннѣ: «мы встрѣтили сотню казаковъ, отъ которыхъ узнали впервые о смерти Круковскаго. Печаль и удивленіе общія. Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы вошли въ укрѣпленіе, куда раньше насъ прибыла уже колонна Барятинскаго. Я

тотчасъ же отправился въ домъ воинскаго начальника. На лицахъ всѣхъ, меня встрѣчавшихъ, было выраженіе глубокой печали. Я засталъ князя Барятинскаго сильно огорченнаго понесенной потерею, но не упавшаго духомъ. Служилась панихида по атаманѣ и по его убитымъ сподвижникамъ. Тѣло его и маіора Полозова выставлены были въ церкви. Атаманъ лежалъ въ простомъ, некрашенномъ досчатомъ гробѣ, а тѣло Полозова положено было прямо на полъ. Какое это было потрясающее, печальное зрѣлище!»...

«Потеря наша въ этомъ набѣгѣ», доносилъ князь Барятинскій, «не превышаетъ 32-хъ человѣкъ, но въ этомъ небольшомъ числѣ людей, навсегда выбывшихъ изъ строя храбраго Кавказскаго корпуса, есть одна доблестная и незамѣнимая потеря: это наказной атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска генералъ-маіоръ Круковскій, павшій въ бою, какъ безстрашный и строгій къ подчиненнымъ, а еще болѣе строгій къ самому себѣ, воинъ. Военныя качества его и управленіе войскомъ извѣстны всѣмъ»... ([6]).

«Если бы выбрать изъ войска тысячу лучшихъ людей», писалъ князь Воронцовъ къ военному министру, «и у каждаго изъ этихъ людей взять его лучшія достоинства и качества, то и тогда сумма ихъ не перевѣсила бы тѣхъ качествъ, которыми обладалъ покойный атаманъ, совершенно незамѣнимый для нашего Кавказскаго казачества»... ([7]).

На другой день, 19-го января, передъ выступленіемъ изъ Урусъ-Мартана, весь отрядъ былъ выстроенъ за воротами укрѣпленія, чтобы отдать послѣднюю боевую почесть покойному атаману. Отслужили панихиду, вынесли изъ церкви бѣлый, некрашенный гробъ, установили его на высокія прочныя сани, и печальный поѣздъ, подъ охраной сотни линейныхъ казаковъ, двинулся въ Грозную. Грустно встрѣчали на линіи возвращающійся прахъ атамана; всѣ жители безмолвно выходили на дорогу; пушечные выстрѣлы и погребальный перезвонъ колоколовъ неслись къ нему на встрѣчу изъ каждаго города, изъ каждой станицы,— и они же доносили вѣсть въ далекія горы о смерти грознаго казацкаго генерала. Было отъ чего порадоваться чеченцамъ: въ прошломъ году они отдѣлались отъ Слѣпцова, въ нынѣшнемъ не стало Круковскаго,—не стало тѣхъ людей, которые кровью и рыцарскою доблестью вписали свои имена въ ихъ народныя эпическія пѣсни. Оба героя пали въ лѣсахъ Малой Чечни,—обстоятельство, которымъ гордился особенно Гехинскій народъ.

Изъ Грозной боевые останки Круковскаго были перевезены въ Екатериноградскую станицу, и тамъ похоронены въ оградѣ соборнаго храма, въ которомъ при жизни любилъ молиться покойный. Надъ его могилой, огороженной чугунною рѣшеткою, стоитъ теперь скромный памятникъ. Этотъ памятникъ возникъ на скромныя средства офицеровъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска: это была послѣдняя признательная дань ихъ своему обожаемому начальнику.

На мѣсто Круковскаго въ чеченскій отрядъ былъ вызванъ изъ Чиръ-Юрта командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка полковникъ князь Чавчавадзе «.....Это храбрый и превосходный офицеръ», писалъ о немъ Воронцовъ къ князю Барятинскому, «и я очень желаю, чтобы онъ прибылъ къ вамъ какъ можно скорѣе, потому что, ежели Шамиль будетъ тревожить васъ внѣ долинъ и густыхъ лѣсовъ, то наша прекрасная кавалерія будетъ имѣть случай дать ему отличный урокъ»... (8).

Въ ожиданіи этого случая, работы по вырубкѣ просѣкъ, перерванныя 17-го числа, опять возобновились во всѣ стороны отъ Шалинской поляны. Батальоны очередовались между собою, но кавалерія не знала очереди и раздѣляла труды и безсонныя ночи со всѣми колоннами безъ исключенія. Изъ цѣлаго ряда движеній, послѣдовавшихъ за гойтинскою катастрофою, выдается особенно вырубка сплошного орѣшника по правому берегу Баса. Работы продолжались два дня подъ непрерывною канонадой со стороны непріятеля. Десять нашихъ орудій, выдвинутыхъ на позицію, не могли заставить молчать непріятельскую артиллерію, и 29-го января бой разгорѣлся такъ сильно, что начальникъ колонны баронъ Меллеръ-Закомельскій, проѣзжая мимо драгунскихъ эскадроновъ, сказалъ подполковнику Эттингеру: «По всей вѣроятности, драгуны будутъ имѣть сегодня хорошее кавалерійское дѣло». Драгуны это слышали и пріободрились. Но предоставить кавалеріи случай къ отличію зависѣло не отъ барона Меллера,—этимъ распоряжался Шамиль: а онъ не пожелалъ преслѣдовать наши войска по открытой равнинѣ, и провожалъ ихъ издали все тою же неугомонной канонадою. Драгуны вернулись съ обманутыми надеждами, обвиняя въ своихъ неудачахъ всѣхъ, кромѣ настоящаго виновника—случая (9).

Отъ Шалинской поляны съ 1-го февраля перешли къ вырубкѣ лѣсовъ по обѣ стороны Аргуна, и потомъ по Джалкѣ, чтобы доставить и Грозной свободное сообщеніе съ Шалинскою поляной, какъ это сдѣ-

Могила Круковскаго въ оградѣ Екатериноградскаго собора.

лано было уже для Воздвиженской. 11-го февраля, въ колоннѣ, выступившей на рубку лѣса подъ командой полковника Веревкина, находился и 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка; 2-й дивизіонъ остался дома. Войска подошли къ аулу Мискиръ-Юрту, и драгуны расположились на кладбищѣ, въ прикрытіе поставленной здѣсь артиллеріи. Непріятель скоро открылъ канонаду, продолжавшуюся нѣсколько часовъ къ ряду; его гранаты ложились на кладбище, и громили могильныя плиты, осколки которыхъ крестили воздухъ, не хуже самыхъ гранатъ. Работы между тѣмъ покончились; но едва отрядъ сталъ отступать, какъ непріятель всею массой переправился на лѣвый берегъ Джалки и сталъ насѣдать на арьергардъ. Съ нимъ было два орудія. Еще ни разу намъ не удавалось видѣть такъ хорошо, и на такомъ близкомъ разстояніи шамилевскую артиллерію. Лошади подъ орудіями были темносѣрыя, поворотливыя и сильныя. Чѣмъ дальше отступала колонна, тѣмъ болѣе непріятель удалялся отъ Джалки, и тѣмъ труднѣе было увезти ему артиллерію, если бы мы внезапно перешли въ наступленіе. Въ эту минуту къ драгунамъ подъѣхалъ колонный начальникъ. «Подполковникъ Эттингеръ!» сказалъ онъ, обратясь къ дивизіонеру. «Непріятель сейчасъ откроетъ огонь. Какъ только раздастся выстрѣлъ—скачите прямо на орудія, пѣхота поддержитъ васъ». Колонна остановилась. Черезъ полминуты съ непріятельской стороны грянулъ пушечный выстрѣлъ... Но драгуны стоятъ неподвижно... Еще выстрѣлъ—и пѣхота съ крикомъ «ура!» бросилась на артиллерію, но артиллеріи уже не было на позиціи. Это были конныя орудія, съ прекрасною запряжкой,—и они моментально ушли отъ пѣхоты. Казаки, стоявшіе далеко въ сторонѣ, пустились было въ погоню, но было уже поздно,—орудія перескочили Джалку... Драгуны продолжали стоять неподвижно... Въ своихъ мемуарахъ баронъ Николаи считаетъ весь этотъ случай печальнымъ недоразумѣніемъ ([10]). Оно такъ и было въ дѣйствительности,—это было недоразумѣніе печальное, но поучительное для кавалеріи, находящейся всегда въ зависимости отъ того, кто ею командуетъ. Будь передъ фронтомъ драгунъ Золотухинъ, Тихоцкій, Шульцъ, Петровъ, Захарій Чавчавадзе, Макаровъ—и Нижегородцы украсили бы страницы своей исторіи взятіемъ шамилевскихъ пушекъ. Но передъ фронтомъ стоялъ подполковникъ Эттингеръ—офицеръ безупречно храбрый, но суровый педантъ и точный, методичный исполнитель только отданнаго приказанія. Если Золотухинъ считалъ, что увидѣть непріятеля

и не атаковать его въ ту же минуту—есть уклоненіе отъ службы, то Эттингеръ во всякой атакѣ, предпринятой на личный рискъ, безъ положительнаго приказанія начальства, видѣлъ нарушеніе порядка службы и даже своеволіе. Приказанія, отданнаго начальникомъ колонны лишь въ общей формѣ, ему было мало. Онъ ожидалъ сигнала; и если бы сигналъ послѣдовалъ,—Эттингеръ исполнилъ бы свое дѣло не хуже другого; но сигнала не было,—и орудія ушли на глазахъ двухъ эскадроновъ Нижегородцевъ. Винить въ этомъ никого не слѣдуетъ; это былъ результатъ той школы, въ которой воспитывалась вся русская армія. Одни кавказцы составляли изъ этого исключеніе. Загладить невольный промахъ у Мискиръ-Юрта драгунамъ такъ и не удалось. Ходили еще нѣсколько разъ на рубку лѣса, но непріятель былъ остороженъ, и если стрѣлялъ изъ своихъ орудій, то изъ такой дали, что добраться до нихъ не было возможности. Тѣмъ не менѣе канонада не всегда проходила безслѣдно, и въ 6-мъ эскадронѣ былъ убитъ ядромъ наповалъ барабанщикъ (11).

Вырубили, наконецъ, лѣса и на Джалкѣ. Всѣ полагали, что экспедиція окончилась, и войска уже мечтали о своихъ штабъ-квартирахъ, какъ вдругъ 17-го февраля барабаны пробили «подъемъ» и весь отрядъ вмѣсто Грозной потянулся по новой просѣкѣ на Мискиръ-Юртъ, откуда повернулъ къ Гельдигену. Барятинскій опять стоялъ въ самомъ центрѣ Чечни; и тогда-то родилась у него смѣлая мысль—пройти на Кумыкскую плоскость кратчайшимъ путемъ, прямо черезъ страшный Маіортупскій орѣшникъ, закрывавшій отъ насъ Куринское укрѣпленіе. Шамиль предугадалъ намѣреніе Барятинскаго, и съ 10-ти-тысячнымъ скопищемъ расположился на Мичикѣ. Послѣ небольшого привала отрядъ въ тотъ же день выступилъ изъ Гельдигена, и, подвигаясь впередъ съ перестрѣлкой, увидѣлъ наконецъ передъ собой знаменитый орѣшникъ. Это былъ моментъ, котораго всѣ ожидали съ замираніемъ сердца. И, дѣйствительно, едва войска очутились въ его непролазной чащѣ, какъ со всѣхъ сторонъ хлынули на нихъ густыя толпы непріятеля. Онѣ охватили колонну желѣзнымъ кольцомъ, и бой, длившійся три съ половиною часа, сталъ затихать только тогда, когда войска вышли, наконецъ, къ Маіортупу. Потеря была большая. Солдаты не хотѣли бросать убитыхъ, и выносили ихъ въ обозъ, чтобы похоронить на русской, а не на вражеской землѣ. Но отъ этого, однако, пришлось отказаться. Убитыхъ было такъ много, что ими переполнились всѣ повозки, даже свободные артиллерійскіе лафеты, и больше

класть было некуда. Ихъ довезли до Маіортупа и похоронили ночью. Офицеръ Нижегородскаго полка прапорщикъ князь Аргутинскій, присутствовавшій при этой печальной церемоніи, говоритъ, что на его глазахъ похоронили въ аулѣ 180 человѣкъ, не считая 18-ти умершихъ отъ ранъ за ночь. Раненыхъ было болѣе 200 человѣкъ ([12]).

На слѣдующій день, 18-го февраля, такимъ же порядкомъ пришлось пробиваться отъ Маіортупа къ Мичику. Если бы горцы заняли выходъ изъ орѣшника, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончилась попытка князя Барятинскаго,—но въ эту критическую минуту изъ Куринскаго укрѣпленія появился Баклановъ. Сосѣди Бакланова,—мичиковцы предвидѣли возможность этого случая и говорили Шамилю: «Напрасно, имамъ, ты сторожишь эту старую лисицу здѣсь, на открытомъ мѣстѣ; Баклю не пойдетъ къ тебѣ въ зубы; сторожи его тамъ, гдѣ мышь не проползетъ, иначе кончится тѣмъ, что онъ будетъ за Мичикомъ».—Но гдѣ же онъ перейдетъ его съ своими пушками? спрашивалъ Шамиль, оглядывая съ недоумѣніемъ разстилавшіеся кругомъ его густые лѣса.

«Гдѣ пролетаетъ птица и проползаетъ змѣй», говорили старшины мичиковскаго народа, «тамъ и дорога Бакланова». Шамиль разсердился. «Если бы вы боялись Аллаха, такъ какъ боитесь Бакланова», отвѣчалъ онъ,—«вы были бы святые» ([13]). Но старшины были правы: занялась заря,—и горцы съ ужасомъ увидѣли колонну Бакланова, стоявшую уже передъ входомъ въ орѣшникъ. Теперь, если бы они и попытались даже запереть Барятинскаго въ этомъ орѣшникѣ,—то очутились бы сами между наковальней и молотомъ. Они это поняли,—и открыли дорогу.

Первая половина задачи, такимъ образомъ, была окончена; оставалась вторая—переправа черезъ Мичикъ. Барятинскій выдвинулъ впередъ артиллерію, и подъ ея прикрытіемъ пустилъ въ атаку всю массу своей конницы. Баклановъ съ казачьимъ полкомъ понесся на правый, князь Чавчавадзе съ четырьмя эскадронами драгунъ и двумя линейными сотнями—на лѣвый флангъ непріятеля. Шамиль сначала не придалъ особаго значенія движенію нашей кавалеріи; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообразить, что это не демонстрація, а настоящая атака, драгуны уже были въ лѣсу, спѣшились, и взяли штурмомъ редутъ Шуанибъ-Кала, прикрывавшій самую переправу. Въ тотъ же моментъ Баклановъ овладѣлъ завалами... Еще минута,—кавалерія могла заскакать въ тылъ непріятеля, и тогда пораженіе его становилось неизбѣжнымъ. Шамиль по-

нялъ опасность и, поспѣшивъ убрать артиллерію, очистилъ переправу. Войска перешли Мичикъ, и дошли до Куринскаго безъ выстрѣла. Говорили потомъ, что если бы князь Чавчавадзе не остановился въ редутѣ, а перескочилъ глубокій лѣсистый оврагъ, то орудія Шамиля, скакавшія у него на виду безъ всякаго прикрытія, были бы имъ взяты. Вопросъ этотъ, конечно, спорный. Но кто знаетъ,—не повелъ ли бы за собою подобный рискованный шагъ только къ большимъ, и притомъ къ совершенно напраснымъ и ненужнымъ потерямъ? Князь Барятинскій понималъ это лучше другихъ, и съ особенною похвалою отозвался о дѣйствіяхъ князя Чавчавадзе.

«Я очень радъ», отвѣчалъ ему на это Воронцовъ, «что Чавчавадзе имѣлъ случай для удачной атаки. Послѣдній разъ, когда я его видѣлъ и поздравлялъ съ прекрасною выдержкою его драгунъ, онъ мнѣ сказалъ, что ему, какъ командиру полка, очень пріятно это слышать, но слишкомъ грустно, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ командуетъ этимъ славнымъ полкомъ, онъ ни разу еще не слыхалъ ни одного свиста пули... Я писалъ государю, что вы были имъ очень довольны въ теченіе всей вашей зимней кампаніи...» ([14]).

Изъ Куринскаго отрядъ снова возвратился въ Грозную, докончилъ рубку лѣсовъ между Аргуномъ и Сунжей по направленію къ Умаханъ-Юрту, и былъ распущенъ только 2-го марта.

За экспедицію 1852 года князь Чавчавадзе получилъ Монаршее благоволеніе и чинъ генералъ-маіора; капитаны Зиновьевъ и Моисѣевъ произведены въ маіоры; прапорщики Батіевскій, Мамуловъ и Щеголевъ—въ поручики; унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся князь Иванъ Гивичъ Амилахвари и унтеръ-офицеръ Димитрій Зоринъ (изъ разжалованныхъ) въ прапорщики; подполковникъ Эттингеръ и капитанъ Рѣзановъ получили золотыя шашки; маіоръ Моллеръ—Анну 2-й ст., штабсъ-капитанъ Зинченко и поручикъ Реннеръ—3-й ст., и поручики графъ Менгденъ и Аветовъ—4-й. Прапорщику Преклонскому—уничтоженъ штрафъ. Нижнимъ чинамъ пожаловано 24 знака отличія Военнаго ордена ([15]).

Окончивъ зимній походъ, Нижегородцы возвратились въ штабъ-квартиру, гдѣ ихъ ожидало торжество, — освященіе георгіевскаго штандарта, пожалованнаго 4-му дивизіону за прошлогоднюю экспедицію.

21-го марта 1852 года въ Чиръ-Юртѣ, на полковой площадкѣ, выстроился весь десяти-эскадронный полкъ въ полномъ своемъ составѣ.

Три георгіевскіе штандарта, зеленые, полинялые отъ времени, осѣняли собою три первые его дивизіона, но передъ 4-мъ—штандарта не было. Ровно въ 9 часовъ его вынесъ изъ дома полкового командира старшій вахмистръ 7-го эскадрона, сѣдой шевронистъ, съ георгіевскимъ крестомъ на груди, и помѣстился съ нимъ позади аналоя, на которомъ уже лежали крестъ и святое евангеліе. Этотъ новый штандартъ,—бѣлый, въ отличіе отъ прочихъ зеленыхъ, былъ встрѣченъ безъ обычныхъ почестей. Но эта-то, ничѣмъ не нарушимая благоговѣйная тишина, это-то безмолвіе, въ рядахъ окрѣпшихъ въ битвахъ драгунъ, и придали особый торжественный видъ всей церемоніи. Когда обрядъ освященія окончился, Чавчавадзе скомандовалъ: «На караулъ!»—и полковой аудиторъ прочелъ передъ полкомъ Высочайшую грамоту.

Божіею Милостію

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕМУ Драгунскому Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полку.

Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ свидѣтельствуетъ предъ Нами о примѣрномъ мужествѣ и храбрости, оказанныхъ четвертымъ дивизіономъ Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка въ дѣлахъ противъ Горцевъ въ Чечнѣ, особенно 27-го минувшаго Февраля на рѣкѣ Басѣ за Шалинскою поляною, гдѣ дивизіонъ сей, атаковавъ непріятеля съ полнымъ самоотверженіемъ и рѣшимостію, нанесъ ему совершенное пораженіе.

Въ ознаменованіе особеннаго Нашего за сіе къ помянутому дивизіону Монаршаго благоволенія, Всемилостивѣйше жалуя оному Георгіевскій штандартъ съ надписью: «За отличные подвиги въ Чечнѣ въ 1851 году», Повелѣваемъ штандартъ сей, освятивъ по установленію, употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, коими постоянно отличается Россійское побѣдоносное воинство.

Николай 1-й.

С.-Петербургъ
25 марта 1851 года

Послѣ чтенія грамоты началось молебствіе. Преклонивъ колѣно, и принявъ штандартъ изъ рукъ священника, князь Чавчавадзе громко повторялъ за нимъ слова присяги, а всѣ командиры дивизіоновъ держались за полотно, какъ бы знаменуя тѣмъ, что на нихъ, какъ на старшихъ начальникахъ, болѣе всѣхъ лежитъ обязанность защищать святую хоругвь до послѣдней капли своей крови. По окончаніи обряда князь Чавчавадзе при громѣ музыки и неумолкаемомъ «ура» передалъ штандартъ 4-му дивизіону.

«Ребята! сказалъ онъ, обращаясь къ полку: «Я былъ въ рядахъ вашихъ молодымъ офицеромъ, когда за турецкую и персидскую войну государь императоръ наградилъ насъ георгіевскими штандартами. Теперь, по прошествіи 24 лѣтъ, Господь снова сподобилъ меня за ваше мужество и вашу молодецкую храбрость, вмѣстѣ съ вами раздѣлить новую милость Монарха. Сейчасъ изъ рукъ духовнаго пастыря я принялъ георгіевскій штандартъ 4-го дивизіона, и передаю вамъ эту драгоцѣнную святыню. Храните ее болѣе жизни: въ ней—честь ваша и слава!»

Невыразимое чувство—говоритъ одинъ очевидецъ—охватило всѣхъ, когда новый штандартъ сталъ передъ рядами 4-го дивизіона. Это чувство не было тщеславіемъ или гордостью; это была какая-то безотчетная, ликующая радость, что вотъ, молодой, еще недавно сформированный дивизіонъ нашъ сразу становится передъ лицомъ государя на ряду со старыми кавказскими ветеранами... ([16]).

Помимо этого торжества, начало 1852 года принесло полку и нѣкоторыя перемѣны въ его административномъ составѣ. Такъ, подполковникъ Эттингеръ перешелъ на службу въ Россію, а командиромъ 3-го дивизіона назначенъ былъ на его мѣсто маіоръ Петровъ. Почти въ то же время командиръ лейбъ-эскадрона маіоръ Джемарджидзе получилъ въ командованіе вновь сформированный Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, а лейбъ-эскадронъ принялъ отъ него капитанъ Макаровъ ([17]).

Вмѣстѣ съ сформированіемъ новаго Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, Нижегородскій полкъ отчисленъ былъ изъ состава 3-й бригады Грузинскихъ линейныхъ батальоновъ, командиру которой онъ подчинялся на правахъ бригаднаго командира съ самаго прихода своего на Сулакъ, и теперь вмѣстѣ съ Дагестанскимъ полкомъ образовалъ новую кавалерійскую бригаду, подъ начальствомъ генералъ-маіора Суслова ([18]).

Къ началу военныхъ дѣйствій Сусловъ прибылъ въ Шуру и встрѣтилъ

тамъ 4-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, прибывшій изъ Чиръ-Юрта въ составъ Дагестанскаго отряда. На этотъ разъ драгунамъ не пришлось, однако, участвовать въ экспедиціи вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ: ему порученъ былъ особый отрядъ, охранявшій Казикумыкское ханство, тогда какъ драгуны, въ составѣ главныхъ силъ, перешли 3-го іюля на Кутишинскія высоты. Впрочемъ военныхъ дѣйствій въ этомъ году не было; Шамиль не выѣзжалъ изъ своей резиденціи, и только передовые отряды, высланные имъ на пограничную линію, слѣдили за нашими войсками (19).

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Никакихъ тревожныхъ извѣстій, ничего, что хоть сколько-нибудь напоминало бы собою войну, не было,— и лагерь боевого отряда сталъ походить чуть не на лагерь внутренней Россіи. Драгуны выходили по утрамъ на пѣшія ученья, или занимались легкою проѣздкой своихъ застоявшихся коней. Князя Аргутинскаго въ это время не было. Разбитый параличемъ послѣ табасаранскаго похода, старый генералъ уѣхалъ лѣчиться за границу, и войсками временно командовалъ вмѣсто него генералъ-маіоръ князь Григорій Орбеліани, прибывшій съ лезгинской кордонной линіи. Казалось бы, что Шамилю удобнѣе всего было воспользоваться отсутствіемъ настоящаго хозяина края; но у него не было больше Хаджи-Мурата. Нѣсколько разъ собиралъ онъ лучшихъ своихъ наибовъ, настойчиво требуя отъ нихъ новыхъ вторженій въ Кайтагъ или Табасарань; но наибы отказывались упорно, и самое предпріятіе считали безразсуднымъ. Только одинъ разъ за все это время разнесся слухъ, что около развалинъ Салтовъ появилось какое-то значительное скопище. За этотъ слухъ ухватились всѣ,—и 31-го іюля войска, покинувъ надоѣвшую всѣмъ стоянку, перешли на Турчидагское плато. Непріятель, дѣйствительно, стоялъ у Салтинскаго моста; но онъ во-время провѣдалъ о нашемъ движеніи, и тотчасъ отступилъ. На другой день вся кавалерія спустилась къ Салтамъ. Все находилось тамъ въ томъ же положеніи, какъ было оставлено нами въ 1847 году: высокій бурьянъ и густая полынь покрывали окрестность, и даже самыя террасы, на которыхъ были посѣвы, теперь были голы и ничѣмъ не засѣяны. До самаго Казикумыкскаго Койсу не было ни малѣйшаго признака жизни—это страна вымершая. Дойдя до Салтинскаго моста, кавалерія повернула назадъ и поднялась опять на Турчидагское плато, гдѣ войска простояли уже до тѣхъ поръ, пока не заставили ихъ спуститься внизъ холодные осенніе туманы.

Подъемъ отряда на Турчидагъ.

Драгуны перешли въ Большой Дженгутай, и тамъ должны были оставаться до тѣхъ поръ, пока въ горахъ выпадутъ большіе снѣга и забушуютъ метели ([20]).

Но между тѣмъ какъ 4-й дивизіонъ стоялъ спокойно у самаго кратера, на этотъ разъ полупотухшаго волкана, на Сулакской линіи остальные эскадроны Нижегородскаго полка не знали, что такое отдыхъ, до такой степени осеннія тревоги были часты и носили характеръ большихъ открытыхъ вторженій ([21]).

Первая тревога случилась 27-го августа, когда изъ Міатлинской башни выслана была въ Чиръ-Юртъ оказія за съѣстными припасами для гарнизона. Оказія выступила утромъ—и къ мѣсту своего назначенія не пришла. Съ башни видѣли, какъ прикрытіе спустилось въ балку, слышали затѣмъ какъ раздался ружейный залпъ, прогремѣло враздробь нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ—и все стихло: команда больше не показывалась. Черезъ пять или десять минутъ изъ балки выѣхала конная партія, человѣкъ въ двѣсти, и понеслась къ Сулаку. Съ башни дали девять пушечныхъ выстрѣловъ,—сигналъ усиленной тревоги. Два эскадрона драгунъ прискакали сюда черезъ часъ, но преслѣдовать было уже некого. Въ балкѣ драгуны нашли девять изрубленныхъ тѣлъ, а остальные 12 человѣкъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ увезены были въ горы. Изъ команды не спасся ни одинъ человѣкъ ([22]). Съ этихъ поръ непріятелемъ овладѣваетъ какая-то лихорадочная дѣятельность. Два раза пытаются горцы штурмовать Хутумбашевскій фортъ, нападаютъ на Евгеніевское, разбиваютъ оказіи то у Кумтеръ-Кале, то у Казіюрта, или пытаются переходить Сулакъ значительными партіями, съ двумя и даже съ тремя значками. Одну изъ такихъ партій графъ Менгденъ выслѣдилъ на томъ берегу, и 26-го сентября устроилъ противъ нея засаду съ своими охотниками. Онъ далъ ей переправиться черезъ Сулакъ, и затѣмъ, отрѣзавъ отъ переправы, открылъ по ней мѣткій огонь. Горцы кинулись было на Хутумбашъ, но оттуда какъ разъ показалась колонна, слѣдовавшая изъ Шуры въ Евгеніевское,—и непріятель попалъ между двухъ огней. На этотъ разъ горцы понесли большую потерю, и даже оставили нѣсколько тѣлъ, подобранныхъ нашими охотниками ([23]).

Случались, разумѣется, тревоги и фальшивыя, и даже такія, которымъ трудно придумать названіе, потому что въ источникѣ ихъ лежала одна неисходная тоска, доводящая иногда людей до одуренія. Однажды, разсказываетъ, напр., Зиссерманъ: съ башни загремѣли такіе учащен-

ные выстрѣлы, что можно было подумать ужь не самую ли башню атаковали горцы. Дагестанскія роты бѣжали изъ-подъ Чиръ-Юрта, что было мочи; два драгунскихъ эскадрона проскакали, обогнавъ ихъ, не доходя до башни; оказалось, что бывшій тамъ прапорщикъ линейнаго батальона, наряженный туда не въ очередь на цѣлый мѣсяцъ, затѣялъ пальбу... отъ скуки. На вопросъ прискакавшихъ драгунъ, что случилось,— онъ пресерьезно отвѣчалъ изъ амбразуры: хотѣлъ узнать, какъ здоровье Марьи Ивановны (жены одного офицера). Всѣ покатились со смѣху ([24]).

Но и фальшивыя, и настоящія тревоги равно утомляли войска, и особенно нашихъ драгунъ, у которыхъ лошади не выходили изъ-подъ сѣделъ. Надо было наконецъ выйти изъ такого напряженнаго состоянія, и командующій войсками приказалъ сдѣлать набѣгъ въ самую Салатавію, чтобы уничтоженіемъ запасовъ сѣна и хлѣба заставить Каиръ-бека распустить собранную имъ кавалерію. И вотъ, 17-го ноября вечеромъ четыре эскадрона драгунъ скрытно передвинулись въ Евгеніевское, гдѣ нашли уже 11 ротъ пѣхоты и весь Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ съ четырьмя орудіями. Въ полночь весь этотъ отрядъ, подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Волкова, командовавшаго когда-то Лабинскою линіею, вошелъ въ Салатавію и двинулся къ верховьямъ Теренгульскаго оврага. Сильный морозъ, разогнавшій по домамъ всѣ сторожевые пикеты, значительно облегчилъ успѣхъ нашего предпріятія. Какъ ночныя тѣни скользятъ беззвучно, не касаясь земли, такъ пронеслась и наша кавалерія мимо спавшихъ ауловъ—и вдругъ остановилась: передъ нею стояла двухъ-саженная каменная стѣна, которая перегораждала путь повсюду, куда ни обращались драгуны и дагестанцы. Это былъ огромный каменный завалъ, начинавшійся у горы Дюзъ-Тау и огибавшій собою всѣ изгибы Теренгульскаго оврага. Три часа потребовалось для нашей пѣхоты, чтобы продѣлать какіе-нибудь проходы; но когда это было исполнено,—огонь мгновенно охватилъ громадное пространство, густо заставленное стогами сѣна и хлѣба. Черный, ѣдкій дымъ, сквозь который прорывались огненные языки пламени, застлалъ окрестность, и потянулъ на аулы. Изъ стараго Буртуная прежде всѣхъ увидали страшный пожаръ, и подняли тревогу, мгновенно охватившую всю Салатавію. Но пока горцы собрались и сообразили въ чемъ дѣло, отрядъ уже перешелъ обратно Сулакъ, и съ пѣснями подходилъ къ Евгеніевскому ([25]).

Набѣгъ окончился, и драгуны, отдѣлившись отъ колонны еще на дорогѣ, пошли прямо въ Чиръ-Юртъ, куда черезъ нѣсколько дней прибылъ и 4-й дивизіонъ изъ Большого Дженгутая. Въ первый разъ за послѣдніе три года Нижегородцы всѣ вмѣстѣ встрѣтили рождественскія святки,—но онѣ были и послѣднія въ Чиръ-Юртѣ.

Екатериноградскій соборъ, въ оградѣ котораго похороненъ Круковскій.

Въ саклѣ горца.

IX.

На Сулакѣ.

(Радомцевъ и Агало).

(1850—1853 г.).

Положеніе Сулакской линіи въ концѣ 1850 года.—Кто такой былъ Радомцевъ.—Дерзкіе набѣги его на линію.—Пораженіе его партіи Нижегородскими охотниками 15-го марта.—Замѣчаніе, сдѣланное по поводу этого дѣла государемъ.—Абдулла и его дѣятельность.—Новые разбои Радомцева.—Вторичное пораженіе его партіи Нижегородцами 17-го августа 1851 года.—Друкратное появленіе Радомцева въ самомъ Чиръ-Юртѣ.—Плѣнъ Агало, и условіе, заключенное съ нимъ княземъ Чавчавадзе.—Голова Радомцева въ Чиръ-Юртѣ.—Миссія, возложенная на Агало салатавскимъ наибомъ.—Свѣтлѣйшій князь Салтыковъ.—Встрѣча его съ императоромъ Николаемъ, и коренная перемѣна въ судьбѣ его.—Салтыковъ въ Чиръ-Юртѣ.—Агало дѣлаетъ его мишенью для искупленія своей головы.—Ошибка Агало и плѣнъ Готовицкаго.

Осеннія тревоги 1852 года, вызвавшія съ нашей стороны такую серьезную мѣру, какъ набѣгъ въ Салатавію, являлись лишь отраженіемъ

предшествовавшихъ событій, которыя, развиваясь постепенно на небольшомъ участкѣ около штабъ-квартиры Нижегородскаго полка, охватили наконецъ собою весь пограничный районъ, лежавшій между Сулакомъ, Каспійскимъ моремъ и передовыми уступами Нагорнаго Дагестана. События эти во многихъ отношеніяхъ не лишены интереса, а потому необходимо сказать о нихъ нѣсколько подробнѣе.

Мы оставили Сулакскую линію въ концѣ 1850 года, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ темиргоевской катастрофы. Съ тѣхъ поръ въ охранѣ ея не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ: та же охотничья команда составляла ея передовую стражу, и тѣ же, свободные отъ экспедицій эскадроны Нижегородскаго полка стояли въ резервѣ. Правда, число мирныхъ жителей въ нашихъ аулахъ нѣсколько увеличилось новыми выходцами изъ Салатавіи; но за то и въ Салатавіи прибавились такіе враждебные намъ элементы, какихъ прежде не было, и съ которыми теперь приходилось считаться.

Было одно обстоятельство, особенно обострившее наши отношенія къ сосѣдямъ, и выдвинувшее на первый планъ личность, о которой скоро заговорила вся Сулакская линія. Это былъ нѣкто Радомцевъ— простой Нижегородскій драгунъ, бѣжавшій изъ 9-го эскадрона осенью 1850 года. Безграмотный, но одаренный недюжиннымъ умомъ, чуткимъ самолюбіемъ и избыткомъ энергіи, онъ былъ выкроенъ изъ того матеріала, изъ котораго выкраиваются у насъ на Руси такіе представители темной силы, какъ Стеньки Разины, Пугачевы и другіе. Не находя простора своей размашистой натурѣ въ тѣхъ скромныхъ условіяхъ, въ которыя поставила его судьба, онъ искалъ только случая, чтобы разорвать путы, связывавшія его свободу, и какъ только случай подвернулся, онъ съ какимъ-то дикимъ азартомъ кинулся въ жизнь ренегата. Самый побѣгъ его въ горы сопровождался такимъ оригинальнымъ пріемомъ, который сразу выдѣлилъ его изъ среды другихъ дезертировъ. Онъ не хотѣлъ бѣжать тайно, онъ предпочелъ сдѣлать это открыто, на глазахъ у всѣхъ, чтобы не оставить и тѣни сомнѣнія въ своихъ настоящихъ намѣреніяхъ. Отправившись однажды на водопой вмѣстѣ съ своимъ эскадрономъ, онъ незамѣтно выѣхалъ на середину рѣки и вдругъ, обернувшись къ товарищамъ, крикнулъ: «Прощайте, братцы, не поминайте лихомъ! Я васъ буду видѣть, но вы-то меня больше не увидите!...» Съ этими словами онъ гикнулъ, и неосѣдланный конь на глазахъ всего эскадрона вынесъ его на противополож-

ный берегъ [1]. Радомцевъ бѣжалъ въ Салатавію, гдѣ его приняли, какъ принимали въ горахъ вообще дезертировъ, съ распростертыми объятіями. Салатавскій наибъ Каиръ-бекъ обласкалъ его, поселилъ въ Делымѣ и пріискалъ ему даже невѣсту. Для горцевъ онъ былъ настоящій кладъ, какъ человѣкъ, которому вся жизнь, обычаи, и всѣ домашніе распорядки Чиръ-Юрта были извѣстны, какъ свои пять пальцевъ.

Первою жертвой его и сдѣлался въ штабъ-квартирѣ Нижегородскаго полка русскій торговецъ Григорьевъ, лавка котораго съ краснымъ товаромъ стояла внизу, на самомъ краю Новой слободки [2]. Однажды, въ глухую полночь, оттуда раздались отчаянные, раздирающіе душу крики. Въ штабъ-квартирѣ и въ Новой слободкѣ давно всѣ спали; но часовой, ходившій по платформѣ гаубтвахты, услышалъ этотъ крикъ и поднялъ тревогу. Когда дежурный эскадронъ прискакалъ къ мѣсту происшествія, лавка была уже разграблена, и на ея порогѣ лежалъ убитый Григорьевъ. Жена его, полуживая отъ страха, могла сообщить только, что хищниковъ было пять человѣкъ, и что между ними находился Радомцевъ. Конные и пѣшіе патрули тотчасъ обшарили окрестность, заглянули даже во всѣ огороды, но никого не нашли; да и трудно было найти кого-нибудь въ такую темную ночь, когда всадникъ дальше головы своей лошади ничего не видѣлъ.

На третій день послѣ этой тревоги, съ покосной поляны Нижегородскаго полка, куда посылались повозки за сѣномъ, угнаны были двѣ пары быковъ. Случай былъ не важенъ самъ по себѣ; но важно было то, что быки эти впослѣдствіи были опознаны въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ у одного отставного солдата, который купилъ ихъ на базарѣ у какого-то татарина,—а этотъ татаринъ, по примѣтамъ, оказался Радомцевымъ. Слѣдовательно, дезертиръ настолько былъ дерзокъ, что не боялся показываться даже въ самой крѣпости, гдѣ его многіе знали въ лицо [3].

Не прошло послѣ того, какъ бѣжалъ Радомцевъ, и мѣсяца, а о немъ уже заговорила цѣлая линія. Какое бы происшествіе ни случилось на Сулакѣ, оно непремѣнно связывалось съ именемъ Радомцева. Гоняясь за нимъ, охотники выбивались изъ силъ. Сколько ни старались они занимать секретами всѣ извѣстные броды, имъ ни разу не удавалось напасть на слѣдъ его партіи, а между тѣмъ оказывалось, что Радомцевъ перебирался на нашу сторону именно въ такія ночи, когда его ожидали и караулили на всѣхъ переправахъ [4].

Такъ наступила весна 1851 года. Однажды, осматривая броды, старшина Міатлинскаго аула Абдулла замѣтилъ слѣдъ, который показался ему почему-то особенно подозрительнымъ. Онъ долго стоялъ надъ нимъ въ раздумьи, внимательно его разсматривалъ, что-то соображалъ, и, наконецъ, далъ знать объ этомъ въ Чиръ-Юртъ, откуда тотчасъ прислали къ нему 37 охотниковъ съ двумя унтеръ-офицерами. Абдулла сѣлъ съ ними въ засаду, и съ стоическимъ хладнокровіемъ три дня выжидалъ возвращенія партіи. Партія была, дѣйствительно, Радомцева. Трое сутокъ провела она въ нашихъ предѣлахъ, и за это время захватила шуринскую почту, убила четырехъ казаковъ и двухъ Нижегородскихъ драгунъ, Шевченко и Звягина, встрѣтившихся съ нею въ Карагачскомъ лѣсу около лѣсного редута (5). Послѣднее обстоятельство, вызвавшее на тревогу нѣсколько эскадроновъ драгунъ, заставило Радомцева убраться во свояси: онъ кинулся на Міатлинскій бродъ, — и какъ разъ попалъ на засаду, которую приготовилъ ему Абдулла.

Окруженные на берегу и отбитые отъ брода, горцы должны были спасаться вплавь, провожаемые огнемъ нашихъ охотниковъ, но Радомцева здѣсь не было. Почуялъ ли онъ засаду, или же просто судьба, не рѣдко покровительствующая смѣлымъ людямъ, спасла его отъ неминучей бѣды, только онъ отдѣлился отъ партіи и ушелъ на Хутумбашъ (6).

Замѣчательно, что донесеніе объ этой стычкѣ, пройдя черезъ всѣ инстанціи, нигдѣ не возбудило никакихъ коментарій, никому не показалось страннымъ, что команда изъ сорока нижнихъ чиновъ была подчинена простому татарину. На это обстоятельство первымъ обратилъ вниманіе самъ императоръ Николай Павловичъ, и приказалъ сообщить Воронцову, чтобы на будущее время команды такого состава отряжались не иначе, какъ при офицерахъ. Высочайшая воля принята была къ свѣдѣнію, но чтобы не лишиться въ Абдуллѣ полезнаго дѣятеля, Воронцовъ произвелъ его въ офицеры (7).

Надо сказать, что этотъ Абдулла былъ человѣкъ замѣчательный. Когда Нижегородскій полкъ пришелъ на Сулакъ, онъ жилъ еще въ Салатавіи, и вмѣстѣ съ хищниками не разъ появлялся въ нашихъ предѣлахъ. Во время одного изъ набѣговъ, окруженный казаками, онъ получилъ девять ранъ и былъ привезенъ въ Чиръ-Юртъ, въ качествѣ военно-плѣннаго. Его вылѣчили и поселили въ одномъ изъ мирныхъ ауловъ. Съ тѣхъ поръ Абдулла привязался къ русскимъ, усердно слу-

жилъ имъ, и когда образовался новый Міатлинскій аулъ, назначенъ былъ его старшиною. Впослѣдствіи, при князѣ Чавчавадзе, онъ началъ играть ту же роль, какую игралъ Биръ-Магома при Круковскомъ (8).

Не успѣвъ захватить Радомцева на Сулакѣ, Абдулла выслѣдилъ его на томъ берегу, и 21-го марта сдѣлалъ засаду около Чапчака. Здѣсь пролегала дорога изъ Салатавіи, миновать которую, не подвернувшись подъ выстрѣлы Чапчакской башни, можно было или только въ самую темную ночь, или въ самое суровое ненастье. Когда совершенно смерклось, партія наша увидѣла въ лѣсу небольшой огонекъ, и рѣшила высмотрѣть, что это за люди, которые прячутся въ сторонѣ отъ пути въ такую холодную мартовскую ночь. Шорохъ прошлогоднихъ листьевъ, по которымъ ползъ Абдулла, могъ его выдать, но за трескомъ весело пылавшаго сухого валежника шороха не было слышно. Онъ увидѣлъ человѣкъ десять горцевъ, лежавшихъ вокругъ небольшого костра, а не вдалекѣ отъ нихъ были привязаны къ деревьямъ засѣдланные кони. Очевидно это былъ Радомцевъ. Тогда міатлинцы дали залпъ и кинулись въ шашки. Четыре абрека легли на мѣстѣ, но остальные кинулись къ своимъ лошадямъ и скрылись изъ виду. Нѣсколько времени прислушивался Абдулла къ ночной тишинѣ, стараясь угадать направленіе, по которому они бѣжали. Но лѣсъ не выдалъ ихъ тайны; онъ стоялъ безмолвный и черный, и углубляться въ него было на столько же опасно, какъ и оставаться у костра. Абдулла возвратился домой (9).

— «Не удалось, надо попробовать еще разъ»,—говорилъ Радомцевъ, сидя передъ очагомъ своей сакли, и 30-го марта уже былъ съ новою шайкой на почтовомъ темиргоевскомъ трактѣ. Онъ зналъ, что въ этотъ день долженъ проѣзжать здѣсь чиновникъ особыхъ порученій баронъ Мейндорфъ,—а такой призъ казался ему источникомъ обогащенія на цѣлую жизнь, потому что намѣстникъ, конечно, не пожалѣлъ бы денегъ на выкупъ его, живого или мертваго. Въ полдень на дорогѣ показалось большое облако пыли, и на его сѣромъ фонѣ, какъ тонкія жердочки, закачались длинныя казачьи пики: скакала почтовая тройка, а кругомъ ея 14-ть донскихъ казаковъ. Радомцевъ приготовился къ нападенію. Партія его сѣла на коней,—и вдругъ, какъ это дѣлали драгуны, безъ выстрѣла кинулась въ шашки. Ни одинъ горецъ, дѣйствительно, не вынулъ изъ чехла винтовки; но съ казаками на этотъ разъ былъ опытный урядникъ,—и дѣло Радомцева было проиграно. Пока спѣшив-

шіеся казаки, окруживъ повозку, отбивались огнемъ, изъ Чиръ-Юрта прискакали два эскадрона драгунъ,—и Радомцеву пришлось обратиться въ бѣгство (10).

Черезъ мѣсяцъ, 4-го мая, онъ отомстилъ, однако, за эту неудачу тѣмъ, что угналъ въ Капчугаѣ весь постовой табунъ, такъ что казакамъ не на чемъ было даже его преслѣдовать (11). Все лѣто прошло въ такихъ же тревогахъ, какъ и весна. Въ это время рядомъ съ именемъ Радомцева начинаетъ пріобрѣтать извѣстность на Сулакѣ имя еще другого человѣка, о которомъ до сихъ поръ нигдѣ не говорили. Это былъ нѣкто Агало, молодой салатавскій джигитъ, любимецъ и правая рука Каиръ-бека. Если не дюжинная, но грубая натура Радомцева была способна руководиться только разрушительными инстинктами, свойственными подобнымъ людямъ, то Агало не искалъ для себя ничего, кромѣ славы наѣздника, и ради ея готовъ былъ на самыя безумныя предпріятія. Радомцевъ и Агало явились соперниками, ненавидѣвшими другъ друга отъ всей души, но связанными между собою общностью интересовъ. Дѣйствовали они и вмѣстѣ и порознь, счастливо избѣгая нашихъ преслѣдованій; но наконецъ Менгдену удалось-таки напасть на ихъ слѣдъ, и 17-го августа, когда партія возвращалась изъ-подъ Кумтеръ-Кале, онъ встрѣтилъ ее на переправѣ. Горцы попробовали было пойти на проломъ, но понесли такое жестокое пораженіе, что оставили на мѣстѣ 15 тѣлъ, не считая тѣхъ, которые поглощены были рѣкою (12). Всѣхъ интересовалъ вопросъ,— не было ли въ числѣ убитыхъ Агало или Радомцева? Послали въ горы лазутчиковъ, но пока они вернулись назадъ, Радомцевъ заявилъ о своемъ существованіи самъ, да такою оригинально дерзкою выходкою, которую никто не могъ даже предвидѣть. Вотъ что случилось въ исходѣ августа мѣсяца въ самомъ Чиръ-Юртѣ.

Однажды, въ Новой слободкѣ ночью поднялась суматоха: поймали чеченца, оказавшагося бѣглымъ русскимъ артиллеристомъ, который показалъ, что Радомцевъ находится въ самомъ Чиръ-Юртѣ. Какъ онъ туда проникъ—это тайна, до которой никто никогда не могъ додуматься. Штабъ-квартиру оцѣпили и принялись за поиски; но сколько ни искали самымъ тщательнымъ образомъ, никого не нашли. А Радомцевъ, забравшись между тѣмъ въ пустую конюшню 10-го эскадрона, находившагося тогда въ табасаранской экспедиціи, спокойно лежалъ въ сѣнѣ, слышалъ разговоры проходившихъ мимо солдатъ, и соблазнительно поглядывалъ на тройку

сѣрыхъ упряжныхъ лошадей, принадлежавшихъ поручику Авалдову. На дворѣ стало свѣтать; барабанъ пробилъ утреннюю зорю, и обозъ, назна-

Типы немирныхъ горцевъ. (Съ картины Коррадини).

ченный съ вечера на порубку лѣса, потянулся къ площади. Сталъ собираться въ дорогу и Радомцевъ. Состроивъ весьма искусно казенную денщичью физіономію, въ одной рубашкѣ, безъ шапки, сѣлъ онъ вер-

хомъ на коренную лошадь, и повелъ всю тройку къ водопою. Въ воротахъ онъ замѣшался въ общую толпу обозныхъ солдатъ, и, переругиваясь съ ними, спустился къ рѣкѣ. Но какъ только Радомцевъ увидалъ Сулакъ, онъ гикнулъ на своихъ лошадей, и испуганные кони, съ разбѣга окунувшись въ Сулакъ, какъ молнія вынесли его на противоположный берегъ. Толпа у водопоя только ахнула; но пока дали знать въ Чиръ-Юртъ, и прискакалъ эскадронъ, Радомцевъ былъ уже въ Салатавіи (13).

Случай этотъ произвелъ впечатлѣніе. Послѣ того, какъ Радомцевъ побывалъ въ штабъ-квартирѣ, казалось, что на Сулакской линіи не было уже уголка, гдѣ бы русскій или мирной татаринъ могли считать себя въ безопасности. За то колонны, которыя, отправляясь въ лѣсъ за дровами или сѣномъ, никогда не соблюдали самыхъ элементарныхъ правилъ осторожности, теперь стали выходить съ заряженными ружьями, и двигаться въ порядкѣ, не растягиваясь на цѣлыя версты, какъ это было прежде. Въ лѣсную команду послано было предписаніе: въ середину стана никого не впускать, лазутчиковъ и мирныхъ жителей принимать за оградой редута, а на работы посылать людей не иначе, какъ цѣлыми командами; въ штабъ-квартирѣ рогатки день и ночь стояли замкнутыя; часовыхъ удвоили, а сообщенія Чиръ-Юрта съ его слободками прекращалось отъ пробитія вечерней зори до восхода солнца (14). Словомъ, по всей Сулакской линіи, и даже на Шамхальской плоскости, введена была усиленная охрана; и виновникомъ всѣхъ этихъ новыхъ порядковъ оказывался простой бѣглый русскій солдатъ!

Прошло болѣе мѣсяца послѣ того, какъ тройка поручика Авалдова ушла на водопой и больше не возвращалась, а Радомцевъ все продолжалъ сидѣть въ Делымѣ, и на досугѣ обдумывалъ новый, еще болѣе смѣлый и рискованный планъ.

Въ одну изъ самыхъ темныхъ ночей, когда глаза дѣлаются безполезными до такой степени, что хоть выколи ихъ, какъ говоритъ пословица, шесть человѣкъ горцевъ подобрались къ наружной стѣнѣ одной изъ конюшенъ Нижегородскаго полка и стали вырѣзывать отверстіе, черезъ которое, какъ черезъ калитку, можно бы было вывести всѣхъ лошадей. Стѣна была саманная, и работа подвигалась такъ быстро и такъ тихо, что дневальный, находившійся въ той же самой канюшнѣ, и не подозрѣвалъ, какое у него опасное сосѣдство. Отверстіе наконецъ было готово, и лошади, одна за другой, стали уже исчезать изъ конюшни, какъ вдругъ

молодая кобыла, испуганная появленіемъ въ стойлѣ незнакомыхъ людей, шарахнулась и стала бить задомъ въ перегородку. Дневальный обернулся, и вскрикнулъ отъ изумленія: онъ увидѣлъ передъ собой ворота тамъ, гдѣ ихъ отъ роду не было. Пока онъ сообразилъ, это это за штука, и крикнулъ: «Татары!» —Радомцевъ со своею добычей уже несся къ Міатлинскому броду. За нихъ скакали два эскадрона драгунъ. Радомцевъ растерялъ по дорогѣ большую часть лошадей, но 14-ть изъ нихъ всетаки перегналъ за Сулакъ, и съ ними явился въ Делымъ ([15]). Этого было слишкомъ достаточно, чтобы дезертиръ на цѣлую сажень выросъ въ глазахъ новыхъ своихъ соотечественниковъ. Угонъ лошадей изъ герметически-закупоренной штабъ-квартиры далеко не то, что угонъ табуна въ открытой степи, и имя Радомцева съ уваженіемъ стало произноситься не въ одной Салатавіи, но и въ сосѣднемъ Аухѣ, въ Гумбетѣ и даже между койсубулинскими разбойниками. Шамиль прислалъ ему серебряный орденъ, на которомъ было написано: «Храбрый никогда не думаетъ о послѣдствіяхъ, которыя могутъ быть съ нимъ на войнѣ» ([16]).

Долго еще, быть можетъ, продолжались бы наѣзды Радомцева, если бы въ наши дѣла, какъ глубоко бы мы ихъ ни обдумывали, не вторгались иногда такія случайности, которыхъ не въ состояніи предвидѣть самая тонкая предусмотрительность. Одна изъ такихъ-то случайностей и положила конецъ жизни и дѣятельности Радомцева.

Однажды, подъ вечеръ, когда еще не закладывались ночные секреты, трое горцевъ переплыли Сулакъ подъ самымъ Чиръ-Юртомъ, и на полковыхъ огородахъ столкнулись съ охотниками. Горцы первые дали залпъ, и лучшій стрѣлокъ на всей Сулакской линіи, Зинкевичъ, тотъ самый, который состоялъ безсмѣннымъ вѣстовымъ при Круковскомъ, былъ раненъ. Не видя возможности уйти за Сулакъ, горцы кинулись въ Султанъ-Юртъ и скрылись въ его переулкахъ. Охотники оцѣпили аулъ и дали знать въ Чиръ-Юртъ, откуда тотчасъ прискакали два эскадрона съ самимъ полковымъ командиромъ. Отъ Селимъ-хана потребовали выдачи горцевъ. Болѣе часа простояли, однако, драгуны за оградой, прежде чѣмъ привели муллу, заподозрѣннаго въ укрывательствѣ хищниковъ,— и только тогда горцы наконецъ были выданы.

Ихъ было трое,—и всѣ изъ Делыма; но между ними одинъ обращалъ на себя особое вниманіе своимъ красивымъ лицомъ и статнымъ сложеніемъ. Это и былъ знаменитый Агало, первый джигитъ во всей Сала-

тавіи. Ему нельзя было скрыть свое имя; его знали въ лицо почти всѣ жители прибрежныхъ ауловъ, и всѣ были въ восторгѣ отъ его поимки. «Только смерть его, говорили они: и можетъ избавить линію отъ постоянной тревоги». Но Чавчавадзе далъ дѣлу иной оборотъ. «Слушайте!» сказалъ онъ хищникамъ: «ваша жизнь въ моихъ рукахъ; захочу—съ васъ сейчасъ слетятъ головы, захочу—вы будете свободны. Отъ васъ зависитъ то и другое».—А какую цѣну возьмешь ты за нашу свободу? спросилъ его Агало. «Привезите Радомцева, мнѣ больше ничего не нужно», отвѣчалъ Чавчавадзе. Агало задумался; съ нимъ было двое товарищей, Куда и Амиранъ, безъ которыхъ онъ не могъ рѣшить такого важнаго дѣла, и всѣ трое, отойдя въ сторону, стали совѣщаться. «Нѣтъ», сказалъ наконецъ Агало, «живого его взять нельзя, но если хочешь, то голову его мы тебѣ доставимъ».—Хорошо, согласился Чавчавадзе. «Только, вотъ что», проговорилъ Агало»: — «какъ же ты насъ отпустишь? Здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ за насъ поручиться». — Поручителями вы будете сами, отвѣчалъ Чавчавадзе, — я отпущу васъ на честное слово. Агало наклоненіемъ головы далъ понять, что цѣнитъ оказываемое ему довѣріе. Плѣнныхъ развязали, и графу Менгдену послано было приказаніе пропустить хищниковъ обратно за Сулакъ ([17]).

Агало сдержалъ свое слово. Черезъ нѣсколько времени онъ собралъ партію и пригласилъ съ собою Радомцева. Но пока партія, переправившись черезъ Сулакъ, выбиралась на дорогу къ караагачскому лѣсу, Агало, Радомцевъ и Амиранъ, отдѣлившись отъ нея, заѣхали въ густой прибрежный камышъ и слѣзли съ лошадей, чтобы совершить вечерній намазъ. Радомцевъ, какъ новообращенный, ревностнѣе другихъ исполнялъ обрядъ, предписанный кораномъ, и до того углубился въ молитву, что не видѣлъ ни своихъ товарищей, ни того, что вокругъ него происходило. А происходило нѣчто ужасное: Агало подкрался къ нему сзади съ обнаженной шашкой, и прежде чѣмъ дезертиръ окончилъ молитву, голова его скатилась на бурку. Агало поспѣшно завернулъ ее въ намокшій кровью башлыкъ, и черезъ два часа былъ уже съ нею въ Чиръ-Юртѣ (*) ([18]).

(*) Хроника Нижегородскаго полка должна занести на свои страницы еще одинъ прискорбный фактъ—бѣгство рядового Акима Мирошниченко, который все время разбойничалъ вмѣстѣ съ Радомцевымъ, и пойманъ былъ вскорѣ послѣ его смерти. Онъ преданъ былъ полевому суду и разстрѣленъ въ Чиръ-Юртѣ лѣтомъ 1852 года.

Теперь ему предстояло еще болѣе трудное дѣло—скрыть слѣды своего убійства отъ Каиръ-бека; но въ этомъ случаѣ ему помогъ самъ Чавчавадзе: онъ далъ Агало трехъ старыхъ бракованныхъ лошадей, которыя должны были представлять изъ себя отбитую имъ у драгунъ добычу, а охотникамъ приказалъ преслѣдовать его, и стрѣлять какъ можно больше, разумѣется, холостыми патронами. Перестрѣлка собрала на тревогу жителей ближайшихъ салатавскихъ ауловъ, которыхъ Агало и привѣтствовалъ какъ своихъ избавителей. Вмѣстѣ съ ними онъ возвратился въ Делымъ и доложилъ Каиръ-беку, что Радомцевъ во время преслѣдованія былъ раненъ, упалъ съ лошади, и, по всей вѣроятности, захваченъ драгунами. Каиръ-бекъ повѣрилъ. Нельзя было не повѣрить—налицо были три драгунскія лошади, а голову Радомцева лазутчики видѣли сами въ Чиръ-Юртѣ, воткнутою на высокій шестъ, который два дня стоялъ у часового колокола. Но у Агало было много недоброжелателей, какъ по ту, такъ и по другую сторону Сулака; у Радомцева также остались родственники, и они-то, обнаруживъ обманъ, раскрыли глаза Каиръ-беку. Агало былъ схваченъ и, какъ народный измѣнникъ, приговоренъ къ смертной казни. Каиръ-бекъ не торопился, однакоже, ея исполненіемъ. «Слушай!» сказалъ онъ Агало: «за свою свободу ты заплатилъ Чавчавадзе головою Радомцева; теперь поѣзжай въ Чиръ-Юртъ и привези мнѣ голову самого Чавчавадзе. Не привезешь—я казню твоего отца, жену, дѣтей, а твою собственную голову, какъ бы она крѣпко ни сидѣла у тебя на плечахъ, прикажу носить по всей Салатавіи». Агало не оставалось ничего больше какъ покориться суровому рѣшенію,—и черезъ три дня, въ качествѣ бѣглаго салатавца, онъ уже былъ въ Чиръ-Юртѣ (19). Тамъ знали, однакоже, все, что произошло въ Делымѣ, но начальникъ Сулакской линіи не показалъ и вида, что имѣетъ основаніе недовѣрять Агало. Онъ принялъ его ласково, приказалъ выдать деньги на обзаведеніе, и помѣстилъ его въ Султанъ-Юртѣ. Сначала за Агало былъ учрежденъ секретный надзоръ; но въ поведеніи его не было ничего таинственнаго или загадочнаго; онъ былъ всегда веселъ, и съ такою задушевностью высказывалъ свою признательность за оказанное ему гостепріимство, что самая мысль о кровавой миссіи, возложенной на него салатавскимъ наибомъ, мало по малу была оставлена. Онъ каждый день посѣщалъ Чиръ-Юртъ, и въ концѣ-концовъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ князю Чавчавадзе. Такъ наступило лѣто

17

1852 года, когда въ Чиръ-Юртѣ случилось обстоятельство, косвенно повліявшее на исходъ всей этой до крайности запутанной исторіи.

Изъ Казіюрта пришла однажды оказія, и вмѣстѣ съ нею прибылъ въ полкъ молодой человѣкъ, въ сопровожденіи ментора, суроваго и рослаго жандарма. Менторъ тотчасъ отправился къ князю Чавчавадзе и заявилъ ему, что молодой человѣкъ этотъ — свѣтлѣйшій князь Салтыковъ, и что онъ присланъ по именному высочайшему повелѣнію государя императора. Больше онъ ничего не зналъ. Салтыкова, разумѣется, приняли, зачислили въ 10-й эскадронъ, и стали ожидать разъясненія этого, не совсѣмъ обыкновеннаго случая. Въ непродолжительномъ времени изъ Петербурга пришли бумаги, и отчасти изъ нихъ, а отчасти изъ разсказовъ самого Салтыкова, узнали слѣдующее:

Салтыковъ былъ внукомъ извѣстнаго дѣятеля екатерининскаго царствованія, воспитателя великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Огромное состояніе, доставшееся ему по наслѣдству, свобода и одиночество были плохими для него спутниками въ жизни; они выработали изъ него личность оригинальную, но и представлявшую собою во многихъ отношеніяхъ богатый матеріалъ для психіатра. У него явились свои привычки, наклонности, и даже страсти, которыя теперь, быть можетъ, назвали бы спортомъ, а тогда просто считали причудами, и даже нѣкотораго рода маніей. Больше всего Салтыковъ любилъ русскую тройку, настоящую ямскую тройку въ наборныхъ хомутахъ, съ колокольцами и бубенчиками, любилъ онъ править ею, сидя на облучкѣ телѣги, и непремѣнно въ русскомъ армякѣ, опоясанномъ кушакомъ, и въ шляпѣ съ павлиными перьями. Разсказываютъ, что онъ одно время служилъ даже по найму простымъ ямщикомъ на коломенскомъ трактѣ, гдѣ никто и не подозрѣвалъ его высокаго происхожденія и колоссальнаго богатства. Произошелъ, однакоже, случай, который сдѣлалъ переворотъ во всей его жизни.

Однажды, въ августѣ мѣсяцѣ 1852 года, когда императоръ Николай Павловичъ проѣзжалъ по коломенскому тракту, на одной изъ почтовыхъ станцій въ его коляску запряжена была четверка чудныхъ вороныхъ лошадей, приведенныхъ нашимъ княземъ-спортсмэномъ. Восемь ямщиковъ, въ ожиданіи государя, съ трудомъ держали ихъ подъ уздцы, а на козлахъ сидѣлъ самъ Салтыковъ въ форменномъ кафтанѣ и въ шляпѣ съ мѣдною бляхою. Какъ только государь вышелъ и сѣлъ въ коляску

вмѣстѣ съ Орловымъ, Салтыковъ крикнулъ: «Пускай!» Ямщики, державшіе лошадей, отскочили въ сторону, и четверка, взвившись на дыбы, съ мѣста понеслась, какъ бѣшеная. Столбъ сѣрой пыли, поднятый ею, еще стоялъ неподвижно, а станція и село уже скрылись изъ вида. «Тише!» послышался изъ коляски строгій голосъ государя, и рука его легла на плечо Салтыкова. Тотъ обернулся. «Не извольте безпокоиться, ваше величество,—знаю кого везу!» сказалъ онъ спокойно, и замѣтивъ небольшой логъ, пересѣкавшій дорогу, сразу осадилъ лошадей, переѣхалъ его шагомъ, и снова пустилъ ихъ во весь духъ. Станцію въ 30 верстъ проѣхали въ 40 минутъ, и царская коляска ни разу не колыхнулась. «Спасибо!» сказалъ государь, выходя изъ экипажа, и приказалъ дать ямщику 25 рублей на водку. На станціи государь поинтересовался узнать, что это за ямщикъ, какого онъ еще никогда не видѣлъ, и узналъ, что это свѣтлѣйшій князь Салтыковъ, внукъ воспитателя покойнаго императора Александра 1-го. Лицо государя нахмурилось. Извѣстно, какъ императоръ Николай Павловичъ не любилъ молодыхъ дворянъ, нигдѣ не служившихъ, и праздно, безъ всякой пользы, убивавшихъ время въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ. Онъ потребовалъ къ себѣ Салтыкова и строго сказалъ ему:

«Совѣтую тебѣ бросить причуды и шалости. Послужи мнѣ и Россіи. Я посылаю тебя на Кавказъ, въ Нижегородскій полкъ. Служи, какъ служили отечеству всѣ Салтыковы» ([20]).

Черезъ пять минутъ государь уѣхалъ; а вслѣдъ за нимъ поскакалъ и Салтыковъ, но уже не на привычномъ ему облучкѣ, а въ качествѣ простого пассажира «по казенной надобности»; рядомъ съ нимъ помѣстился усатый дядька въ голубомъ мундирѣ и нитяныхъ эполетахъ, при саблѣ. Болѣе трехъ тысячъ верстъ пришлось имъ сдѣлать прежде, нежели почтовая тройка смѣнилась военнымъ конвоемъ, и они увидѣли наконецъ вдали густыя тучи песку, носившіяся надъ незатѣйливыми сѣрыми строеніями, съ растрепанными камышовыми крышами. «Это и есть штабъ-квартира Нижегородскаго полка», сказалъ имъ офицеръ, сопровождавшій оказію.

Въ Чиръ-Юртѣ Салтыковъ зажилъ совершенно особенною жизнью. Прежде всего у него появилась на конюшнѣ тройка одномастныхъ свѣтло-буланыхъ лошадей, а въ сараѣ—телѣга, давно исчезнувшаго типа, наборные хомуты, и росписная дуга съ бубенчиками и колокольцами.

Къ востоку отъ штабъ-квартиры, какъ извѣстно, протянулась гладкая, какъ скатерть, безпредѣльная на глазъ Шамхальская равнина, отъ которой на Салтыкова такъ и пахнуло просторомъ безбрежныхъ великорусскихъ степей. «Гдѣ она кончается?» спрашивалъ онъ у своихъ новыхъ товарищей.—У самаго моря, отвѣчали ему:—верстахъ въ сорока отсюда. «Хорошо! восклицалъ онъ, «это двѣ добрыхъ русскихъ станцій: будетъ гдѣ разбѣжаться моимъ лошадкамъ». Но ему пришлось разочароваться, когда онъ узналъ, что на этомъ сорокаверстномъ разстояніи человѣкъ сорокъ разъ подвергается опасности быть взятымъ въ плѣнъ или убитымъ. Куда ни обращался онъ, кого ни разспрашивалъ—вездѣ только и слышалъ объ опасности: до лѣсной команды около 20 верстъ, но туда ходятъ оказіи; дорога на Міатлы пересѣчена оврагами и замаскирована кустарникомъ, и одичавшими садами и виноградниками; тамъ безпрестанныя тревоги; по ту сторону моста—ущелье, въ которомъ день и ночь стоятъ непріятельскіе пикеты. Вотъ только въ Султанъ-Юртъ, когда нѣтъ тумана, офицеры рискуютъ иногда ѣздить по одиночкѣ,— но и эта дорога не всегда бываетъ безопасна: въ ранніе часы утра и послѣ заката солнца по ней бродятъ подозрительные люди, съ которыми лучше бы не встрѣчаться въ уединенномъ мѣстѣ. Эта повсемѣстная опасность для каждаго, вновь прибывавшаго въ Чиръ-Юртъ, представляла много привлекательнаго; но Салтыкову она не нравилась: —его господствующей страсти негдѣ было развернуться, и некуда было промчаться ему подъ звонъ колокольцевъ на ухарской тройкѣ. «Дѣлать нечего», подумалъ онъ: «буду ѣздить въ Султанъ-Юртъ». И всякій разъ, какъ только начнутъ переливаться бубенчики, ему вспоминалось раздолье коломенскаго тракта, а впереди, въ разстояніи какихъ-нибудь восьми, десяти минутъ хорошей русской ѣзды, въ голубой атмосферѣ уже высится безобразный силуэтъ какой-то башни, не то минарета, не то мечети, окруженной рядомъ пирамидальныхъ тополей... «Нѣтъ, это не родина!» вздыхаетъ про себя Салтыковъ, и у него начинаютъ проявляться признаки той странной болѣзни, которая зовется тоскою по родинѣ ([21])

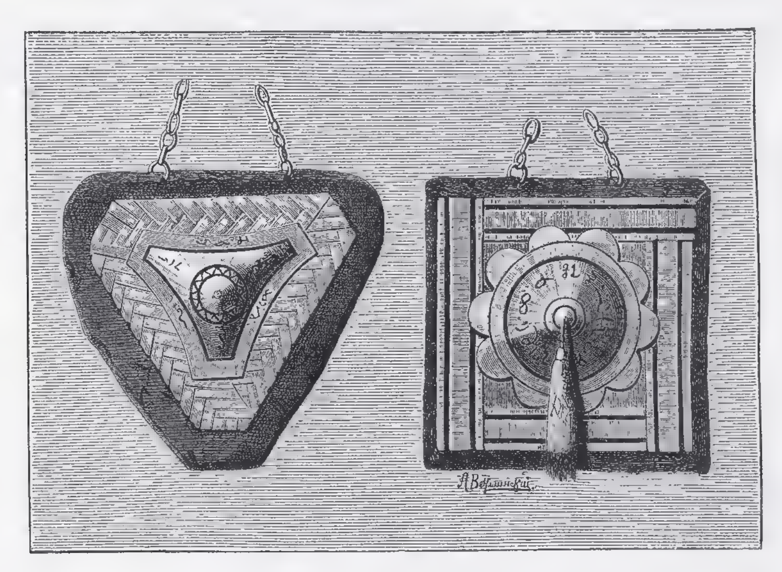
Между тѣмъ слухъ о его несмѣтныхъ богатствахъ и разныхъ причудахъ разошелся по всей Сулакской линіи, и не было татарина, который бы завистливыми глазами не провожалъ его буланой тройки. Одинъ Агало составлялъ исключеніе; но съ тѣхъ поръ, какъ Салтыковъ появился въ Чиръ-Юртѣ, голова начальника Сулакской линіи потеряла для него всю

свою прежнюю цѣнность. Сколько времени еще пройдетъ, и сколькимъ опасностямъ онъ долженъ будетъ подвергнуться прежде, чѣмъ до нея доберется,—а тутъ богатый Салтыковъ, съ его неосторожными экскурсіями, самъ просится въ руки и представляетъ собою добычу, надъ которой не стоитъ даже задумываться. Агало снесся объ этомъ съ Каиръ-бекомъ, и получилъ разрѣшеніе привести къ нему Салтыкова. Онъ сталъ слѣдить за каждымъ его шагомъ, и, вывѣдавъ однажды, что на второй день Рождества, часовъ въ 10 утра, Салтыковъ поѣдетъ верхомъ въ Султанъ-Юртъ совершенно одинъ, рѣшилъ захватить его на дорогѣ. Случилось, однакоже, такъ, что вечеромъ былъ гдѣ-то кутежъ, и свѣтлѣйшій проспалъ до полудня; а когда онъ поднялся, вся штабъ-квартира была уже на ногахъ и въ страшной тревогѣ: дали знать, что Агало бѣжалъ, и что на дорогѣ въ Султанъ-Юртъ, въ полуверстѣ отъ бунтовъ, хищники взяли въ плѣнъ юнкера Готовицкаго ([22]).

Надо же было случиться, чтобы въ этотъ день вмѣсто Салтыкова выѣхалъ изъ Чиръ-Юрта Готовицкій, и выѣхалъ тоже верхомъ, и тоже въ 10 часовъ утра. Обыкновенно въ это время по дорогѣ уже начиналось движеніе: ходили арбы, сновали взадъ и впередъ татары, попадались женщины-туземки, а чаще всего свои же нижніе чины. Но на этотъ разъ лежалъ туманъ, и дорога была совершенно пустынна. Готовицкому слѣдовало бы вернуться; но онъ былъ на Кавказѣ недавно и, какъ всѣ молодые люди, мало вѣрилъ въ опасность. Однако, подвигаясь впередъ, онъ все-таки посматривалъ время отъ времени въ ту сторону, гдѣ широкою каймою вдоль берега рѣки протянулись эскадронные огороды. Тамъ не было никого, но за то на самой дорогѣ вдругъ обрисовались силуэты двухъ всадниковъ. Такъ какъ они направлялись въ Чиръ-Юртъ и ѣхали открыто, то онъ принялъ ихъ за мирныхъ, и скорѣе обрадовался, чѣмъ испугался ихъ появленію. Между тѣмъ всадники, изъ которыхъ одинъ былъ Агало, вдругъ кинулись на него съ двухъ сторонъ, сорвали съ него шашку и, схвативъ за поводья лошадь, во весь опоръ помчались съ нимъ къ Сулаку. Только теперь Агало, захватившій не того, кого ему было нужно, замѣтилъ свою ошибку, но поправить ее уже было нельзя. Черезъ два-три часа бѣшеной скачки всѣ трое были въ Делымѣ. Наибъ, ожидавшій не такого приза, принялъ Агало сурово; но Агало успѣлъ убѣдить его, что этотъ юнкеръ единственный сынъ астраханскаго вице-губернатора, который собираетъ огромную дань съ богатыхъ

калмыцкихъ ауловъ и, конечно, не постоитъ за выкупомъ. Каиръ-бекъ смягчился, и въ знакъ примиренія подалъ Агало свою руку.

Въ то время, какъ Готовицкій мучительнымъ и долгимъ плѣномъ выкупалъ свою минутную оплошность, его товарищи встрѣтили въ Чиръ-Юртѣ новый 1853 годъ,—годъ, полный для полка крупныхъ историческихъ событій: онъ начался блестящимъ дѣломъ на берегахъ Сулака, и кончился на кровавыхъ поляхъ Башъ-Кадыкъ-Лара.

Ордена, учрежденные Шамилемъ.

Постъ Чапчакъ.

X.
Послѣдніе дни на Сулакѣ.
(1853 г.).

Агало въ Делымѣ. — Замыслы его противъ Нижегородцевъ. — Рѣшительный шагъ Каиръ-бека.—Что видѣлъ Каиръ-бекъ на русской сторонѣ.—Ночь съ 11-го на 12-е января въ Чиръ-Юртѣ.—Большое дѣло при водопоѣ.—Неудачи преслѣдуютъ Каиръ-бека и въ домашнемъ быту.—Рядовой Дудатьевъ.—Освобожденіе имъ изъ плѣна Готовицкаго. — Высоко-самоотверженный поступокъ его. — Царская награда. — Двѣ молодецкія стычки охотниковъ на Сулакской линіи.—Хутумбашевскій фортъ.—Пораженіе хищниковъ графомъ Менгденомъ 30-го августа.—Тревога 31-го августа.—Геройскій подвигъ князя Чавчавадзе, и блестящее дѣло его у Чапчака.—Значеніе этого дѣла въ исторіи Нижегородскаго полка.—Тяжкая рана князя Амилахвари.—Награды.

Плѣнъ Готовицкаго показывалъ ясно, какими послѣдствіями можетъ отозваться на спокойствіи Сулакской линіи бѣгство такого опаснаго человѣка, какъ Агало, восемь мѣсяцевъ систематически наблюдавшаго за всѣмъ, что у насъ дѣлается. До его возвращенія въ Делымъ Каиръ-

бекъ только и зналъ то, что ему передавали лазутчики, а тѣ и сами знали не многое. Агало посвятилъ его первый во всѣ тайники пограничной службы и жизни Чиръ-Юрта: онъ зналъ какъ и кѣмъ охраняется штабъ-квартира Нижегородскаго полка и днемъ и въ ночное время, когда и сколько посылается охотниковъ, гдѣ ходятъ конные разъѣзды, и куда они никогда не ходятъ. Словомъ, онъ нарисовалъ передъ нимъ такую картину, что наибъ увидѣлъ ясно, что ему надо сдѣлать, и чего дѣлать не надо. Особенно произвелъ на него сильное впечатлѣніе одинъ разсказъ, повергшій его въ глубокую думу.

— Слышалъ ли ты, спросилъ его разъ Агало:—что въ Чиръ-Юртѣ нѣтъ ни одного колодца, и драгуны водятъ поить своихъ лошадей на Сулакъ? «Слышалъ», отвѣчалъ наибъ. — Теперь я тебѣ скажу, что ѣздятъ они туда не только безъ оружія, но даже безъ сѣделъ, на однѣхъ попонкахъ, и каждый драгунъ ведетъ притомъ въ поводу еще двухъ-трехъ лошадей. Мы сдѣлаемъ засаду,—и прежде чѣмъ успѣетъ выскочить дежурный эскадронъ, мы перерубимъ безоружныхъ солдатъ, и Нижегородскій полкъ лишится всѣхъ своихъ лошадей.

Наибъ взглянулъ на него съ изумленіемъ. Онъ совсѣмъ иначе представлялъ себѣ Нижегородскій полкъ, о подвигахъ котораго ему разсказывали въ горахъ чудеса; нѣкоторые изъ этихъ подвиговъ онъ видѣлъ самъ, а о другихъ слышалъ отъ своихъ предмѣстниковъ Идриса и Омара,—отъ людей, которымъ не вѣрить было нельзя. И вдругъ ему представляется случай однимъ ударомъ разрушить все это обаяніе!.. Съ тѣхъ поръ какъ эта мысль засѣла въ его головѣ, она не давала ему покоя. Но Каиръбекъ былъ остороженъ. Все, что говорилъ Агало о водопоѣ, было такъ мало вѣроятно, что наибъ рѣшился самъ провѣрить его показаніе.

Въ темную ночь, сопровождаемый Агало и еще однимъ нукеромъ, онъ переплылъ Сулакъ, и на его берегу, тамъ, гдѣ начинались полковые огороды, засѣлъ въ глубокую яму. Слѣдуетъ сказать, что эти ямы, тянувшіяся въ нѣсколько рядовъ, были вырыты Нижегородцами еще въ то время, когда драгуны добывали землю для своихъ первыхъ землянокъ, и съ тѣхъ поръ стояли заброшенными, не привлекая къ себѣ никакого вниманія. Только одинъ Агало и додумался, какую пользу онѣ могли принести для горцевъ. Стало разсвѣтать, и наибъ увидѣлъ Нижегородскіе эскадроны, которые одинъ за другимъ выходили изъ Чиръ-Юрта и, вытягиваясь длинною линіей, поили въ рѣкѣ лошадей. «Что

произошло бы теперь», сказалъ Агало, обращаясь къ наибу, «если бы въ этихъ самыхъ ямахъ сидѣли не мы съ тобою, а 400—500 салатавцевъ!»... Наибъ ничего не отвѣтилъ, и только протиралъ глаза, стараясь увѣриться, во снѣ ли все это, передъ нимъ, или наяву. «Если Аллахъ», сказалъ онъ наконецъ, «сохранитъ наши головы только до ночи, мы сдѣлаемъ дѣло, какого еще не бывало на Кавказѣ». Цѣлый день просидѣлъ онъ въ засадѣ, не смѣя шевельнуться. Мимо самыхъ ямъ проѣхалъ драгунскій разъѣздъ, прошла куда-то команда охотниковъ, проскрипѣли, поднимаясь въ гору, двѣ-три арбы, а потомъ появились бабы и долго копались на огородѣ. Много прошло за весь день людей отъ штабъ-квартиры къ Сулаку и обратно, и никому изъ нихъ не пришло въ голову заглянуть, что дѣлается въ ямахъ. Наконецъ наступила ночь; наибъ и Агало выбрались изъ своей засады, переплыли тѣмъ же порядкомъ Сулакъ и поскакали въ Делымъ (¹). Каиръ-бекъ началъ готовиться къ походу. Сосѣдніе наибы Ауха и Гумбета прислали къ нему лучшихъ изъ своихъ наѣздниковъ. Отбить у драгунъ лошадей, и отбить не гдѣ-нибудь, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ штабъ-квартиры, ринуться, такъ сказать, въ самую пасть чудовища,—перспектива была слишкомъ заманчива для настоящихъ джигитовъ! Охотниковъ итти въ набѣгъ собралось болѣе чѣмъ нужно, но Каиръ-бекъ отобралъ изъ нихъ только 500 человѣкъ. Одновременно съ этимъ онъ озаботился, чтобы русскіе не могли ничего узнать о его намѣреніяхъ, и на всѣхъ тропинкахъ, куда только могла ступить нога человѣка, гдѣ прежде не было никакихъ карауловъ, появились пикеты. Мѣра эта, на первыхъ же порахъ, дала себя намъ почувствовать, такъ какъ лазутчики, замѣнявшіе телеграфъ начальнику Сулакской линіи, вдругъ перестали показываться. Телеграфъ въ Чиръ-Юртѣ больше не дѣйствовалъ: цѣлую недѣлю правый берегъ Сулака не зналъ, что дѣлается за его лѣвымъ берегомъ.

Къ крайнему несчастію наиба, въ числѣ выбранныхъ имъ людей находились два кумыка, бѣжавшіе когда-то въ горы изъ нашего султанъ-юртовскаго аула. Они давно желали возвратиться на родину, и рѣшились предупредить Нижегородцевъ объ опасности, чтобы этою цѣною купить себѣ помилованіе.

11-го января 1853 года у полкового командира былъ вечеръ. Въ штабъ-квартирѣ давно уже погасли огни, и надъ Чиръ-Юртомъ царили

мракъ и тишина, когда гости стали наконецъ расходиться по своимъ домамъ. Кругомъ была абсолютная тишина, и только доносился глухой плескъ рѣки, да протяжное «слушай!», которымъ на валу Новой слободки перекликались часовые. Подъ покровомъ этого-то мрака и этой тишины драгунамъ готовился одинъ изъ тѣхъ сюрпризовъ, для которыхъ въ малой войнѣ нѣтъ ни опредѣленнаго времени года, ни опредѣленныхъ дней и часовъ. Давно уже пробила полночь, какъ вдругъ противъ конюшенъ пикинернаго дивизіона, на серебристомъ инеѣ, покрывавшемъ степь, показались два черные силуэта. Замѣтившій ихъ часовой понялъ, кому принадлежатъ эти тѣни, и уже вскинулъ было ружье къ плечу, какъ горцы замахали руками, давая знать, что они перебѣжчики; ихъ тотчасъ препроводили къ полковому командиру, которому они и передали все, что намъ уже извѣстно о замыслахъ Каиръ-бека. Они только не знали—перейдетъ ли наибъ на правый берегъ рѣки или сдѣлаетъ нападеніе съ лѣваго берега.

Такъ какъ извѣстіе доставлено было во-время, и главная опасность уже миновала, то у князя Чавчавадзе естественно родилась мысль жестоко наказать Каиръ-бека, чтобы отбить у него охоту къ подобнымъ продѣлкамъ на будущее время. Онъ тотчасъ выслалъ изъ Чиръ-Юрта охотниковъ, которые, подъ командой графа Менгдена, должны были выслѣдить мѣсто переправы, а подполковнику Шульцу съ четвертымъ дивизіономъ на разсвѣтѣ приказалъ итти къ водопою. Онъ разсчитывалъ, что горцы, обманутые этимъ движеніемъ, выскочатъ изъ засады,—и тогда Шульцъ атакуетъ ихъ рѣшительнымъ образомъ.

Миновавъ огороды и подходя къ Сулаку, Менгденъ услыхалъ глухой плескъ воды и скоро увидѣлъ горцевъ, одинъ по одному выѣзжавшихъ на нашъ берегъ. Чтобы лучше слѣдить за партіей, охотники спустились въ крайнюю яму и съ ужасомъ замѣтили, что горцы разсаживаются по тѣмъ же самымъ ямамъ, отрѣзывая имъ всякую возможность пробраться къ Чиръ-Юрту. Находились смѣльчаки, которые брались пролѣзть сквозь непріятеля, но имъ не позволили: въ случаѣ неудачной попытки, горцы, конечно, ушли бы за Сулакъ, но напередъ истребили бы небольшую горсть охотниковъ.

До разсвѣта оставалось уже не долго; часа черезъ два въ Чиръ-Юртѣ пробили утреннюю зорю—и въ интервалахъ между конюшнями сѣвернаго фаса показалась голова идущихъ на водопой лошадей. Въ

предразсвѣтномъ туманѣ видна была только длинная, растянувшаяся линія, которая, какъ змѣя, спускалась съ горы къ огородамъ. Агало поставилъ уже ногу въ стремя, какъ вдругъ вздрогнулъ и схватилъ наиба за руку. «Намъ измѣнили!» шепнулъ онъ ему дрогнувшимъ голосомъ:—«Драгуны идутъ не къ водопою, они ищутъ насъ — я вижу впереди офицеровъ: вонъ подполковникъ Шульцъ на своемъ рыжемъ «Шамилѣ», рядомъ съ нимъ капитанъ Колмыковъ, а вонъ, особнякомъ, въ сторонѣ, на бѣлой лошади ѣдетъ молодой Чавчавадзе».

Каиръ-бекъ остолбенѣлъ отъ ужаса. Казалось, съ его стороны все было предусмотрѣно, все,—кромѣ измѣны, противъ которой даже его строгія мѣры оказались безсильными.—«Что же намъ дѣлать?» спросилъ онъ Агало.

— «Бѣжать, пока еще есть возможность», отвѣчалъ тотъ. И съ этимъ словомъ Агало, а за нимъ наибъ и горцы, которымъ успѣли только сообщить приказаніе, выскочивъ изъ ямы, пустились уходить къ Сулаку. Другіе же, воображая, напротивъ, что настало время нападенія,—бросились прямо къ драгунамъ.

Нижегородцы были поражены мгновеннымъ появленіемъ непріятеля. «Вонъ они! — Вонъ они!» — зашумѣло въ рядахъ, и по командѣ Шульца, 7-й эскадронъ первый устремился на горцевъ. Ошеломленные неожиданной встрѣчей, тѣ кинулись назадъ, но 8-й эскадронъ встрѣтилъ ихъ на переправѣ. Тогда все перемѣшалось въ рукопашной схваткѣ. Большая часть горцевъ была уже въ рѣкѣ, когда князь Чавчавадзе, взявши на перерѣзъ, чтобы сократить себѣ путь, очутился надъ страшнымъ обрывомъ. Только одна минута раздумья—и бѣлый конь его, взвившись на дыбы, прянулъ съ трехъ-саженной высоты въ бушующую рѣку. За нимъ, очертя голову, бросились два человѣка—рядовые Корзухинъ и Шишкинъ. Какъ только трое нашихъ всадниковъ очутились въ рѣкѣ, Корзухинъ и Шишкинъ быстро проложили себѣ дорогу въ самую середину толпы, а князь Чавчавадзе добрался до самого наиба, но успѣлъ разрубить ему только папаху. Подоспѣвшіе драгуны увеличили общую панику—и въ рѣкѣ образовалась настоящая каша: кто свалился съ коня, тотъ рубился уже пѣшимъ по поясъ въ водѣ. Наконецъ, вырывавшіеся изъ схватки одинъ по одному, горцы стали выскакивать на противоположный берегъ, гдѣ у нихъ приготовлена была засада. Каиръ-бекъ переправилъ на правый

берегъ Сулака только 200 человѣкъ, а триста оставилъ на лѣвомъ; онъ оставилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы перенять отбитыхъ у драгунъ лошадей, но теперь имъ пришлось прикрывать постыдное бѣгство самого Каиръ-бека. Триста винтовокъ могли бы оказать ему существенную пользу, но ихъ не успѣли употребить въ дѣло, такъ какъ драгуны появились на томъ берегу почти вмѣстѣ съ горцами (2).

Пораженіе Каиръ-бека было самое рѣшительное; онъ оставилъ въ нашихъ рукахъ 34 тѣла, да 20 тѣлъ, унесенныхъ теченіемъ, перехвачено было потомъ уже верстахъ въ сорока за Чиръ-Юртомъ, около Костека. Ихъ привезли на другой день на арбахъ, но уже раздѣтыхъ и обобранныхъ кумыками. Въ 4-мъ дивизіонѣ одинъ человѣкъ былъ убитъ (*), шесть ранено и шесть контужено—всѣ холоднымъ оружіемъ; лошадей выбыло 17 (3).

Главнокомандующій по достоинству оцѣнилъ это молодецкое дѣло, и объявилъ о немъ въ приказѣ по корпусу (4). Подполковникъ Шульцъ получилъ Монаршее благоволеніе, капитанъ Колмыковъ золотую шашку, штабсъ-капитанъ князь Чавчавадзе и Аваддовъ—ордена св. Анны 3 ст. Поручикъ графъ Менгденъ и прапорщикъ князь Амилахвари произведены въ слѣдующіе чины. Старшему вахмистру Тимофѣю Докучаеву пожалована вторая треть жалованья на имѣющійся у него знакъ отличія военнаго ордена, и шесть знаковъ назначено было нижнимъ чинамъ; ихъ получили: старшій вахмистръ Павелъ Шепелевъ, младшій—Арсеній Головковъ (раненъ), и рядовые: Тихонъ Бородай, Петръ Бондаревъ, Алексѣй Клушинъ и Евтѣй Просяныхъ; послѣдніе два были ранены, но до конца дѣла оставались во фронтѣ (5). Корзухинъ и Шишкинъ также представлены были къ наградамъ, но оказалось, что имъ нужно было прежде еще изгладить кое-что изъ своего недавняго прошлаго.

Долго говорили послѣ того въ горахъ о молодецкомъ дѣлѣ драгунъ, заключавшемъ въ себѣ нѣчто фатальное для горцевъ, и въ особенности для Каиръ-бека, которому, вмѣсто богатой добычи, пришлось выкупать 54 тѣла. Что сталось съ Агало—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ драгуны больше о немъ ничего не слыхали.

Но бѣдствія Салатавскаго наиба не ограничились только катастрофою у драгунскаго водопоя; ему предстояло новое испытаніе, и на этотъ

(*) Рядовой 7-го эскадрона Капитонъ Крючковъ.

разъ очень близко касавшееся его личныхъ матеріальныхъ интересовъ. Пять недѣль спустя, послѣ посѣщенія имъ русской границы, въ одинъ темный февральскій вечеръ, онъ лишился разомъ двухъ своихъ плѣнныхъ: Готовицкаго, за котораго надѣялся получить цѣлую половину годового сбора съ калмыцкихъ улусовъ, и рядового Нижегородскаго полка Дудатьева, служившаго незамѣнимымъ подспорьемъ въ его домашнемъ

Дѣло князя Чавчавадзе на Сулакѣ.

хозяйствѣ. Исторія этого Дудатьева представляется нѣсколько загадочною. Онъ поступилъ на службу въ 1843 г. изъ поселянъ Херсонской губерніи, и приказомъ по полку 9-го декабря 1852 г. исключенъ изъ списковъ бѣжавшимъ. Между тѣмъ дознаніемъ, произведеннымъ по поводу его внезапнаго исчезновенія, выяснилось, что никакихъ поводовъ къ побѣгу не существовало; о поведеніи его всѣ отозвались одобрительно; допрошенные подъ присягой нижніе чины показали, что онъ былъ солдатъ смир-

ный, по службѣ исполнительный, ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ, и никакихъ притѣсненій ему никто не дѣлалъ. Почему же бѣжалъ онъ? Не было ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? Не былъ ли онъ взятъ въ плѣнъ? Но дознаніемъ обнаружено также, что въ тотъ день, когда исчезъ Дудатьевъ, никакой тревоги на линіи не было, что, насколько извѣстно взводному вахмистру и дежурному унтеръ-офицеру, онъ никуда изъ эскадрона не отлучался, да и товарищи видѣли его въ казармѣ передъ самымъ вечеромъ. Просто исчезъ человѣкъ —и никто не могъ сказать, какъ онъ исчезъ. Лазутчики передавали только, что онъ поселенъ въ Делымѣ и служитъ у наиба, гдѣ на него возложены всѣ черныя работы. Онъ былъ у него и каменщикомъ, когда нужно было исправить дымившуюся бухару (каминъ), и плотникомъ, когда приходилось сдѣлать арбу или какую-нибудь не хитрую домашнюю утварь; онъ убиралъ дворъ, кололъ дрова, ходилъ за лошадьми, чистилъ ихъ и водилъ на водопой. Онъ былъ невольникомъ въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова, и притомъ невольникомъ, безропотно покорившимся своей участи. Но Дудатьевъ все это дѣлалъ обдуманно, чтобы усыпить только бдительность, и потомъ бѣжать изъ плѣна. Какъ и когда онъ бѣжитъ, онъ не зналъ объ этомъ и самъ; онъ предоставилъ все на волю Провидѣнія, точно ожидая указанія свыше. Но когда въ послѣднихъ числахъ декабря къ наибу привезли драгунскаго юнкера, безпомощнаго, блѣднаго, забрызганнаго грязью, онъ разомъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и далъ себѣ слово бѣжать только тогда, когда обстоятельства позволятъ взять съ собою и молодого плѣнника. Онъ плакалъ цѣлый день, когда увидѣлъ родную куртку съ газырями, и красные лампасы на шароварахъ. Все это онъ носилъ, и дорого бы далъ, чтобы носить опять.

Готовицкаго между тѣмъ заковали и бросили въ холодную яму. Такъ поступали въ горахъ со всѣми плѣнными изъ привилегированныхъ сословій, и чѣмъ богаче выкупъ надѣялись получить за плѣннаго, тѣмъ суровѣе была его участь. Въ этомъ видѣли лучшее средство заставить его энергичнѣе хлопотать о своемъ освобожденіи, а его родныхъ согласиться на всѣ условія, не затягивая переговоровъ. Несмотря на свои молодыя лѣта, Готовицкій былъ слишкомъ хрупкой комплекціи для того чтобы безнаказанно перенесть первые, самые тяжелые дни плѣна, и онъ заболѣлъ. Тогда его перевели въ саклю, подъ надзоръ

одного стараго фанатика, и приковали къ стѣнѣ; ѣсть ему не давали по суткамъ, а постелью служила голая тахта, не прикрытая даже рогожею. Шесть недѣль, долгихъ какъ вѣчность, и однообразныхъ, какъ шумъ горнаго потока, бѣжавшаго у подножья ихъ аула, пронеслось съ тѣхъ поръ, какъ Готовицкаго привезли въ Делымъ, и всѣ эти шесть недѣль тянулись переговоры о выкупѣ, не принося ничего утѣшительнаго ни плѣннику, ни тѣмъ, у кого онъ томился въ плѣну.

Однажды, когда наибъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ почетныхъ лицъ, уѣхалъ изъ Делыма, и дома остались однѣ только женщины, Дудатьевъ незамѣтно перекинулся съ Готовицкимъ двумя, тремя словами о времени и мѣстѣ побѣга. Вечеромъ Готовицкій попросился выйти изъ сакли; его сопровождала женщина, которая изъ чувства стыдливости отошла, разумѣется, въ сторону, а въ это время подползъ Дудатьевъ, схватилъ Готовицкаго на плечи и бросился съ нимъ въ рѣчку; тамъ, забрался онъ въ воду по самое горло, и притаился между двумя каменными глыбами, торчавшими надъ поверхностью потока. Женщина долго ждала Готовицкаго, но видя, что онъ не возвращается, рѣшила наконецъ заглянуть за сарай; тамъ не было никого; она окликнула его по имени,—никто не отвѣтилъ. Тогда она выскочила на улицу, и громкимъ, пронзительнымъ крикомъ начала созывать сосѣдей. Вѣсть о побѣгѣ плѣнника въ одинъ мигъ облетѣла аулъ, и жители, разбившись на партіи, пустились въ погоню. Нѣсколько человѣкъ, переправляясь черезъ рѣчку, проѣхали возлѣ самаго камня, за которымъ сидѣлъ Дудатьевъ, но никто изъ нихъ не обернулся даже въ ихъ сторону, такъ какъ никто не предполагалъ, чтобы плѣнники могли скрываться въ рѣкѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, когда вода въ ней не замерзала только благодаря быстротѣ теченія. Нѣсколько времени слышались еще въ отдаленіи ихъ голоса, но и они, постепенно замирая, наконецъ смолкли. Кругомъ стало тихо; только на верху выли двѣ-три собаки, встревоженныя общей сумятицей, да бурлила рѣка, разбиваясь о камни, и обдавая холодными брызгами нашихъ продрогшихъ плѣнниковъ. Дудатьевъ всталъ, вышелъ на берегъ и, набожно перекрестившись, прежде всего разбилъ о камень тяжелыя кандалы своего молодого спутника; но раны, покрывавшія ноги Готовицкаго, отъ раскаленнаго желѣза, все-таки препятствовали ему итти даже медленнымъ шагомъ. Тогда, не раздумывая долго, Дудатьевъ взвалилъ его на плечи и понесъ на себѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега

начинался высокоствольный лѣсъ, дремучій и таинственный, какъ всѣ лѣса въ Салатавіи. Было въ немъ не мало надежныхъ убѣжищъ, но могли быть и западни: плѣнникамъ легко было наткнуться на какой-нибудь пикетъ, или набрести на одну изъ тѣхъ дорогъ, по которымъ ходятъ партіи хищниковъ. Добравшись до лѣсу, Дудатьевъ, не останавливаясь, шелъ уже цѣлую ночь, и шелъ такъ скоро, какъ только позволяли ему темнота, да бурьянъ и валежникъ, валявшіеся между деревьями. Наконецъ занялась заря, и продолжать путь стало опасно; онъ выбралъ въ лѣсу укромную пещеру, устроилъ въ ней изъ листьевъ постель для Готовицкаго, а самъ помѣстился у входа, весь обратившись въ слухъ и въ зрѣніе.

Солнце было уже высоко, когда послышался конскій топотъ, и по полянѣ вдругъ протянулись какія-то длинныя тѣни. Дудатьевъ сталъ вглядываться и увидѣлъ нѣсколько всадниковъ, гуськомъ пробиравшихся почти возлѣ самой пещеры. Изъ отрывочныхъ фразъ, долетѣвшихъ до него, онъ понялъ только, что горцы напали на ихъ слѣдъ и надѣятся захватить ихъ на берегу какого-то ручья, который миновать имъ было невозможно. Сердце его сильно стучало въ груди; но онъ скрывалъ свою тревогу отъ Готовицкаго, чтобы поддержать въ немъ бодрость и силу. Долго и томительно тянулось время, пока въ вечернихъ сумеркахъ опять послышался топотъ, и показались тѣ же всадники, возвращавшіеся теперь отъ ручья. Тамъ они никого не нашли, и рѣшили, что бѣглецы скрываются еще въ здѣшнемъ лѣсу, на разоренномъ хуторѣ, гдѣ была вода, и гдѣ они могли найти для себя хотя какое-нибудь убѣжище отъ холода и непогоды. Дудатьевъ зналъ эти хутора, они лежали верстахъ въ десяти отсюда, а потому, какъ только конскій топотъ затихъ, онъ схватилъ Готовицкаго на руки, и почти бѣгомъ пустился по направленію къ ручью, разсчитывая, что преслѣдователи если и вернутся туда, то не скоро. Слѣды, оставленные всадниками, служили ему путеводителемъ въ незнакомой мѣстности, и Дудатьевъ увидѣлъ въ этомъ явно Божественный Промыслъ, который печется о нихъ и, конечно, не оставитъ ихъ до конца странствованія.

Черезъ ручей переправились благополучно; но за ручьемъ мѣстность начиналась еще опаснѣе, чѣмъ прежде. Днемъ имъ приходилось скрываться въ развалинахъ старыхъ ауловъ, въ балкахъ, или въ заглохшихъ садахъ, а почи итти напролетъ, направляя свой путь по небес-

Бой на Сулакѣ 12 января 1853 года.

нымъ свѣтиламъ, и питаясь только кореньями травъ, которые выкапывали они изъ-подъ снѣга. Иногда по ночамъ они видѣли на высотахъ огни непріятельскихъ пикетовъ, и тогда имъ приходилось дѣлать большіе обходы, а не то и совсѣмъ прекращать путешествіе. Только на третій день Дудатьевъ увидѣлъ наконецъ Сулакъ, сверкнувшій вдали серебристою узкой полоской; за этой полоской начиналась Шамхальская равнина, и на ея окраинѣ лѣпилось некрасивое на видъ, но дорогое его сердцу гнѣздо Нижегородскаго полка. Его не было видно, но онъ зналъ, что оно находится тамъ, и туда стремились всѣ его помыслы. Дойдетъ ли онъ до него? Если бы онъ былъ одинъ, то былъ бы тамъ на вторыя сутки; но съ нимъ былъ больной, изможденный страданіями юноша,—и Дудатьевъ рѣшился бы скорѣе погибнуть, чѣмъ бросить спутника, для спасенія котораго потратилъ уже столько силъ и здоровья.

Чѣмъ ближе къ русской границѣ, тѣмъ больше становилась опасность, такъ какъ чаще попадались пикеты или встрѣчались бродившіе здѣсь одиночные хищники. Холодъ, голодъ и изнуреніе отъ продолжительной ходьбы, съ тяжелой ношей на рукахъ, едва не сломили, наконецъ, выносливой натуры Дудатьева. Онъ напрягалъ уже послѣднія силы, когда на шестой день, подъ вечеръ, передъ нимъ показались вдругъ, освященныя пурпуровыми лучами заходившаго солнца, розовыя башни Евгеніевскаго. Когда Дудатьевъ подошелъ къ ея воротамъ—въ крѣпости били вечернюю зорю.

Короткая одиссея его, составляющая одинъ изъ трогательныхъ эпизодовъ въ исторіи Нижегородскаго полка, была окончена.

На другой день, 26-го февраля, комендантъ нарядилъ особую оказію, которая и доставила нашихъ путниковъ въ родной имъ Чиръ-Юртъ (6).

Главнокомандующій, узнавъ о поступкѣ Дудатьева, прислалъ ему 25 р. с., и приказалъ время, проведённое имъ въ плѣну, считать за дѣйствительную службу. Онъ въ то же время донесъ объ этомъ государю, и императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ наградить Дудатьева серебряною медалью «за спасеніе погибавшихъ», выдать ему сто пятьдесятъ рублей, а человѣколюбивый подвигъ его сдѣлать извѣстнымъ всей русской арміи (7).

И такъ, въ короткое время Нижегородскій полкъ выдѣлилъ изъ своихъ рядовъ двухъ замѣчательныхъ людей: героя висѣлицы Радомцева, неблагодарно измѣнившаго той самой средѣ, которая научила его отвагѣ и мужеству, и героя высокой христіанской добродѣтели—Дудатьева.

Шесть мѣсяцевъ мирно протекли надъ Сулакомъ послѣ неудавшагося покушенія Каиръ-бека угнать лошадей съ драгунскаго водопоя. Въ эти шесть мѣсяцевъ на двухъ противоположныхъ окраинахъ восточнаго Кавказа произошли событія, потребовавшія присутствія тамъ главныхъ силъ непріятеля; то были во-первыхъ—операціи чеченскаго отряда на Мичикѣ, а во-вторыхъ—вторженіе самого Шамиля въ нашъ Джаро-Бѣлоканскій округъ, и блокада имъ укрѣпленія Мессильдигера. За все это время тревожить Сулакскую линію было некому. Горцы два раза, правда, пытались перейти Сулакъ, но оба раза, встрѣченные охотниками Нижегородскаго полка, были разбиты на голову. Молодецкія дѣла 9-го марта у Кумтеръ-Кале (*), и 6-го іюня у Хутумбаша, выдвинули опять имя графа Менгдена, и заставили главнокомандующаго обратить особое вниманіе на его неутомимую дѣятельность. «Это очень усердный и храбрый офицеръ, проводящій не рѣдко цѣлые дни и ночи въ засадахъ съ своими охотниками, и отличающійся особенною смѣлостью и неутомимостью въ трудныхъ поискахъ по передовой кордонной линіи». Такъ аттестовалъ его князь Чавчавадзе въ своемъ письмѣ къ Воронцову (8).

Въ половинѣ лѣта нѣкоторые изъ сборовъ непріятеля были распущены, и партіи сѣверныхъ округовъ Дагестана разошлись по домамъ. Каиръ-бекъ также возвратился въ Делымъ. Но лазутчики еще не успѣли передать намъ это извѣстіе, какъ на Хутумбашѣ произошелъ уже случай, заставившій насторожиться всю Сулакскую линію отъ Евгеніевской крѣпости до самаго Казіюрта.

27-го іюля пикетъ изъ 15 нижнихъ чиновъ линейнаго батальона, стоявшій въ полуверстѣ отъ форта, внезапно увидѣлъ передъ собою массу чеченской конницы, которая съ распущенными значками, какъ туча, вынеслась изъ окрестныхъ балокъ. Пикетъ моментально былъ смятъ и разсѣянъ, стада захвачены, а резервъ, подоспѣвшій сюда, въ числѣ 40 человѣкъ, не только не могъ удержать непріятеля, но самъ поставленъ былъ имъ въ такое положеніе, что изъ форта пришлось послать на его выручку еще 50 человѣкъ. Горцы окружили это новое подкрѣпленіе у самыхъ воротъ форта, а Каиръ-бекъ, между тѣмъ, съ лучшими изъ своихъ наѣздниковъ бросился на приступъ къ башнѣ. Картечь нѣсколько осадила непріятеля, но Каиръ-бекъ готовился уже повторить

(*) За это дѣло охотникъ рядовой Янъ Буйко получилъ знакъ отличія Военнаго ордена.

нападеніе, какъ къ намъ подоспѣло еще 80 человѣкъ, бывшихъ на покосѣ съ поручикомъ Соловымъ. Тогда непріятель медленно сталъ отходить къ Сулаку, а Соловой, собравъ всѣ наши разбросанныя команды, отступилъ съ ними къ форту. Мы потеряли 16 нижнихъ чиновъ и всѣ стада, ходившія на пастьбѣ ([9]).

Съ этихъ поръ лазутчики каждый день являлись къ князю Чавчавадзе, давая знать, что Каиръ-бекъ намѣренъ сдѣлать нападеніе на табунъ артиллерійскихъ лошадей, ходившихъ на Озени. Начальникъ Сулакской линіи приказалъ немедленно взять этихъ лошадей съ пастьбы и держать ихъ на конюшнѣ. Лошади были взяты, а слухи о близкомъ нападеніи горцевъ между тѣмъ не прекращались. Нужно было ожидать нападенія на одинъ изъ нашихъ мирныхъ ауловъ.

Въ такихъ слухахъ и тревожномъ ожиданіи тянулось время до 30-го августа. Утромъ въ этотъ день въ Чиръ-Юртѣ былъ церковный парадъ, по случаю тезоименитства наслѣдника-цесаревича, но еще не успѣла окончиться божественная служба, какъ вниманіе всѣхъ привлекло на себя новое боевое зрѣлище. Въ Чиръ-Юртъ вступали охотники Нижегородскаго полка,—и впереди Менгденъ; они вели съ собою только что отбитыхъ у горцевъ лошадей, и несли кровавые трофеи, взятые ими съ поля битвы. Оказалось, что въ эту самую ночь партія горцевъ, намѣревавшаяся переправиться черезъ Сулакъ, около Міатлинской башни, наткнулась на нашихъ охотниковъ и была ими перебита ([10]).

Это обстоятельство дало поводъ думать, что горцы не скоро отважатся на новое предпріятіе. Убѣжденіе это было такъ сильно, что даже охотники не отправились въ слѣдующую ночь на свои обычные поиски, и заночевали въ Чиръ-Юртѣ. Офицеры провели вечеръ у одного эскадроннаго командира, у котораго, по случаю его именинъ, составились даже танцы. Мысль о тревогѣ никому не приходила въ голову ([11]).

Передъ разсвѣтомъ офицеры разошлись по домамъ; но едва начался день, какъ прискакалъ запыхавшійся татаринъ съ извѣстіемъ, что горцы отбили весь султанъ-юртовскій скотъ, ходившій у Костека, и гонятъ его въ горы. Почти въ то же время съ Чапчакской башни, одиноко стоявшей надъ «Воровскою балкой» у самыхъ предгорій Ауха, послышались сигнальные пушечные выстрѣлы. Съ башни, стало быть, увидѣли непріятеля. Въ Нижегородскомъ полку затрубили тревогу. Князь Чавчавадзе въ это время находился въ Тифлисѣ, и полкомъ завѣдывалъ

временно подполковникъ Шульцъ. Онъ тотчасъ приказалъ маіору Барковскому съ 1 и 7-мъ эскадронами скакать къ Сулаку и переправиться въ бродъ, чтобы не дать непріятелю времени скрыться въ ближайшихъ ущельяхъ, а 3-й и 8-й эскадроны направилъ между тѣмъ кругомъ, черезъ плашкоутный мостъ, по дорогѣ къ Чапчакской башнѣ.

Сулакъ въ то время находился въ разливѣ, и если на немъ мѣстами попадались броды, то они бывали такъ глубоки, что пользоваться ими было не всегда безопасно. Къ несчастію, 7-й эскадронъ, первый выскочившій на тревогу, не попалъ даже на подобный бродъ, а принялъ нѣсколько вправо, и очутился въ страшномъ водоворотѣ. Быстрота теченія сбила и закружила его почти моментально. Двѣ лошади перевернулись на спину и утонули; два всадника окунулись въ воду, и только благодаря своему присутствію духа, были спасены товарищами. Лейбъ-эскадронъ, видѣвшій всю эту катастрофу съ берега, взялъ нѣсколько ниже и попалъ на глубину еще бóльшую. Суматоха сдѣлалась ужасная. Четыре лошади, споткнувшіяся о подводные камни, и два человѣка, унтеръ-офицеръ Кропотовъ и рядовой Пѣшковъ, пошли ко дну, несмотря на всѣ усилія спасти ихъ.

Между тѣмъ командиръ 7-го эскадрона князь Захарій Чавчавадзе уже выскочилъ на противоположный берегъ, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Семейникинымъ; за ними поднялся поручикъ князь Амилахвари и человѣкъ 20—30 драгунъ изъ 7-го и 1-го эскадроновъ; всѣ остальные люди были еще далеко, почти на самой серединѣ рѣки. Ждать ихъ было некогда. «Переправляйся живѣй! Не отставай», крикнулъ съ берега князь Чавчавадзе, и выскочилъ на гору.

Утро было туманное, мѣшавшее явственно разглядѣть отдаленные предметы, но, проскакавъ нѣсколько шаговъ, наши увидѣли въ сторонѣ какую-то медленно двигавшуюся массу. «Ухъ! да какъ же ихъ много!» вырвалось вдругъ восклицаніе у рядового Мазурина.—«Что врешь!» оборвалъ его старый солдатъ: «не видишь что ли, скотъ гонятъ!» Горцы, дѣйствительно, употребили весьма искусный маневръ: они большею частью слѣзли съ своихъ лошадей и перемѣшались съ огромнымъ стадомъ; но едва драгуны, скакавшіе во весь опоръ, перерѣзали имъ путь,—какъ партія вскочила на коней, и передъ нашею горстью вдругъ очутилось 300—400 всадниковъ.

Все это наши разглядѣли тогда, когда были уже лицомъ къ лицу

съ непріятелемъ. Положеніе было трудное. Къ счастію, горцы вмѣсто того, чтобы прямо кинуться въ шашки, встрѣтили насъ залпомъ съ коней,—и въ тотъ же моментъ были атакованы драгунами. Каиръ-бекъ на это никакъ не разсчитывалъ; онъ думалъ, что драгуны повернутъ назадъ; но драгуны такъ же смѣло и беззавѣтно бросились въ бой, какъ кинулись въ Сулакъ и выскочили на гору. Началась ужасная рубка. Въ одну минуту князь Чавчавадзе былъ окруженъ, и надъ его головой уже сверкали десятки шашекъ. Одинъ изъ горцевъ, обладавшій, какъ видно, богатырскою силой, нанесъ ему ударъ по лѣвому плечу; кованый кавалерійскій эполетъ разлетѣлся пополамъ, но лезвіе шашки, задержанное металломъ, только разсѣкло плечо. Не будь эполетъ, которые на Кавказѣ никогда не носили, и которые надѣты были на князѣ въ тотъ день совершенно случайно (*), горецъ, кажется, разрубилъ бы его пополамъ. Другой ударъ—и князь выпустилъ поводья: лѣвая рука его была разрублена повыше локтя до самой кости, и почти въ тотъ же моментъ пистолетная пуля глубоко впилась ему въ шею. Богатырь видомъ и духомъ, онъ еще держался въ сѣдлѣ, отбиваясь, и самъ нанося удары,—какъ вдругъ шашка выскользнула изъ его онѣмѣвшей руки и, звеня, отлетѣла въ сторону. Онъ получилъ четвертую рану, и самую опасную: горецъ разрубилъ ему правую кисть, и такъ глубоко, что перерѣзалъ всѣ сухожилья. Драгуны обступили князя тѣсною кучкой. Но что могли они сдѣлать, когда на каждаго изъ нихъ приходилось по 10—12 противниковъ? Рядовой Мазуринъ, тотъ самый, у котораго вырвалось невольное восклицаніе, быть можетъ въ мрачномъ предчувствіи смерти, былъ убитъ наповалъ; остальные, стѣснившіеся у стремени князя: младшій вахмистръ Головченко, рядовые Запащенко, Гнѣдыхъ и Васильевъ—всѣ были переранены.

Но пока происходила здѣсь эта кровавая сцена, въ другомъ мѣстѣ бой кипѣлъ еще ожесточеннѣе. Тамъ, впереди другихъ врѣзался въ ряды непріятеля юнкеръ князь Ревазъ Амилахвари,—юноша, заслужившій въ зимней экспедиціи офицерскіе эполеты, но еще не успѣвшій надѣть ихъ. Пуля разбила ему ногу. Это увидѣлъ другой Амилахвари (князь Иванъ Гивичъ) и бросился къ нему на помощь, пробившись сквозь толпу непріятеля. Онъ его, дѣйствительно, выручилъ, но тутъ же и самъ,

---

(*) Онъ не успѣлъ ихъ снять, возвратившись съ бала.

весь залитый кровью, безпомощно упалъ на гриву своей лошади. Какой-то горецъ въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и ранилъ въ голову; пуля попала въ верхнюю часть шеи около лѣваго уха, и остановилась возлѣ праваго, повредивъ и шейныя мышцы и височную кость: рана была тяжелая и, какъ полагали, смертельная. Драгуны окружили своего офицера, но изъ нихъ уже многіе были ранены. Быть можетъ они и всѣ сложили бы здѣсь свои головы, если бы имъ, наконецъ, не дали помощи. Но только была ли это помощь? По одиночкѣ, по два и по три человѣка выскакивали драгуны изъ Сулака на берегъ и, очертя головы, неслись прямо туда, гдѣ были ихъ товарищи. Одиночные люди, какъ ни попало бросавшіеся въ сѣчу, конечно, не измѣняли общаго положенія дѣла,—но они все же увеличивали число бойцовъ, а это потрясающимъ образомъ дѣйствовало на горцевъ. Но вотъ, наконецъ скачутъ и послѣдніе остатки 7-го эскадрона съ маіоромъ Барковскимъ. Лошадь подъ нимъ убита; онъ пересаживается на другую, и съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ принимаетъ команду надъ всѣми. Бой, уже угасавшій, возобновляется съ новою силой.

Какъ разъ въ эту минуту вдали показывается и лейбъ-эскадронъ, идущій стройною развернутою линіею. Онъ переправился черезъ Сулакъ позднѣе 7-го, устроился на берегу, и теперь шелъ на полныхъ рысяхъ, равняясь, точно старался пройти передъ кѣмъ-нибудь церемоніальнымъ маршемъ. Впереди, на прекрасно выѣзженномъ гнѣдомъ пародерѣ, виднѣлась тонкая высокая фигура штабсъ-капитана Макарова. Стремительная атака эскадрона развернутымъ фронтомъ покончила дѣло. Горцы дали тылъ, и понеслись въ разныя стороны. Драгуны гнались за ними до самыхъ горъ, гдѣ преслѣдованіе было остановлено, потому что горцы были уже дома. Вся добыча, захваченная непріятелемъ, была отбита нами назадъ, и изъ огромныхъ султанъ-юртовскихъ стадъ и табуновъ не досчитались только девяти лошадей. Онѣ были угнаны горцами. Но за эти девять лошадей непріятель заплатилъ значительною потерей, и что важнѣе всего, въ нашихъ рукахъ осталось тѣло Гумбетовскаго наиба Абакара-кади, человѣка дознанной храбрости, и въ горахъ весьма уважаемаго.

Въ сводномъ дивизіонѣ ранены 2 офицера, а изъ числа нижнихъ чиновъ 1 убитъ, 10 ранено и два утонуло. Лошадей выбыло 22 ([12]).

Драгуны уже возвращались домой, когда со стороны Чапчакской

башни только еще показались 3-й и 8-й эскадроны. Если бы князь Чавчавадзе хотя бы на минуту задумался кинуться въ бой съ цѣлымъ скопищемъ Каиръ-бека,—горцы ушли бы съ богатой добычей.

Дѣло это, конечно, не имѣло важнаго, такъ сказать, историческаго значенія въ общемъ ходѣ военныхъ событій Кавказской войны, но оно занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ исторіи Нижегородскаго полка по тѣмъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, которыя проявлены были въ немъ драгунами. Оно имѣетъ и общій высокій интересъ, потому что едва ли военная исторія можетъ представить другое подобное дѣло, въ которомъ принципъ товарищества и взаимной выручки—этихъ, быть можетъ, двухъ основныхъ элементовъ каждой побѣды, выразился бы нагляднѣе и ощутительнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ 31-го августа.

Извѣщая объ этомъ дѣлѣ князя Барятинскаго, командиръ Нижегородскаго полка писалъ къ нему между прочимъ слѣдующее: «Подвигъ капитана князя Чавчавадзе, описанный маіоромъ Барковскимъ, я выставляю передъ вами по совѣсти въ томъ видѣ, какъ я понимаю храбраго офицера. Потеря у него значительна, но избѣжать этой потери не представилось ни малѣйшей возможности, ибо все дѣло состояло въ рукопашномъ бою, и одно лишь мужество гг. офицеровъ, стойкость нижнихъ чиновъ и распорядительность маіора Барковскаго, сопровождаемая особеннымъ его хладнокровіемъ, могли поколебать хищниковъ и обратить ихъ въ бѣгство» ([13]).

Главнокомандующій объявилъ о молодецкомъ дѣлѣ драгунъ въ приказѣ по корпусу ([14]), и назначилъ нижнимъ чинамъ 10 знаковъ отличія Военнаго ордена ([15]). Капитанъ Чавчавадзе произведенъ былъ въ маіоры, но остальные офицеры наградъ не получили, такъ какъ представленія о нихъ совпали съ представленіями въ томъ же году за чеченскую экспедицію и за дѣло на водопоѣ.

Раненые офицеры лѣчились въ Чиръ-Юртѣ. Русскіе доктора не подавали, однако, никакой надежды на ихъ выздоровленіе. Чавчавадзе, сказалъ одинъ изъ нихъ: еще поправится, но не будетъ владѣть рукою. Амилахвари считали совсѣмъ безнадежнымъ. Кровь такими комками запеклась внутри его раны, что не пропускала даже зонда—и по мнѣнію докторовъ, зараженіе крови являлось неизбѣжнымъ. Тогда полковой командиръ распорядился послать за однимъ изъ туземныхъ хакимовъ, и въ ту же ночь привезли изъ Ташъ-Кичу знаменитаго Устархана. Онъ

перевязалъ раненыхъ по-своему. «Скажи мнѣ», обратился онъ къ доктору: «сколько времени надо, чтобы вылѣчить, вотъ его?» онъ указалъ на Чавчавадзе.—Три мѣсяца, отвѣчалъ тотъ. «А какъ по-твоему: будетъ онъ владѣть рукою?»—«Нѣтъ, не будетъ». Устарханъ замахалъ своими руками. «Оба будутъ здоровы черезъ три недѣли», проговорилъ онъ весело, и принялся за лѣченіе. Амилахвари онъ налѣпилъ на шею какой-то черный пластырь, приготовленный имъ самимъ, и такой жгучій, что Амилахвари, несмотря на свою могучую натуру, не выдерживалъ боли и впадалъ въ обмороки. На другой день изъ раны хлынула матерія, и вмѣстѣ съ нею выскочилъ пистолетный пыжъ, причинявшій больному невыносимыя страданія. «Вотъ тебѣ пешкешъ», засмѣялся Устарханъ, подавая этотъ пыжъ доктору. Черезъ три недѣли лѣченіе окончилось, и раненые поправились настолько, что оба выступили съ полкомъ въ походъ въ Азіатскую Турцію ([16]).

Сторожевая башня и пикетъ.

Атака Бакланова на Мичикѣ.

XI.
Двѣ экспедиціи — въ Чечню и Дагестанъ.
(1853 г.).

Цѣль экспедиціи 1853 года въ Большую Чечню.—Сборъ отряда въ Куринскомъ.—Прибытіе 1-го и 5-го дивизіоновъ Нижегородскаго полка.—Рекогносцировка 6-го февраля, и занятіе отрядомъ Хоби-Шавдонскихъ высотъ.—Новая рекогносцировка 11-го числа.—Смѣлое обходное движеніе Бакланова.—Блистательная кавалерійская атака 17-го февраля.—Занятіе Мичика и роспускъ отряда.—Анекдотъ о смѣтливости нижегородскихъ драгунъ.—Выступленіе 3-го дивизіона въ Дагестанъ.—Стоянка на Турчидагѣ.—Походъ на Лезгинскую линію.—«Безпримѣрный и историческій» переходъ черезъ Кавказскія горы.—Выручка Мессельдигерскаго укрѣпленія.—Награды.—Выступленіе 3-го дивизіона въ Азіатскую Турцію.

1853-й годъ, богатый событіями на Сулакской линіи, ознаменовался еще двумя большими экспедиціями въ Чечню и Дагестанъ, которыя полу-

чили такое значеніе въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, что не случись тогда турецкой войны, значительно стѣснившей всѣ наши операціи, покореніе Кавказа, по всей вѣроятности, совершилось бы нѣсколькими годами ранѣе.

Въ экспедицію 1853 года чеченскому отряду предстояло довершить то, что не было докончено имъ въ 52-мъ году, т.-е. овладѣть берегами Мичика, и, такимъ образомъ, открыть уже послѣдній свободный входъ въ Большую Чечню—со стороны Куринскаго укрѣпленія. Задача была не обширная, но трудная по своему исполненію, такъ какъ оборону Мичика взялъ на себя Шамиль съ 20-тысячнымъ скопищемъ.

Военныя дѣйствія чеченскаго отряда открылись въ этомъ году позднѣе обыкновеннаго. Барятинскій зналъ, что огромное скопище, собранное Шамилемъ, терпитъ большую нужду въ продовольствіи, что эти затрудненія пойдутъ прогрессивно увеличиваться съ каждымъ днемъ, и терпѣливо выжидалъ благопріятной минуты, когда между чеченцами и дагестанскими пришельцами возникнутъ распри изъ-за куска насущнаго хлѣба. Вотъ почему войска только 27-го января вышли изъ Грозной и сосредоточились въ Куринскомъ укрѣпленіи (¹), куда прибыли также и два дивизіона Нижегородскаго полка, 1-й и 5-й, подъ командой полковника Тихоцкаго. Въ первый разъ еще пикинерный дивизіонъ принималъ участіе въ экспедиціи въ полномъ своемъ составѣ.

На другой день Барятинскій, спустившись съ драгунами къ Мичику по старой просѣкѣ, осмотрѣлъ непріятельскую позицію, но, убѣдившись въ ея неприступности, рѣшился избрать для своего наступленія другую дорогу, по Гассанъ-Винскому ущелью, ту самую, по которой въ минувшемъ году Баклановъ прошелъ къ Маіортупскому орѣшнику. Спустя нѣсколько дней, 6-го февраля, когда войска нѣсколько уже расчистили намѣченный путь, вся кавалерія, подъ командой Бакланова, опять спустилась къ Мичику, и своимъ появленіемъ заставила непріятеля открыть по ней орудійный огонь. Но пока на Мичикѣ гремѣли наши и шамилевскія пушки, пѣхота быстро перешла на новую дорогу и заняла Хоби-Шавдонскія высоты, раскинувшіяся надъ самымъ Мичикомъ.

Отсюда, 11-го числа, произвели новую рекогносцировку, въ которой опять участвовали и наши драгуны. На этотъ разъ кавалерія сдѣлала видъ, что намѣрена сама переправиться за Мичикъ, и вызвала тревогу во всемъ непріятельскомъ станѣ. Съ Хоби-Шавдонскихъ высотъ въ под-

зорную трубу можно было видѣть даже самого Шамиля, стоявшаго въ Акі-юртѣ на крышѣ главной мечети. Онъ былъ въ черной черкескѣ и бѣлой чалмѣ, а за нимъ стояли наибы, и развѣвалось большое свѣтло-зеленое знамя съ красными каймами; онъ также въ подзорную трубу слѣдилъ за нашей кавалеріей, и только тогда, когда она повернула назадъ, спустился съ мечети, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Бачи-юртъ, сопровождаемый небольшимъ конвоемъ (2).

Рекогносцировка показала, что удобнѣйшій пунктъ для переправы находится именно здѣсь, и что ключъ непріятельской позиціи составляетъ мысъ, образуемый сліяніемъ Ганзолки и Мичика. Самый Мичикъ здѣсь не широкъ; но онъ протекаетъ въ обрывистыхъ берегахъ, въ глубинѣ болѣе чѣмъ на десять саженъ, и спуститься съ этой кручи подъ огнемъ непріятеля, а затѣмъ штурмовать отвѣсный противоположный берегъ было дѣломъ крайне рискованнымъ. Барятинскій остановился на мысли прибѣгнуть опять къ обходному движенію. Вечеромъ, 16-го февраля, онъ потребовалъ къ себѣ Бакланова, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Дѣдъ! сказалъ ему Барятинскій,—здѣсь намъ не перейти черезъ Мичикъ. Хорошо, если мы, потерявъ тысячу людей, овладѣемъ переправой, но что будетъ тогда, когда мы потеряемъ больше, и возвратимся назадъ безъ успѣха... Ты знаешь здѣшнюю мѣстность,—нельзя ли атаковать позицію съ фланга?

— На это я ничего не могу отвѣчать теперь: дайте мнѣ время, по крайней мѣрѣ два дня, и тогда я обстоятельно доложу вамъ то, что узнаю.

— Нѣтъ! Время не терпитъ: надо знать непремѣнно сегодня, а съ разсвѣтомъ ты долженъ уже выйти изъ лагеря.

«Я возвратился назадъ,—говоритъ въ своихъ запискахъ Баклановъ:— и приказалъ позвать Скопина, начальника моей пластунской команды.

— Помнишь ли ты, Скопинъ, спросилъ я у него:—то мѣсто на Мичикѣ, куда мы ѣздили съ тобою вдвоемъ еще въ началѣ 46-го года?

Скопинъ, немного подумавъ, отвѣчалъ утвердительно.—Помню, сказалъ онъ,—это мѣсто будетъ отсюда верстахъ въ 15-ти; тамъ еще на самомъ берегу Мичика лежитъ большая, вросшая въ землю скала, на которой вы тогда отдыхали.

— Такъ. Садись же сейчасъ на коня и поѣзжай на это самое мѣсто,

осмотри тамъ переправу,—и чтобы къ свѣту я непремѣнно зналъ обо всѣхъ подробностяхъ.

Ночью Скопинъ, одѣтый по-чеченски, выѣхалъ изъ лагеря подъ предлогомъ заложить секретъ за нашею сторожевою цѣпью. Чтобы исполнить порученіе, ему нужно было сдѣлать въ теченіе ночи больше 35 верстъ, и сдѣлать ихъ безъ дороги, по дремучему лѣсу, гдѣ на каждомъ шагу его могли встрѣтить чеченцы. Однако собственная смѣтка, да вѣтеръ, гудѣвшій по лѣсу и заглушавшій топотъ копытъ, дали ему возможность счастливо исполнить порученіе. Къ полночи онъ былъ уже на Мичикѣ, возлѣ знакомаго камня, и къ свѣту возвратился въ лагерь съ извѣстіемъ, что переправа есть, и что она не наблюдается горцами, которые, по всей вѣроятности, и не подозрѣваютъ даже, что тамъ существуетъ бродъ. Спускъ къ рѣкѣ, по словамъ Скопина, былъ отлогій, но подъемъ на противоположный берегъ оканчивался такою кручей, которая была недоступна для артиллеріи, тѣмъ болѣе, что заросла густыми кустами орѣшника.

— А сколько надобно времени, чтобы срыть эту кручу и вырубить орѣшникъ? спросилъ его Баклановъ.

— Четверть часа, много 20 минутъ, отвѣчалъ Скопинъ.

Лагерь еще спалъ, говоритъ Баклановъ, глубочайшимъ сномъ, но въ палаткѣ Барятинскаго горѣли свѣчи. Я позвонилъ и былъ немедленно принятъ.

— Ну, что? Съ какими вѣстями? Берешься? забросалъ онъ меня вопросами.

— Берусь. Но попрошу позволенія выступить немедленно.

— Съ Богомъ!

Онъ раздвинулъ полы палатки, и показавъ рукой на синѣющійся за Мичикомъ лѣсъ, спросилъ:

— Въ которомъ часу ты будешь на этомъ мѣстѣ?

Я отвѣчалъ ему: въ полдень. Но помните, если паче всякаго чаянія, движеніе мое будетъ открыто, и вы услышите въ лѣсу канонаду, не посылайте на выручку ни одного человѣка. Всякая помощь будетъ безполезна. Та мѣстность, по которой я поведу отрядъ, такова, что всякое подкрѣпленіе только увеличитъ наши потери» (3).

18-го февраля, когда весь небосклонъ еще былъ усѣянъ звѣздами, четыре эскадрона драгунъ и три сотни линейныхъ казаковъ, съ конною

батареею, тихо выступили изъ лагеря. Въ Куринскомъ присоединился къ нимъ еще Донской казачій полкъ, и летучій отрядъ вошелъ въ дремучіе лѣса, разстилавшіеся вплоть до самаго Мичика. Три батальона егерей поддерживали это движеніе. Весь рискъ предпріятія и заключался именно въ движеніи по этому лѣсу, гдѣ горцы могли поставить нашъ отрядъ въ безвыходное положеніе. Драгуны инстинктивно это почувствовали, какъ только очутились въ глухихъ, бездорожныхъ дебряхъ, посреди непроницаемой тьмы, препятствовавшей видѣть предметы въ двухъ шагахъ разстоянія. «Но съ какимъ довѣріемъ и съ какою любовью, — говоритъ одинъ очевидецъ: смотрѣли за то солдаты на своего командира,—котораго нравственная сила и популярность были такъ велики, что заставляли людей охотно вѣрить тому, что онъ заговоренъ отъ пуль и знаетъ заговоръ противъ всякой вражеской силы». Колонна прошла уже половину пути, какъ началъ брезжить свѣтъ, и сквозь волнистый туманъ обрисовались первые силуэты горъ. А вонъ, показался и Мичикъ. Высланные впередъ казаки живо срубили орѣшникъ, срыли кучу, и отрядъ свободно перешелъ съ артиллеріей. Но за Мичикомъ лежалъ еще болотистый ручей; и здѣсь-то одно изъ орудій, вмѣстѣ съ зарядным ъ ящикомъ, рухнуло въ тину и загрузло такъ, что никакія усилія не могли его сдвинуть съ мѣста. Всякое промедленіе могло стать гибельнымъ, но тѣмъ не менѣе Баклановъ соскочилъ съ коня и, стоя по поясъ въ водѣ, схватился рукою за хоботъ. Драгуны и казаки, увлеченные его примѣромъ, столпились кругомъ, и загрузнувшая пушка разомъ выхвачена была ими на берегъ; зарядный ящикъ бросили, но снаряды выбрали и роздали ихъ по всадникамъ. Отсюда кавалерія пошла на рысяхъ, а егеря слѣдовали за нею бѣгомъ. Вдали слышались уже пушечные выстрѣлы. Это Барятинскій, спустившійся съ Хоби-Шавдонскихъ высотъ, выдвинулъ впередъ свои батареи, тогда какъ пѣхота стояла въ ружье, готовая по первому сигналу броситься на штурмъ противоположнаго берега. Наступилъ уже полдень,—и вдругъ среди томительнаго ожиданія всѣхъ, изъ темнаго лѣса разомъ выдвинулась масса нашей кавалеріи. Впереди всѣхъ несся черный значекъ, съ хорошо знакомымъ изображеніемъ мертвой головы. «Боклю! Боклю!» раздалось въ толпахъ озадаченныхъ горцевъ, и все, что имѣло способность бѣжать, кинулось спасаться. Въ одну минуту завалы опустѣли, и наша пѣхота безъ выстрѣла взобралась на берегъ. Вся слава и честь переправы безспорно принадлежала Бакланову.

Надо было видѣть, говоритъ очевидецъ, эту несущуюся лаву кавалеріи. Казалось, ничто не въ состояніи было выдержать ея удара, и, дѣйствительно, она уничтожала все, что попадалось ей на пути, и, проносясь черезъ сбитыхъ горцевъ, оставляла заботу докалывать ихъ бѣжавшей за нею пѣхотѣ. Непріятельская артиллерія ускакала первою. Издали казалось, что вотъ-вотъ кавалерія наша нагрянетъ и отрѣжетъ ей путь отступленія; но, къ удивленію всѣхъ, она вдругъ остановилась, круто повернула направо и, вытянувшись въ линію, начала постепенно скрываться изъ виду.

Причиною этого были крутые берега Гонзолки, черезъ которую перескочить было нельзя. И непріятель, и наши мчались теперь на одной высотѣ, отдѣленные другъ отъ друга непроходимымъ оврагомъ. Но вотъ кавалерія завернула лѣвымъ плечомъ, перескочила въ бродъ, и понеслась въ атаку. Къ сожалѣнію, орудія въ это время уже проскакали, и намъ удалось отрѣзать только одинъ арьергардъ, который и палъ подъ ударами драгунъ и казаковъ. Поддержанная еще двумя баталіонами изъ главнаго отряда, кавалерія, между тѣмъ, продолжала скакать на Акі-юртъ, гдѣ находился Шамиль, еще не рѣшавшійся оставить поле сраженія. Но быстрый налетъ кавалеріи заставилъ и его отступить къ Бачи-юрту. Тогда пѣхота зажгла покинутый аулъ, а кавалерія, проскакавъ еще дальше, по ущелью Гонзолки, выдвинула впередъ донскую батарею и открыла огонь уже по самому Бачи-юрту. Это было финаломъ боя: Шамиль, покинутый своими толпами, бѣжалъ изъ аула,—и наша кавалерія, повернувъ назадъ, потянулась въ лагерь на Хоби-Шавдонскія высоты. За нею слѣдомъ вернулась и пѣхота, оставивъ сторожить Мичикъ только два батальона, помѣстившіеся въ наскоро построенномъ редутѣ. Въ лагерѣ торжество было всеобщее. Да и было чему порадоваться, говоритъ одинъ очевидецъ,—никто не ожидалъ, чтобы этотъ день намъ стоилъ такъ дешево. Въ отрядѣ не было даже убитыхъ, и только ранены 2 офицера и 9 нижнихъ чиновъ ([4]).

Въ лагерѣ всю ночь играла музыка, пѣли пѣсенники, гремѣло «ура». И среди всѣхъ этихъ ликовавшихъ кружковъ, говоритъ тотъ же очевидецъ,—невольно повторялось каждымъ имя Бакланова; у всѣхъ врѣзалась въ памяти молодецкая атака кавалеріи, съ несущимся впереди ея лихимъ начальникомъ. Вездѣ предлагались тосты въ честь ея и Бакланова, и при этомъ всѣ невольно проклинали Гонзолку, виновницу нашего неполнаго успѣха.

На слѣдующій день войска сдѣлали рекогносцировку нашихъ новыхъ владѣній, и истребивъ аулы, сидѣвшіе по берегу Мичика: Большіе и Малые Гурдали, Мазлыгаши, Бачи-Юртъ, Денчи-Юртъ и Али-Юртъ, со всѣми принадлежавшими къ нимъ хуторами, заставили непріятеля отодвинуть свою передовую линію назадъ, къ ущельямъ Хулхулау. Занятіемъ береговъ Мичика цѣль экспедиціи была достигнута, и 9-го марта войска получили приказаніе возвратиться по своимъ квартирамъ.

Въ этотъ день, утромъ, Тихоцкій со всѣми своими офицерами зашелъ проститься съ Баклановымъ, командовавшимъ въ этой экспедиціи кавалеріей. «Милости прошу хлѣба-соли откушать», предложилъ Баклановъ, и приказалъ раскинуть возлѣ палатки ковры и бурки. Вся компанія усѣлась на землю и принялась варить походную жжонку. Дивизіоны, совершенно готовые къ маршу, стояли въ сторонѣ, держа лошадей въ поводу, и та же завѣтная чарка обходила ряды ихъ. Разговоры становились живѣе, одушевленнѣе, и наконецъ завязался споръ о смѣтливости и несмѣтливости нашего фронтового солдата. Баклановъ стоялъ за своихъ казаковъ. «Нижегородцы, говорилъ онъ, незамѣнимы въ массѣ, но въ одиночномъ развитіи должны уступить казаку, у котораго смѣтка развивается всею его жизнью». Офицеры спорили, и кто-то предложилъ пари. «А вотъ мы это испытаемъ», сказалъ Баклановъ, и, не вставая съ мѣста, крикнулъ: «Драгуны—садись!» Драгуны, видя, что вся компанія далека отъ того, чтобы подняться въ походъ, смѣтили желаніе храбраго начальника, и, сѣвъ на землю, закурили трубки. Баклановъ пришелъ въ восторгъ. «Я проигралъ пари, говорилъ онъ, но былъ утѣшенъ находчивостью молодцовъ драгунъ». Онъ отослалъ имъ собственную чарку вина, офицеры прибавили свои—и пиръ продолжался до самаго полудня. Наконецъ всѣ сѣли на коней—и шумные, оживленные берега Мичика опустѣли надолго (5).

Барятинскій ходатайствовалъ о награжденіи Бакланова орденомъ св. Георгія 3-го класса, но ему пожалована была только Станиславская лента. Полковникъ Тихоцкій получилъ Владиміра на шею, командиръ 1-го дивизіона маіоръ Барковскій произведенъ въ подполковники; изъ эскадронныхъ командировъ: капитаны Вернеке и Кашинскій произведены въ маіоры, штабсъ-капитанъ Макаровъ въ капитаны, а штабсъ-капитанъ Кусаковъ получилъ орденъ св. Анны 3-й степени; затѣмъ пожалованы: штабсъ-капитану Симашкевичу тотъ же орденъ, а штабсъ-капитану Сури-

нову, поручикамъ Кузьмину-Караваеву и Джемарджидзе, прапорщикамъ Пакатилову и Кусакову—слѣдующіе чины. Юнкера Вальдау и Кусаковъ, унтеръ-офицеръ князь Ревазъ Амилахвари, Сапѣга-Ольшевскій, Тарновскій, Евстафьевъ, Баснинъ и Тупикъ произведены въ прапорщики. Полковому доктору коллежскому ассесору Пржездецкому—орденъ св. Анны 2 ст.

Нижнимъ чинамъ назначено 8 знаковъ отличія Военнаго ордена и, кромѣ того, старшему вахмистру Федору Шведову полный, а младшему, Гавріилу Хованскому двѣ трети оклада на имѣющіеся у нихъ знаки (6).

Едва четыре эскадрона вернулись изъ чеченской экспедиціи, какъ въ началѣ апрѣля мѣсяца 3-й дивизіонъ, подъ командой маіора Петрова, ушелъ въ дагестанскій отрядъ, и съ наступленіемъ лѣта, какъ всегда, расположился на Турчидагскихъ высотахъ. Отрядомъ въ этомъ году командовалъ самъ Аргутинскій, нѣсколько оправившійся послѣ своей заграничной поѣздки, но все еще согбенный и хилый. Въ горахъ на этотъ разъ было не совсѣмъ спокойно, и лазутчики, являвшіеся къ нему почти ежедневно, то и дѣло передавали извѣстія объ огромныхъ сборахъ, которыя дѣлалъ Шамиль для вторженія въ наши предѣлы. Но Аргутинскій не придавалъ этимъ слухамъ никакого значенія, пока, наконецъ, одинъ изъ лазутчиковъ не привезъ ему какое-то письмо, послѣ котораго князь въ тотъ же день, 27-го августа, внезапно поднялъ отрядъ и повелъ его къ Кумуху. Куда идутъ, зачѣмъ?—въ эти вопросы никто не пытался даже проникнуть, зная молчаливый и несообщительный характеръ князя. Прошли, наконецъ, Хозрекъ, и 29-го августа, повернувъ направо, стали подниматься на хребетъ Нос-Дагъ, отдѣлявшій Казикумыхъ отъ Самурскаго округа. Шелъ проливной дождь съ градомъ и снѣгомъ; глинистая дорога совершенно размылась, и драгунскія лошади скользили, ежеминутно рискуя оборваться въ пропасть. Съ каждымъ шагомъ впередъ зигзаки становились круче, а холодный вѣтеръ, пронизывавшій всѣхъ до костей, захватывалъ дыханіе. На вершинѣ горы застали уже снѣговую вьюгу, которая бушевала съ такою силой, что одинъ маркитантъ замерзъ на глазахъ отряда. За исключеніемъ этого случая, войска спустились внизъ благополучно, и ночевали въ ущельѣ, на берегу одного изъ притоковъ Самура (7).

Только тутъ узнали, что Шамиль съ огромнымъ скопищемъ пошелъ

на Лезгинскую линію, угрожая опустошеніемъ Кахетіи, и что Аргутинскій, зная ничтожныя силы, которыми располагалъ князь Орбеліани, спѣшилъ къ нему на помощь. Походъ предстоялъ далекій, и перспектива его прельщала особенно нашихъ драгунъ, которымъ предстояло защищать свое старое, давно покинутое, но все еще дорогое гнѣздо.

Изъ всѣхъ путей, которые вели на Лезгинскую линію, Аргутинскій выбралъ путь кратчайшій, но за то представлявшій такія трудности, передъ которыми должны были поблѣднѣть знаменитые альпійскіе походы Суворова. Собственно говоря, тамъ не было никакого пути,

Развалины укр. Мессельдигера.

потому что жители никогда не рисковали проходить черезъ эти горы даже по одиночкѣ, зная какими глыбами снѣга завалена вся эта дикая мѣстность, и какія страшныя метели бушевали на ея вершинахъ. Зналъ это и князь Аргутинскій. И несмотря на то, этотъ больной и полуразрушенный параличемъ старикъ рѣшился вести свой отрядъ напрямикъ черезъ вѣковѣчные снѣга Гутуръ-Дага. Можно сказать именно «рѣшился», потому что князь Аргутинскій бралъ на себя огромный рискъ: онъ могъ погубить весь отрядъ ([8]).

30-го августа войска начали подниматься на Дульчи-Дагъ, первый отрогъ Большого Кавказа. Дождь, преслѣдовавшій отрядъ отъ самаго

Кумыха, смѣнился такимъ густымъ туманомъ, что проводники едва могли держать направленіе, да и то по примѣтамъ, которыя были извѣстны только имъ однимъ. За проводниками, растянувшись гуськомъ въ этой непроглядной тьмѣ, поднимались драгуны, ведя въ поводу лошадей, а за ними медленно взбиралась пѣхота. Людямъ строго было приказано не терять другъ друга изъ вида, чтобы не отбиться въ сторону и не заблудиться въ лабиринтѣ ущелій, пересѣкавшихъ одно другое въ безчисленныхъ направленіяхъ. Къ счастію, по мѣрѣ подъема туманъ началъ рѣдѣть, и къ полудню надъ головою отряда открылось лазоревое небо. Всѣ вздохнули свободнѣе. Спускъ съ высоты 10 тысячъ футовъ представлялъ еще бо̀льшія трудности, но отрядъ сошелъ благополучно, и кое-какъ размѣстился на ночлегъ на одной небольшой площадкѣ.

На другой день, 31-го августа, предстоялъ перевалъ черезъ другой хребетъ Кутуръ-Дагъ, гдѣ о дорогахъ не было даже и помину; шли большею частію по скользкимъ осыпямъ, и нѣсколько драгунъ, не удержавшись, скатились, какъ на салазкахъ, съ заоблачныхъ высотъ на самое дно ущелья, откуда выбраться имъ стоило не мало усилій. Но это были только комическіе эпизоды похода, такъ какъ люди, несмотря на чрезвычайную быстроту, съ которою летѣли внизъ, отдѣлывались только испугомъ, если не считать еще напра̀сно потраченныхъ трудовъ, такъ какъ весь пройденный путь имъ приходилось начинать сначала. Гораздо хуже было въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось пробираться по самому краю обрывовъ, надъ которыми утесы свѣшивались такъ низко, что образовывали какъ бы искусственные гроты; здѣсь приходилось останавливаться, разсѣдлывать лошадей, и вьюки переносить на рукахъ. У кого изъ солдатъ кружилась голова, того съ закрытыми глазами волокомъ перетаскивали товарищи. Вся эта переправа задержала войска настолько, что отрядъ добрался до ночлега уже послѣ полуночи.

Два хребта были пройдены,—оставалось преодолѣть еще третій, и самый труднѣйшій,—Косурскій. Здѣсь была такая страшная круча, что войска начали взбираться на гору до свѣта, а арьергардъ могъ тронуться съ мѣста только уже въ сумеркахъ. Нижегородцамъ пришлось на этотъ разъ итти въ арьергардѣ. Взбираясь съ уступа на уступъ, драгуны надѣялись съ каждымъ новымъ подъемомъ взойти на вершину горы, и каждый разъ разочаровывались, видя выше себя цѣлую вереницу двигавшихся людей. Морозъ между тѣмъ усиливался; голодные и

продрогшіе солдаты выбивались изъ силъ; многіе засыпали на ходу, но ихъ тотчасъ будили товарищи, зная, что этотъ сонъ можетъ быть предвѣстникомъ смерти. Къ свѣту драгуны прошли наконецъ полосу тучъ, и добрались до вершины. Внизъ, благодаря твердости снѣга, они скатились уже, какъ на салазкахъ, и очутились въ глубокомъ ущельѣ освѣщенномъ яркими и многочисленными огнями: то были костры бивуакировавшаго здѣсь отряда.

Какъ ни торопился Аргутинскій, но люди были до того измучены, что пришлось сдѣлать дневку: былъ уже седьмой день марша, а впереди стоялъ еще Гутуръ-Дагъ, грозный и недоступный. Переходить его съ такимъ большимъ отрядомъ не было никакой возможности, и князь взялъ съ собой только Ширванскій пѣхотный полкъ, дивизіонъ драгунъ и четыре горныя орудія. Всѣ остальныя войска оставлены были у Косура.

3-го сентября, въ морозный, но солнечный день, войска подошли наконецъ къ Гутуръ-Дагу. Яркіе лучи отражались на бѣломъ покровѣ горы такъ сильно, что глазъ не выносилъ ослѣпительнаго блеска, и многіе, пренебрегшіе извѣстнымъ средствомъ чернить или намазывать вѣки пороховою мякотью, поплатились зрѣніемъ. Гора поражала своею колоссальностью даже привычныхъ кавказцевъ. «Какая величественная, но дикая и суровая природа! восклицаетъ одинъ участникъ похода». Все мертво, нѣтъ даже признаковъ жизни! Только грохотъ Самура одинъ и нарушалъ тишину въ природѣ» (9). По берегу его, надъ отвѣстною кручей, впереди всѣхъ поднимался въ гору, князь Аргутинскій, погруженный въ свои нескончаемыя думы. «Тяжело было видѣть» говоритъ тотъ-же очевидецъ, «какъ этотъ старый вождь, еще не оправившійся отъ тяжкой болѣзни, и закутанный только въ одну, раздуваемую вѣтромъ, холодную шинель, ѣхалъ на маленькой сѣрой лошадкѣ, которую два нукера вели подъ уздцы, чтобы она не сорвалась въ кручу». Прошелъ день, наступила ночь, а солдаты все лѣзутъ выше и выше, безъ отдыха и приваловъ. Тяжело, но безропотно дышетъ грудь подъ тяжелою ношей, и, несмотря на сильный морозъ, потъ ручьями катится по ихъ загрубѣлымъ лицамъ.

— Чтобъ ее розорвало! вдругъ слышится по адресу горы чье-нибудь восклицаніе: просто смерть приходитъ!

Миновала, наконецъ, ночь, заискрились опять солнечные лучи надъ безбрежною снѣговою пустыней, а солдаты, утопая въ снѣгу, все идутъ,

и идутъ. Стали наконецъ попадаться чьи-то замерзшіе трупы. Судя по одеждѣ, это были наши мирные лезгины, которые, вѣроятно, спасаясь отъ нашествія Шамиля, забрались въ эти снѣга, и въ нихъ покончили свое существованіе. Особенно поразила всѣхъ одпа невыразимо трогательная группа: сидѣла, прислонившись къ скалѣ, молодая, бѣдно одѣтая женщина, и держала на колѣняхъ грудного ребенка котораго точно старалась предохранить отъ холода своими исхудалыми руками; у ногъ ея, скорчившись, сидѣлъ трехъ или четырехъ-лѣтній мальчикъ, тщетно старавшійся, какъ видно, укрыться полой ея изорваннаго бешмета; высокій и худой лезгинъ дополнялъ эту печальную картину: онъ стоялъ, прислонившись головой къ той же самой скалѣ, и прикрывалъ всѣхъ старою буркой. Тѣла закоченѣли въ этихъ неподвижныхъ позахъ, и казались изваянными изъ мрамора. Проходя мимо, драгуны крестились и творили молитву.

Это было предостереженіемъ и намъ. Солдаты сами смотрѣли другъ за другомъ, чтобы кто-нибудь не заснулъ, и отъ временнаго покоя не перешелъ къ вѣчному. До самаго вечера все поднимались въ гору, и только послѣ сорока трехъ часовъ безостановочнаго марша драгуны достигли, наконецъ, перевала; за ними поднялся 3-й батальонъ Ширванскаго полка; остальныя войска были еще далеко (10).

На высотѣ 14 тысячъ футъ (это почти вдвое выше знаменитаго перевала на Военно-грузинской дорогѣ) воздухъ былъ такъ рѣдокъ, что предметы виднѣлись на огромномъ разстояніи. Города, лежавшіе болѣе чѣмъ за сто верстъ, какъ Царскіе Колодцы, Манглисъ или Бѣлый Ключъ, освѣщенные вечернимъ солнцемъ, казались, свѣтлыми точками на темномъ фонѣ земли, а въ Закаталахъ, лежавшихъ у подошвы горы, можно было пересчитать даже окна, хотя до нихъ было еще верстъ 20 или 25 (11). Непріятеля нигдѣ не было видно, но до насъ глухо доносились пушечные выстрѣлы. Судя по ихъ направленію, можно было догадываться. что это отбивается передовое Мессельдигерское укрѣпленіе. Дѣйствительно, въ ту же ночь въ отрядъ пробрались два милиціонера, которые сообщили, что Шамиль со всѣми силами блокируетъ Мессельдигеръ, занятый двумя слабыми ротами, и что князь Орбеліани, располагая слишкомъ ничтожными средствами, не рѣшается атаковать многочисленнаго непріятеля. На вопросъ,—въ какомъ положеніи находится укрѣпленіе? одинъ изъ милиціонеровъ отвѣтилъ: «Полагаю, что оно не продержится

Переходъ черезъ Гутуръ-Дагъ.

болѣе сутокъ, такъ какъ гарнизонъ, перебитый на половину, доведенъ уже до крайности».

Въ виду этихъ извѣстій нельзя было ждать, пока соберется цѣлый отрядъ, и князь Аргутинскій пошелъ впередъ только съ драгунами и батальономъ пѣхоты. Всѣ думали, что онъ двинется прямо на выстрѣлы, но Аргутинскій, какъ всегда, рѣшилъ избѣгнуть напраснаго кровопролитія и повелъ отрядъ боковымъ отрогомъ—въ Закаталы. Онъ былъ убѣжденъ, что какъ только Шамиль увидитъ наши штыки на грани вѣчныхъ снѣговъ, онъ самъ поспѣшитъ убраться во свояси, и Лезгинская линія будетъ спасена безъ боя.

Солнце уже садилось, когда небольшая колонна наша тронулась къ Закаталамъ. Кавалерія, при которой находился самъ Аргутинскій, спускалась быстро, почти на рысяхъ, чтобы еще засвѣтло миновать въ одномъ мѣстѣ опасную переправу: это была тропа не шире полуаршина, которая шла по снѣжному сугробу, случайно прибитому къ отвѣсной скалѣ, и образовавшему висячій мостъ надъ бездонною пропастью. Какъ ни привычны и ни осторожны были кавказскіе солдаты, однакоже совершить такую головоломную переправу съ наступленіемъ темноты было бы невозможно. Къ счастію драгуны ее миновали засвѣтло; но Ширванцы были ею задержаны, и ночевали на Гутуръ-Дагѣ.

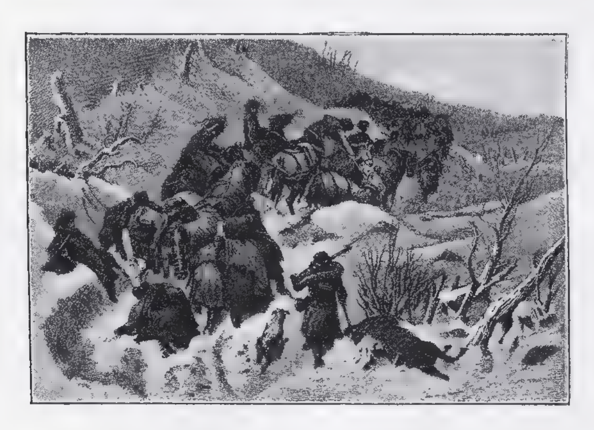
Разсказываютъ, что когда Шамилю дали знать о движеніи князя Аргутинскаго, онъ не хотѣлъ повѣрить. «Даже Аргутинскій», сказалъ онъ своимъ приближеннымъ, «не можетъ пройти тамъ, гдѣ никогда никто не ходилъ». Но когда на вершинѣ горъ сверкнули русскіе штыки, онъ тотчасъ приказалъ снять осаду, и ушелъ въ Джурмутское общество.

На слѣдующій день князь Аргутинскій съ драгунами посѣтилъ Мессельдигерское укрѣпленіе, еще не достроенное и оборонявшееся всего двумя ротами Мингрельскаго полка, подъ командой подполковника Критскаго. Эти двѣ роты безъ воды и при полномъ недостаткѣ артиллерійскихъ снарядовъ 13 дней выдерживали осаду, и отбили нѣсколько приступовъ. Въ лѣтописяхъ Кавказа геройская защита Мессельдигера не можетъ быть поставлена ниже знаменитой защиты Ахтовъ, а между тѣмъ она прошла никѣмъ не замѣченная, благодаря громаднымъ событіямъ, происходившимъ въ то время на кавказской-турецкой границѣ.

Императоръ Николай по достоинству оцѣнилъ рѣшимость князя Аргутинскаго и выразилъ ему свое благоволеніе въ самомъ лестномъ

рескриптѣ, а главнокомандующій въ приказѣ по корпусу назвалъ этотъ походъ «*историческимъ* и *безпримѣрнымъ*» ([12]). Войскамъ Аргутинскаго не пришлось сражаться, но труды, понесенныя ими были такъ велики, что князь Воронцовъ нашелъ справедливымъ наградить ихъ значками отличія Военнаго ордена, и драгунамъ, въ числѣ прочихъ войскъ, пожаловано было, по два креста на эскадронъ ([13]). Ихъ получили: унтеръ-офицеры Павелъ Морозовъ и Павелъ Шимаевъ и рядовые Степанъ Скубе и Петръ Макаровъ.

Но между тѣмъ, пока военныя дѣйствія шли въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ, война съ Турціей была уже рѣшена, и 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка получилъ приказаніе прямо изъ Закаталъ итти въ составъ дѣйствующаго корпуса, собиравшагося на кавказско-турецкой границѣ. 12-го сентября онъ выступилъ въ Александрополь, а 29-го — туда же двинулись изъ Чиръ-Юрта и остальные дивизіоны Нижегородскаго полка ([14]).

Переходъ черезъ Гутуръ-Дагъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА I.

	ТомъVI стр.
1) Ар. Тиф. Окр. Шт. д. 1849 г. О военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ	2
2) Ар. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 2-го отд. Генер. Шт. Секретное, № 15, и разсказы, записанные со словъ старожиловъ Шуры	3
3) Т. Ар. Окр. Шт. Дѣла 1849 г. О военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ . . .	4
4) Тамъ же, и Кав. Сб. т. VIII трехлѣтіе въ Дагестанѣ. 1849 г.	6
5) Тамъ же	7
6) Ар. Войск. Шт. Дагест. обл. Дѣла № 700 и 701	—
7) Тамъ же	8
8) Тамъ же	9
9) Тамъ же и разсказы старыхъ Нижегородцевъ	—
10) Тамъ же	10
11) Тамъ же. Дѣла 1850 г. № 6. Объ устройствѣ Чиръ-Юрта	—
12) Записки стараго Нижегородца К. (рукопись)	12
13) Зиссерманъ. 25 лѣтъ на Кавказѣ, т. II	13
14) Воспоминанія стараго Нижегородца Н. Ушакова	—

ГЛАВА II.

1) Тиф. Ар. Окр. Шт. 2-е отд. Генер. Шт. д. 1850 г. № 2 и Ар. Войск. Шт. Дагестан. обл. Д. 1850 г. № 2	16
2) Инструкція помѣщена въ I главѣ стр. 8	—
3) Ар. Войск. Шт. Даг. Об. Дѣло 1850 г. № 1	—
4) Тамъ же	17
5) Воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	—
6) Ар. Войск. Шт. Даг. об. Дѣло 1850 г. № 1	—
7) Приказы по Кавказскому Корпусу 1850 года	18
8) Воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	—

	Томъ VI стр.
9) Тоже	—
10) Тоже	—
11) Ар. Войск. Шт. Даг. об. Дѣло № 1	19
12) Тамъ же	20
13) Тамъ же.	—
14) Тамъ же	21
15) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1850 г. 2-е отд. Генер. Шт. № 13	22
16) Тиф. Ар. Окр. Шт. Всеподданнѣйшія донесенія Кн. Воронцова за 1850 г.	—
17) Воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	23
18) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1850 г. по 2 отд. Генер. Шт. № 13	24
19) Тамъ же. Дѣло № 5	—
20) Тамъ же	25
21) Тамъ же	—
22) Тамъ же	26

ГЛАВА III.

1) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1850 г. № 204 и Арх. В. Шт. Даг. об. Дѣло 1850 г. № 10. О путешествіи по Кавказу Государя Наслѣдника	28
2) Тамъ же	—
3) Воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	—
4) Ар. Войск. Шт. Даг. об. № 1. Дѣло 1850 г.	29
5) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1850 г. № 204 и Ар. В. Шт. Даг. об. № 10	—
6) Изъ воспоминаній князя А.	30
7) Газета «Кавказъ» 1850 г. № 87, и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ. Записка К. (рукопись)	—
8) Тамъ же	33
9) Воспоминанія кн. А.	34
10) Записка полковника Шульца (рукопись)	—
11) Ар. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1850 г. № 5	35
12) Газета «Кавказъ» 1850 г. № 87	36
13) Воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	38
14) Тоже	—

ГЛАВА IV.

1) Ар. Тиф. Окр. Шт. 2-е отд. Генер. Шт. Секретное. № 15. Дѣло 1851 г.	40
2) Войск. Ар. Даг. об. Дѣло 1851 г. № 8.	41
3) Записки стараго Нижегородца К. (рукопись)	—
4) Тоже	—
5) Тиф. Ар. Окр. Шт. 2-е отд. Ген. Шт. 1851 г. № 4	42
6) Записки К. (рукопись)	43
7) Тоже и Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1851 г. № 4	45

ГЛАВА V.

[16]) Имя Виктора Александровича Петрова такъ часто встрѣчается въ реляціяхъ Нижегородскаго полка, что о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Уроженецъ Херсонской губерніи, потомокъ сербскихъ гусаръ временъ Елизаветы, онъ къ характернымъ чертамъ своихъ воинственныхъ предковъ прибавилъ еще блестящее образованіе, полученное имъ въ Одесскомъ лицеѣ. Службу онъ началъ въ Елизаветградскомъ уланскомъ полку, и въ первые же годы составилъ себѣ репутацію лучшаго ѣздока въ дивизіи. Въ 1845 году, командированный на Кавказъ, Петровъ принялъ участіе въ памятной Даргинской экспедиціи и обратилъ на себя вниманіе своею блестящею храбростью. Отъ наградъ онъ, однако, отказался, и взамѣнъ ихъ просилъ опредѣлить одного изъ трехъ братьевъ на казенный счетъ въ учебное заведеніе. Императоръ Николай приказалъ принять всѣхъ трехъ въ кадетскій корпусъ, а Петровъ произведенъ былъ въ штабсъ-ротмистры. Въ слѣдующемъ году онъ перешелъ въ Нижегородскій полкъ, въ то время, когда послѣдній поселился на Сулакѣ, въ Чиръ-Юртѣ.

Прекрасное образованіе, огромная начитанность, репутація отличнаго боевого офицера, и притомъ знатока кавалерійской службы, а на ряду съ этимъ обширныя

литературныя занятія, несомнѣнно обнаруживавшія въ немъ поэтическія дарованія, не замедлили пріобрѣсти ему вѣсъ и значеніе въ обществѣ. Циклъ его боевыхъ пѣсенъ прекрасенъ, и никогда не сойдетъ съ репертуара Нижегородскихъ пѣсенниковъ.

Обладая замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, онъ любилъ говорить, и говорилъ хорошо; но спорилъ—касался ли споръ литературы, сухой математической теоремы или параграфа кавалерійскаго устава—съ одинаковою горячностью, и съ такимъ увлеченіемъ, что товарищи въ шутку прозвали его «немирнымъ Ауховцемъ».

Эскадронное ученье
Онъ съ Лордъ Байрономъ сдружилъ,
Отъ «Гяура» къ «построеньямъ»
Онъ не разъ переходилъ.

Такова надпись къ портрету Петрова, сдѣланная авторомъ «Чиръ-Юртовскаго монастыря» Филимоновымъ.

Нѣкоторыя странности его характера никогда не мѣшали ему быть добрымъ товарищемъ, котораго въ полку не только любили, но и уважали. Его иниціативѣ, какъ мы знаемъ, обязаны были между прочимъ и созданіемъ перваго театральнаго сезона въ Чиръ-Юртѣ. Но если на театральныхъ подмосткахъ онъ не стяжалъ себѣ первенства, за то на другой сценѣ, гдѣ давались настоящія трагедіи, гдѣ убивали людей не картонными мечами, и гдѣ разъ убитые уже не вставали, чтобы появиться въ новой пьесѣ,—онъ занялъ выдающееся мѣсто. Боевой эскадронъ свой онъ держалъ въ рукахъ, и во время горячаго дѣла любилъ обращаться къ солдатамъ съ рѣчами. Это было подмѣчено и вызвало шуточную стихотворную реплику:

Въ пылу ужасной сѣчи,
Подъ выстрѣломъ картечи,
Петровъ читаетъ рѣчи
Удивительныя!

Петровъ не оставался въ долгу и отвѣчалъ эпиграммами, острыми и полными сарказма.

Безъ связей и поддержекъ онъ самъ прокладывалъ себѣ дорогу, и впослѣдствіи носилъ Георгіевскій крестъ на шеѣ и командовалъ корпусомъ, обязанный всѣмъ только себѣ и своимъ боевымъ заслугамъ.

[17]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1851 г. По особому отдѣленію №№ 1 и 92. . . 67

Изъ числа этихъ офицеровъ, отличившихся въ экспедиціи, Кузьминъ-Караваевъ представленъ былъ къ слѣдующему чину; но эта награда была замѣнена ему Монаршимъ благоволеніемъ. Надо сказать, что Караваевъ былъ выпущенъ въ 1848 году изъ школы Гвардейскихъ юнкеровъ Лейбъ-Гвардіи въ Конно-Гренадерскій полкъ и, по тогдашнимъ порядкамъ, прикомандированъ къ образцовому Кавалерійскому полку, расположенному въ Павловскѣ. Однажды, подгулявшая компанія молодыхъ людей принялась изъ шалости рубить на улицахъ молодыя деревья. Караваевъ старался удержать ихъ; но когда это не помогло, сталъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицать ихъ поведеніе. Вышла исторія. Молодымъ людямъ помѣшали, однако, драться на дуэли и разсадили по разнымъ гаубтвахтамъ. Наиболѣе виновные въ этомъ случаѣ Татищевъ и Бурцевъ были выписаны въ армію тѣми же чинами, а Караваевъ переведенъ въ Нижегородскій полкъ поручикомъ. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, командовавшій тогда гвардейскимъ

корпусомъ, принялъ живое участіе въ судьбѣ молодого офицера и съ своею обычною благостью поручилъ его особому вниманію князя Воронцова.

«Поручикъ Кузьминъ-Караваевъ—писалъ Цесаревичъ главнокомандующему Кавказскимъ корпусомъ:—всегда отличался доброю нравственностью, прекраснымъ образомъ мыслей и благородствомъ поступковъ. Эти благородныя качества онъ сохранилъ и теперь. Несчастный случай, уничтожившій его будущность, произошелъ безъ всякаго съ его стороны повода. Сострадая къ участи этого молодого человѣка, Я поручаю его особенному Вашему вниманію, и прошу не признаете ли возможнымъ доставить ему случай къ военнымъ отличіямъ, которыя дали бы возможность перевести его обратно въ гвардію. С.-Петербургъ 5 марта 1851 г. № 172. Съ отличнымъ уваженіемъ пребываю къ Вамъ искренно доброжелательный Александръ».

Князь Воронцовъ тотчасъ распорядился прикомандировать Караваева къ линейнымъ казакамъ на правомъ флангѣ, гдѣ ему поручили въ командованіе сотню. Храбрость, выказанная имъ во время лихихъ казачьихъ набѣговъ, обратила на него особое вниманіе командовавшаго войсками на Кавказской линіи генерала Завадовскаго, который въ августѣ 1851 года писалъ о немъ князю Воронцову слѣдующее: «Личное убѣжденіе мое въ прекрасныхъ качествахъ и военныхъ отличіяхъ этого офицера даетъ мнѣ полное право ходатайствовать о переводѣ его тѣмъ же чиномъ въ гвардію». Вслѣдствіе этого представленія, Караваева перевели обратно въ конно-гренадеры, но онъ пожелалъ остаться въ Нижегородскомъ полку и былъ переименованъ въ штабсъ-капитаны.

[18]) Тамъ же. 67

Знакомъ отличія Военнаго ордена пожалованы:

Младшіе вахмистры:

Владиміръ Калиниченко.
Михаилъ Трубниковъ.
Никита Максимовъ.

Унтеръ-офицеры:

Князь Иванъ Амилахвари.
Князь Ревазъ Амилахвари.
Антонъ Шрейберъ Возницкій.
Александръ Андреевъ.
Гавріилъ Бѣжановъ.
Николай Семеновъ.
Платонъ Вердеревскій.
Григорій Зуевъ.
Филиппъ Драгилевъ.
Александръ Крупенниковъ.
Михаилъ Ковалевскій.
Матвѣй Сорокинъ.
Василій Беринозе.
Димитрій Терновскій.
Сапѣго-Ольшевскій.
Иванъ Жильниковъ.
Прокофій Мундуровскій.
Федоръ Кроловецкій.

Рядовые.

Макаръ Двориковъ.
Семенъ Фурсъ.
Михаилъ Головешкинъ.
Федоръ Яньшинъ.
Ефимъ Луневъ.
Павелъ Бурненко.
Иванъ Баланъ.
Францъ Степановскій.
Антонъ Гудовъ.
Станиславъ Разоваловъ.
Александръ Горніевъ.
Андрей Николаевъ.
Павелъ Катергинъ.
Лаврентій Однополовъ.
Димитрій Фоменко.
Прохоръ Лимоновъ.
Станиславъ Лодзинскій.

Томъ VI стр.

Младшему вахмистру Карпу Егорову—вторую треть жалованья по знаку отличія Военнаго ордена.

Затѣмъ изъ числа нижнихъ чиновъ унтеръ-офицеры Петръ Астафьевъ и Колодка произведены въ прапорщики; унтеръ-офицеръ Николай Астафьевъ (изъ разжалованныхъ) уволенъ отъ службы съ чиномъ XIV класса. Унтеръ-офицеру Григорію Преклонскому (тоже изъ разжалованныхъ) и рядовому Кащенкѣ прощены штрафы. Старшему вахмистру Федору Носову пожалована денежная награда.

Къ этому списку слѣдуетъ прибавить еще казака Донского № 39 полка Табунцова, награжденнаго знакомъ отличія Военнаго ордена за спасеніе жизни Нижегородскаго Драгунскаго полка прапорщика графа Менгдена въ бою 27 февраля 1851 года.

ГЛАВА VI.

1) Ар. Тиф. Окр. Шт. 1-е отд. Ген. Шт. 1851 г. Дѣло № 15. О вторженіи Хаджи-Мурата 70

2) Записки К. 71

3) Записки полковника Шульца . . . . —

4) Тоже 72

5) Тоже и Воспоминаніе В. А. Петрова 73

6) Воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ 74

7) Изъ записокъ Шульца, со словъ Каиръ-Бека . . . . —

8) Тоже 75

9) Дѣло о вторженіи Хаджи-Мурата 1851 г. № 15 . . . . —

10) Записки К. и разсказы очевидцевъ 76

11) Ар. Тиф. Окр. Шт. 1851 г. № 15 . . . . —

12) Разсказы и воспоминанія очевидцевъ 77

13) «Русскій Инвалидъ» 1857 г. № 263 79

14) Тиф. Ар. Окр. Шт. 1851 г. Дѣло № 15. Донесеніе кн. Аргутинскаго 13 апрѣля 1851 г. № 400 . . . . —

15) Тамъ же. Отзывъ кн. Воронцова 20 апрѣля 1851 г. № 549. Приказъ по Кавказскому корпусу 23 апрѣля 1851 года 80

16) Приказъ по полку 1 февраля 1852 г. № 32 . . . . —

17) Приказъ по полку 13 февраля 1852 г. № 44. . . . . —

Пять крестовъ, назначенные княземъ Воронцовымъ въ лейбъ-эскадронъ, получили: унтеръ-офицеры Петръ Мариненко и Петръ Кабановъ; рядовые: Димитрій Дехтяревъ, Алексѣй Димитріевъ и Кондратій Пруцановъ. Шестой крестъ Аргутинскій назначилъ въ 10-й эскадронъ, въ тотъ взводъ, который, спѣшившись, прикрывалъ отступленіе и помогалъ выносить раненыхъ. Онъ достался рядовому Прокофію Бунякову.

Изъ числа кавалеровъ Пруцановъ умеръ отъ раны, и князь Аргутинскій разрѣшилъ возложить оставшійся послѣ него крестъ на рядового лейбъ-эскадрона Михаила Передѣльскаго.

Впослѣдствіи пожаловано было еще шесть дополнительныхъ знаковъ отличія военнаго ордена унтеръ-офицерамъ: Михаилу Волошину, Павлу Конареву, Федору Шилову и рядовымъ: Никитѣ Квитко, Василію Несвѣтаеву и Андрею Иванову.

Денежныя награды пожалованы рядовымъ: Горохову, Строганову, Передѣльскому, Чижову, Зубаренкѣ, Ефремову, Гончарову, Соболеву и Воротынцеву; а четыремъ нижнимъ чинамъ: унтеръ-офицеру Павлову и рядовымъ Чернецкому, Сопкову и Акимову уничтожены штрафы, по особому ходатайству главнокомандующаго «во вниманіе къ подвигу, оказанному драгунами».

[18]) Приказы по войскамъ Кавказск. Воен. Окр. за 1887 г. 82

[19]) Письмо Нижегородскаго офицера Фогеля къ кн. Амилахвари (изъ бумагъ кн. Амилахвари) 83

[20]) Письмо къ автору Начальника Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа полковника Шатихина, и разсказы другихъ очевидцевъ 85

ГЛАВА VII.

[1]) Приказы по полку за 1851 г. 87

[2]) Тамъ же . . . . —

[3]) Ар. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1851 г. № 15, 2-е отд. Генер. Шт. Секр. 89

[4]) Военно Уч. Ар. Глав. Шт. Записки Хаджи-Мурата и письма о немъ къ Военному Министру . . . . —

[5]) Тамъ же 90

[6]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло № 15 92

[7]) Тамъ же. Дѣло о наградахъ въ Дагестанѣ 1851 г. № 91 94

[8]) Записано въ 1855 году со словъ Нижегородскихъ пѣсенниковъ 95

[9]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло № 15 96

[10]) Воен. Уч. Ар. Гл. Шт. Записки Хаджи-Мурата . . . . —

[11]) Приказы по полку за 1851 г. . . . . —

[12]) Преклонскій разжалованъ былъ въ рядовые безъ лишенія дворянскаго достоинства за нанесеніе кинжаломъ смертельной раны прапорщику Кубанскаго егерскаго полка Клопману. За Чеченскую экспедицію 1851 года онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, но вмѣстѣ съ тѣмъ князь Воронцовъ выразилъ желаніе, чтобы Преклонскому доставленъ былъ случай къ новому отличію; вслѣдствіе этого князь Чавчавадзе тотчасъ перевелъ Преклонскаго въ 10-й эскадронъ, и послалъ его въ Табасаранскій походъ . 97

[13]) Знаки отличія Военнаго ордена пожалованы:

Младшимъ вахмистрамъ:

Николаю Зенкевичу.
Абраму Сивовалову.
Емельяну Травкину.

Унтеръ-офицерамъ:

Петру Бергеру.
Петру Готовицкому.

Барабанщику

Афонасію Полянскому.

Рядовымъ:

Тимофею Луговскому.
Василію Волощуку.
Дорофею Григорьеву.
Демьяну Гузину.
Михаилу Казакову.

Кромѣ того унтеръ-офицеру Ѳедору Шведову пожалована вторая треть оклада на имѣющійся у него знакъ отличія.

Унтеръ-офицеру Димитрію Зорину (изъ разжалованныхъ) уничтоженъ штрафъ, препятствовавшій къ производству его въ офицеры. Рядовые Иванъ Сафроновъ, Власъ

	Томъ VI стр.
Ворончукъ и Маркъ Борисенко произведены въ унтеръ-офицеры. Младшему фельдшеру Конопенко пожаловано единовременно 25 р.	—
[14]) Воен. Уч. Ар. Гл. Шт. Письма кн. Воронцова Военному Министру о Хаджи-Муратѣ	—

ГЛАВА VIII.

[1]) Записка К. (рукопись)	—
[2]) Кав. Сбор. т. V. Погромъ Чечни. Волконскаго	100
[3]) Тамъ же и Кав. Сбор. т. XIII. Зимняя экспедиція 1852 г. въ Чечнѣ. К.	101
[4]) Тамъ же и разсказы участниковъ похода	102
[5]) Записки стараго Нижегородца К. (рукопись). Кав. Сбор. т. XIII. Зимняя экспедиція въ Чечнѣ 1852 г. К. и т. V. Погромъ Чечни. Волконскаго. Записки Кравцова (рукопись). Рус. Ст. 1879 г. т. XXV. Князь Барятинскій на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи Ольшевскаго. Кавказская старина. Изъ дневника барона Николаи т. VIII. Тифлисъ 1873 г.	103
[6]) Изъ дѣлъ В. У. Ар. Гл. Шт.	105
[7]) Тамъ же	—
[8]) Біографія кн. Барятинскаго. Зиссерманъ	106
[9]) Кав. Сб. т. XIII. Зимняя экспедиція въ Чечнѣ 1852 г. К.	—
[10]) Кавказская старина. Баронъ Николаи. Тифлисъ 1873 г.	108
[11]) Кав. Сб. т. XIII. Зимняя экспедиція 1852 г. К.	109
[12]) Тамъ же. Записки К. (рукопись)	110
[13]) Біографія Бакланова. Потто	—
[14]) Біографія кн. Барятинскаго. Зиссермана	111
[15]) Кому именно назначены кресты, свѣдѣній, къ сожалѣнію, не сохранилось	—
[16]) Газета «Кавказъ» за 1852 годъ	113
[17]) Приказы по полку за 1852 г.	—
[18]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дежурство Шт. 1-е отд. 1-й столъ. Дѣло 1852 г. № 173	—
[19]) Кав. Сб. т. IX. Очеркъ Военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ въ 1852 г.	114
[20]) Тамъ же	116
[21]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1852 г. № 6 по 2-му отд. Генер. Шт.	—
[22]) Тамъ же	—
[23]) Тамъ же	—
[24]) 25 лѣтъ на Кавказѣ. Зиссерманъ т. II	117
[25]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1852 г. № 6	—

ГЛАВА IX.

[1]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ. Войск. Ар. Даг. об. Дѣло о Радомцевѣ	121
[2]) Тиф. Ар. Окр. Шт. по 2-му отд. Генер. Шт. Дѣло за 1853 г. № 2	
[3]) Войск. Ар. Шт. Даг. об. Дѣло о Радомцевѣ	—
[4]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ	—
[5]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1853 г. № 2.	—

	Томъ VI стр.
[6]) Тоже	—
[7]) Тоже	—
[8]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	123
[9]) Записано на Сулакѣ со словъ старожиловъ	—
[10]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло № 2	124
[11]) Тамъ же	—
[12]) Тамъ же	—
[13]) Записка полковника Шульца (рукопись)	126
[14]) Приказы по полку за 1853 годъ	—
[15]) Записки полковника Шульца	127
[16]) Записано со словъ стараго горца	—
[17]) Воспоминанія и разсказы старыхъ Нижегородцевъ	128
[18]) Записано со словъ стараго горца	—
[19]) Тоже	129
[20]) Записки полковника Шульца (со словъ Салтыкова). Зиссерманъ: 25 лѣтъ на Кавказѣ т. II	131
[21]) Записки К. (рукопись)	132
[22]) Воспоминанія и разсказы старыхъ Нижегородцевъ	133

ГЛАВА X.

[1]) Записки полковника Шульца	137
[2]) Тоже и Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1853 г. № 2	140
[3]) Тамъ же	141
[4]) Приказы по Кавказскому корпусу за 1853 г.	—
[5]) Тиф. Арх. Окр. Шт. Дѣло о наградахъ. Особое отд. № 10	—
[6]) Записка К. (рукопись). Разсказы Шульца и другихъ старыхъ Нижегородцевъ .	145
[7]) Приказъ Военнаго Министра 12 Іюня 1853 г. № 41	—
[8]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Журналъ Воен. происшествій въ Прикаспійскомъ краѣ за 1853 г.	146
[9]) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣло 1853 г. № 2	147
[10]) Тоже. Воспоминанія полковника Шульца	—
[11]) Воспоминанія полковника Шульца	—
[12]) Тиф. Ар. Окр. Шт. 1853 г. № 2. Воспоминанія и разсказы очевидцевъ . . .	150
[13]) Тамъ же. Журн. Воен. происшествій въ Прикаспійскомъ краѣ за 1853 г. . .	151
[14]) Приказы по Кавказскому корпусу за 1853 г.	—
[15]) Знаки отличія Военнаго ордена получили:	

Младшій вахмистръ:

Николай Петровъ.

Рядовые:

Моисѣй Однобоковъ.
Павелъ Павленко.
Игнатъ Запащенко.
Назаръ Кузнецовъ.
Василій Васильевъ.
Григорій Мацигоръ.
Григорій Гнѣдыхъ.
Андрей Заботинъ.
Егоръ Лихомановъ.

	Томъ VI стр.
Кромѣ того особо пожалованъ крестъ для мусульманъ установленный юнкеру Бенкузарову.	
[16]) Изъ разсказовъ и воспоминаній Кн. А.	152

ГЛАВА XI.

[1]) Тиф. Ар. Окр. Шт. 2-е отд. Ген. Шт. Дѣло 1863 г. № 9	154
[2]) Кавказская старина. Изъ дневника барона Николаи. Тифлисъ 1873 г. . . .	155
[3]) Біографія Я. П. Бакланова. Потто	156
[4]) Воен. Сб. 1871 г. № 5	158
[5]) Біографія Я. П. Бакланова	159
[6]) Ихъ получили: младшій вахмистръ Іона Волковъ и Иванъ Доллеръ; унтеръ-офицеры: князь Димитрій Церетели, князь Гавріилъ Абашидзе, Иванъ Гончаровъ, Алексѣй Собакинъ, Степанъ Чистюхинъ, Антонъ Энгельгардтъ. Кромѣ того рядовые (изъ разжалованныхъ) Николай Юдинъ и Василій Ивановъ произведены въ унтеръ-офицеры, а барабанщику Василію Антоновскому, рядовымъ Ивану Рябову, Василію Кованцову, старшему фельдшеру Степану Леонтьеву и цырульнику Семену Николаеву пожалованы денежныя награды	160
[7]) Кав. Сб. т. XII. Военныя дѣйствія въ Дагестанѣ въ 1852 и 1853 г. и Воен. Сб. 1862 г. № 7	—
[8]) Тамъ же	161
[9]) Тамъ же	163
[10]) Тамъ же	164
[11]) Тамъ же	—
[12]) Приказы по Кавказскому корпусу за 1853 годъ	166
[13]) Ар. Тиф. Окр. Шт. Дѣла 1853 г. особ. отд. № 169. . . . . Кромѣ того за разновременныя дѣла знаки отличія Военнаго ордена пожалованы: младшему вахмистру Порфирію Брыжюкъ, рядовымъ: Петру Алейникову и Стефану Кавешникову.	—
[14]) Тиф. Ар. Окр. Шт. по 2-му отд. Генер. Шт. Дѣло 1853 г. № 11 о движеніи войскъ на границу и № 121 о выступленіи Нижегородскаго полка	—